

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2012 – 5 (239)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2012**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Мальшева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2012. – № 5 (239). – 194 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Игорь Иванов. Какая дипломатия нужна России в XXI веке?	5
Я. Амелина. Федеральное «ваххабитское лобби» и «стокгольмский синдром» интеллектуалов.....	16
Дугурхан Кокорхоева. Институциональное развитие политической власти в Республике Татарстан.....	27
Лейла Алмазова. Развитие системы религиозного образования в современном Башкортостане	31
Заид Абдулагатов. Влияние религиозного фактора на экстремистское поведение дагестанской молодежи.....	35
Рашид Эмиров. Перспективы реформирования национально- территориального устройства Северного Кавказа.....	44
А. Клименко. Центральнoазиатские республики: Дестабилизирующие факторы в отношениях между ними и их влияние на ситуацию в регионе.....	55
Ольга Гайко. Национальное строительство в Казахстане	61
Дмитрий Фурман, Санобар Шерматова. Причины «коротких циклов» падения и воссоздания авторитарных режимов в Киргизии	69
Рахмон Ульмасов. Таджикская миграция: История, последствия и уроки	79
Александр Джумаев. Центральная Азия: 20 лет спустя.....	85
А. Чулиева. Деятельность западных неправительствен- ных организаций в Центральной Азии	111
Елена Пономарева, Георгий Рудов. Афганский фактор в политике стран Центральной Азии	116
«Пакистан – сложная страна». (Из интервью А. Асланян с британским журналистом Анатолем Ливеном).....	128
Т. Бадашшина. Роль ислама в политической жизни современной Турции. «Нурджисты» и ислам, «нурджисты» и власть	140

К. Краснов. Процесс принятия внешнеполитических решений в Исламской Республике Иран	146
Альберт Куприн. Арабы в Аргентине: Ислам и процессы интеграции	153
Дина Малышева. Мусульманские страны в мировом сообществе.....	166
А. Кива. Рост политического ислама как следствие противостояния двух сверхдержав.....	171

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

Игорь Иванов,
президент Российского совета
по международным делам,
министр иностранных дел России в 1998–2004 гг.
**КАКАЯ ДИПЛОМАТИЯ НУЖНА РОССИИ
В XXI ВЕКЕ?**

Последние 20 лет – это сложный период, это время больших надежд и разочарований, революционных сдвигов и отчаянных попыток сохранить статус-кво, исторических свершений и трагических ошибок. Говорить о нем трудно еще и потому, что процесс фундаментальной перестройки мировой системы, начавшийся в середине 80-х годов прошлого века, далеко не завершен; мы находимся, по всей видимости, лишь в середине длительного исторического цикла перемен. Многие трансформационные тенденции пока еще набирают силу; результат их воздействия в полной мере проявится только через несколько десятилетий.

Но уже сегодня можно констатировать, что переход оказался не просто длительным, но и весьма болезненным. Причем для всех – не только для тех, кого считали проигравшими в «холодной войне», но и для тех, кто мнил себя победителем. В значительной мере это было связано с тем, что крах старой системы произошел очень быстро, по историческим меркам – почти мгновенно. Ни у кого не было подходящих «домашних заготовок» и «запасных вариантов», никто не мог похвастаться наличием выверенной долгосрочной стратегии. Всем приходилось импровизировать, опираясь не столько на опыт старших коллег и учителей, сколько на собственную интуицию и воображение. Иногда импровизации получались удачными, иногда не очень. Поэтому несправедливо оценивать политиков прошедших двух десятилетий с позиций сегодняшнего дня; порой они просто не могли предвидеть не то что долгосрочных, но даже и ближайших последствий своих решений.

Тем не менее анализ событий, успехов и просчетов – по возможности объективный и беспристрастный – необходим. Хотя бы для того, чтобы увереннее двигаться вперед, не наступая раз за разом на одни и те же грабли. Причем анализировать стоит не только собственные ошибки, но и просчеты и заблуждения других игроков.

Ловушка триумфаторства

Сегодня представляется очевидным, что 20 лет назад страны Запада и прежде всего Соединенные Штаты поддались триумфаторским настроениям, оказавшись в плену представлений о «конце истории», «однополярном мире», об универсальности либеральных ценностей. Триумфализм помешал трезво оценить масштаб нерешенных задач, породил иллюзорное представление о том, что стабилизация международной системы произойдет чуть ли не автоматически, без напряженных усилий, масштабных политических и материальных инвестиций, без компромиссов со старыми противниками и новыми оппонентами. За это триумфаторство скоро пришлось дорого заплатить – и не только целым набором международных кризисов и долгосрочных внешнеполитических проблем, но и упущенными историческими возможностями.

Если говорить о Соединенных Штатах, то на протяжении последнего 20-летия эта страна как минимум дважды имела реальные шансы стать общепризнанным лидером мирового сообщества, и оба раза упустила их. Первый раз – в 1989–1991 гг., когда распалась мировая коммунистическая система, а вслед за ней и Советский Союз. Авторитет США в мире был тогда исключительно высок; от американцев ждали новых идей, стратегического видения и долгосрочного лидерства в перестройке мировой системы. Вместо этого Вашингтон продемонстрировал стремление по максимуму воспользоваться благоприятной обстановкой для получения тактических, сиюминутных преимуществ. Иллюзия однополярного мира оказалась слишком соблазнительной, Соединенные Штаты встали на путь навязывания другим странам своих интересов, и благоприятный момент для глобальной перестройки был упущен.

Еще один исторический шанс появился в 2001 г., когда после террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне возникла реальная возможность создать широкую коалицию для борьбы с международным терроризмом. Более того, тогда можно было начать серьезное обсуждение реформы международной

безопасности в целом, фундаментальных проблем международно-го права, перестройки системы органов ООН и пр. Уровень симпатии к США, солидарности с американцами в тот момент достиг пика. И что же? Вашингтон и тут пошел по пути односторонних действий, быстро растеряв кредит доверия, которым можно было бы воспользоваться для осуществления системных сдвигов в мировой политике. Результатом стали тупики в региональных конфликтах, раздувание американского военного бюджета с последующими бюджетными дефицитами и сопутствующими экономическими проблемами, а также взрыв антиамериканских настроений по всему миру. Тактические дипломатические победы быстро сменились стратегическими поражениями.

От курса девяностых – к «путинскому развороту»

А что же Россия? Оглядываясь назад, приходится признать, что и нам далеко не всегда удавалось избегать иллюзий и внешне-политических просчетов. Наверное, главная российская иллюзия 1990-х годов состояла в романтическом представлении о мире после «холодной войны». Тогда нам казалось, что в изменившейся системе место для новой России уже зарезервировано, партнеры легко поймут наши текущие сложности и помогут ответить на трудные вопросы. По сути, мы надеялись – хотя никто не произносил такого вслух, – что кто-то сделает за нас нашу работу только потому, что Россия в одностороннем порядке завершила «холодную войну» и отказалась от значительной части советского наследия. Мы существенно недооценили жесткость, даже жестокость современной политики и переоценили готовность партнеров к стратегическому видению и масштабным решениям. Прозрение наступило далеко не сразу и оказалось весьма болезненным.

Сейчас стало модным критиковать российскую политику 1990-х годов, представляя ее как цепочку односторонних уступок Западу, время бездумной сдачи позиций, немотивированного разрыва отношений с традиционными союзниками и резкого снижения профессионализма российской дипломатии. Подобная огульная критика несправедлива. Конечно, ошибки были, в том числе и очень обидные. Некритическое отношение к Западу тоже имело место, особенно в первой половине десятилетия. Но не будем забывать и о том, в каких условиях формировалась и осуществлялась наша политика 1990-х годов.

Российская государственность еще только-только складывалась, материальная база внешней политики практически отсутствовала, внутри страны один политический кризис следовал за другим, экономика находилась в состоянии, близком к свободному падению. В таких условиях задача выработки и реализации долгосрочной внешнеполитической стратегии была попросту невыполнимой. Подчас наши дипломаты проявляли чудеса изобретательности, решая тактические задачи. В обстановке катастрофического дефицита ресурсов они добивались минимизации неизбежных международных издержек, которые сопутствовали фундаментальной внутренней трансформации России.

На Западе много говорят о «путинском развороте» в российской внешней политике, противопоставляя путинский прагматизм романтике предыдущего периода. Однако не следует забывать, что первые годы пребывания Владимира Путина у власти (по крайней мере 2000–2003 гг.) были отмечены четко выраженной «интеграционистской» линией. Именно тогда предпринимались решительные попытки поднять на качественно иной уровень наши отношения с Европейским союзом, Россия согласилась на американское военное присутствие в Центральной Азии, для поддержки антиталибской операции в Афганистане был учрежден Совет Россия–НАТО, произошел рывок в отношениях с Всемирной торговой организацией.

Конечно, и десять лет назад российская внешняя политика оставалась многовекторной. Мы стремились активно развивать отношения с восточными соседями. Впечатляющий прогресс был отмечен на китайском направлении, оживился диалог с Индией, мы вплотную занялись поиском решения болезненного территориального вопроса с Японией. Иначе и быть не могло – для такой страны, как Россия, просто невозможно представить какое-то одно «эксклюзивное» географическое направление: слишком разнообразны наши интересы, велика вовлеченность в дела различных регионов мира.

И все-таки не будет преувеличением сказать, что в первые годы XXI в. западное направление являлось приоритетным. Москва многократно демонстрировала готовность к очень серьезным политическим инвестициям. Хочу подчеркнуть: Россия не сделала ни одного шага, не приняла ни одного решения, не выступила ни с одной международной инициативой, которые западные партнеры могли бы расценить как недружественные или наносящие ущерб их законным интересам.

И что же мы получили в ответ на стремление к стратегическому партнерству с Западом? Расширение НАТО продолжалось вопреки настойчивым возражениям Москвы и несмотря на очевидную сомнительность стратегии географической экспансии блока с военной точки зрения. Соединенные Штаты в одностороннем порядке вышли из советско-американского Договора о ПРО, подорвав тем самым систему стратегического баланса, десятилетиями складывавшуюся между Москвой и Вашингтоном. Начало военной операции США и их союзников в Ираке в очередной раз поставило под вопрос принцип верховенства права в мировой политике. Запад предпринял активные усилия по политическому проникновению на территорию стран СНГ и ослаблению там российских позиций.

Конечно, западные коллеги утверждали тогда и продолжают утверждать теперь, что все это – расширение НАТО, операция в Ираке, выход Соединенных Штатов из Договора о ПРО, проникновение на постсоветское пространство – «на самом деле» не были направлены против России и не наносили ущерба ее «истинным» интересам. На эту тему можно спорить, но важно другое: российская озабоченность, независимо от того, насколько она была обоснованной, неизменно игнорировалась. Нас попросту не хотели слышать, воспринимая «интеграционистский» курс «раннего Путина» как нечто само собой разумеющееся.

Все это не могло не вызывать разочарования. Поэтому «путинский разворот», кульминацией которого стала известная «мюнхенская речь», был, очевидно, в той или иной мере неизбежным. Значительную часть ответственности за него несут наши западные партнеры. Сама логика развития в начале века подводила российских политиков к неутешительному выводу о том, что в этом мире уважают исключительно силу, России никто и ничего не гарантирует, а отстаивать свои интересы нужно жестко и решительно. Поворот опирался и на осознание того обстоятельства, что Россия прошла точку своей максимальной слабости, ресурсная база для активной внешней политики год от года укрепляется, а следовательно – Москва может и должна говорить с Западом на языке равноправного партнера.

Судя по всему, такая заявка России стала неожиданностью для западных партнеров, которые сочли, что нарушаются некие раз и навсегда установленные – пусть формально нигде не зафиксированные – «правила игры». Нас стали обвинять во всех грехах – от намерения сколотить всемирную коалицию антизападных ре-

жимов до стремления воссоздать Советский Союз. Но именно тогда к точке зрения Москвы начали прислушиваться, а российскую поддержку перестали воспринимать как нечто само собой разумеющееся.

Наверное, историки еще будут спорить о том, насколько «путинский разворот» повысил или понизил эффективность внешней политики. Можно полемизировать по поводу того, был ли он соразмерным сложившейся обстановке или все-таки избыточным и чрезмерным. Однако, вероятно, и горячие сторонники, и непримиримые критики согласятся в одном: сегодня крайне важно не повторять американских ошибок недавнего прошлого. А это значит, не впадать в эйфорию от возросших за последнее десятилетие возможностей российской внешней политики, не поддаваться искушениям односторонности, не злоупотреблять жесткой риторикой и не возлагать все надежды на свои сравнительные преимущества – будь то в военной силе или в энергетических ресурсах.

Американский опыт должен научить и другому: оппортунизм и лидерство несовместимы. Нельзя одновременно претендовать на первенство в мировой политике и придерживаться оппортунистических подходов к конкретным проблемам и ситуациям. Оппортунизм – удел слабых, пользующихся любой возможностью, чтобы добиться хотя бы маргинальных преимуществ и как-то укрепить свои позиции. На лидерство способны только сильные государства, готовые, если потребуется, жертвовать сиюминутными интересами во имя решения стратегических задач, в том числе и задач системного характера, не укладывающихся в рамки ближайших непосредственных национальных интересов. На протяжении большей части последнего 20-летия Россия была вынуждена порой прибегать к оппортунизму – на другое в таких случаях просто не было ресурса. Но исключения не могут перерасти в правила.

Конечно, мир жестче, циничнее, эгоистичнее, чем нам казалось 20 лет назад, но такие понятия, как «международное право», «мировое общественное мнение», «политическая репутация», «баланс интересов», – не просто пропагандистские фантики, маскирующие эгоистические интересы ведущих держав. Это реальные и важные параметры современной жизни. Политика, основанная исключительно на холодном цинизме и национальном эгоизме, часто далеко не самая эффективная, как демонстрирует тот же американский опыт.

Новое измерение силы

За последние 20 лет мир еще больше сместился в направлении взаимозависимости. Интеграционные процессы в мировой экономике, науке, культуре, в социальном и политическом развитии современного мира ускоряются. Ни одна страна – пусть даже самая сильная и самодостаточная – не способна решить все свои проблемы в одиночку. Изоляционизм при всей внешней привлекательности ведет в тупик – обрекает на стагнацию, отставание и неизбежный упадок. А эффективная включенность в глобальные политические, экономические, технологические, социальные и иные процессы требует исключительно тонкой настройки многочисленных инструментов внешней политики, большинством из которых мы только учимся пользоваться.

Фундаментальный вопрос на следующие 20 лет состоит в том, научится ли Россия использовать инструменты, которые в политической науке принято обозначать «гибкой» или «мягкой силой» (*soft power*). Реалистически оценивая динамику мирового развития, мы вынуждены признать, что возможности использования Россией традиционных инструментов внешней политики (таких как военная или экономическая мощь), скорее всего, будут сокращаться. Не обязательно потому, что страна обречена на то, чтобы слабеть. Просто многие другие участники мировой политики станут наращивать потенциал опережающими темпами – военно-технический, экономический, демографический. В первый раз за несколько столетий континентальное окружение России в Евразии (в первую очередь Китай и Индия) оказывается более динамичным и более успешным, чем сама Россия. Значит, относительную слабость в материальной базе внешней политики придется компенсировать наращиванием преимуществ в ее «нематериальных» измерениях.

Уместна аналогия с экономикой. Возможности экономического развития России, связанные с использованием ее природных ресурсов, постепенно будут сокращаться. Отсюда задача радикальной диверсификации экономической базы – развития экономики знаний, внедрения инновационных технологий, стимулирования малого бизнеса и пр. Не создав новую, «умную» экономику, мы будем с каждым десятилетием и даже годом терять позиции, даже если цены на энергетические и сырьевые ресурсы останутся высокими. Экономика будущего – «умная», а не сырьевая. Точно так же внешняя политика будущего – «умная», а не основанная на

использовании крайне ограниченного набора военных или энергетических инструментов.

Я, разумеется, отнюдь не призываю сдать в утиль вооруженные силы и отказаться от использования потенциала энергетики в интересах внешней политики. В мире будущего вряд ли кто-то обойдется без энергоносителей или военной силы. Но мы должны отдавать себе отчет в том, что значение этих двух активов в международных отношениях со временем будет снижаться. Вопрос лишь в том, сколь быстрым и плавным окажется это снижение, сколько времени остается в запасе. И для России жизненно важно использовать нынешнюю, относительно благоприятную геополитическую обстановку, чтобы принципиально диверсифицировать набор наших активов за рамками военной силы и энергоресурсов.

Государства, располагающие более значительной и быстро растущей ресурсной базой, могут позволить себе «линейные» и традиционалистские внешнеполитические стратегии. Страны, которые уже вписались в многосторонние интеграционные группировки, способны передать часть бремени по разработке своего внешнеполитического курса наднациональным органам. У России таких возможностей в обозримой перспективе не будет.

На протяжении ближайших лет российская внешняя политика, как и наша экономика, должна стать «умной». Это не означает, конечно, что раньше она была неумной; просто раньше мы использовали (и подчас весьма эффективно!) то, что было под рукой, и то, что мы унаследовали от прошлого – в частности, сохранившийся военно-технический потенциал и имеющиеся энергетические ресурсы. В современном мире этого недостаточно для того, чтобы сохранить международные позиции России, а тем более чтобы укрепить их.

Подчеркну еще раз, переход к «умной» внешней политике не сводится к *совершенствованию механизма* принятия и осуществления решений. Это тоже важно, в том числе тщательная экспертная проработка наших инициатив, кардинальное повышение уровня межведомственной координации внешней политики, подключение институтов гражданского общества к осуществлению внешнеполитических проектов, использование различных моделей государственно-частных партнерств во внешней политике и т.д. Без этого никакая «умная» политика работать не будет.

Равным образом содержание «умной» политики не может быть сведено к *повышению гибкости* внешнеполитического курса и *оперативности* принятия решений. Конечно, в наше время эти

параметры приобретают особое значение, поскольку политикам и дипломатам приходится реагировать на быстро меняющуюся обстановку, учитывать большое количество независимых переменных, и упущенные единожды возможности могут больше не представиться. Цена ошибок и просчетов, пусть даже тактических, цена промедления или бездействия – резко возрастает.

Но все-таки механизм принятия и реализации внешнеполитического курса или степень его гибкости и оперативности – не самое главное. Речь, на мой взгляд, о задаче принципиально иного масштаба: *мы должны радикально обновить и расширить набор внешнеполитических инструментов*, который Москва способна задействовать в международных отношениях. «Умная» внешняя политика предполагает способность политического руководства воспользоваться максимально широким набором активов, которыми располагают данная страна и данное общество. Включая, конечно, и нематериальные активы, которые часто игнорировались или как минимум серьезно недооценивались традиционной дипломатией прошлого. Человеку свойственно бояться того, чего он не понимает и что он не умеет контролировать. Мы пока еще не очень хорошо понимаем и тем более не способны контролировать ведущие тенденции мировой политики XXI в. – такие как повсеместное распространение новых коммуникационных технологий, резкое увеличение международных миграционных потоков, глобализация образования и науки, беспрецедентный взрыв активности публичной дипломатии, ставшие уже неизбежными климатические сдвиги и многое, многое другое. Пока эти тенденции воспринимаются в России в первую очередь как вызов нашей безопасности и нашим интересам, как угрозы, от которых страну нужно защитить тем или иным образом.

Психологически желание многих политиков, чиновников, дипломатов отгородиться от новых измерений мировой политики вполне понятно. Новые измерения не укладываются в традиционную логику политической игры, их трудно просчитать, еще труднее – использовать, последствия не всегда предсказуемы. Но, отгораживаясь от нового, мы отгораживаемся не только от проблем, но и от возможностей. Вполне вероятно – от наиболее перспективных возможностей, которые будут доступны на протяжении ближайших десятилетий. А проблемы все равно никуда не уйдут, сколько бы мы ни пытались отрицать их значимость или существование вообще.

Россия, как и любая другая страна в современном мире, все равно не сможет изолировать себя от происходящих вокруг изменений. Только активное участие в нарастающих глобализационных процессах способно в должной мере обеспечить национальные интересы. А «умная» внешняя политика может оказаться решающим козырем, перевешивающим относительный дефицит материальных ресурсов. По той простой причине, что значимость «нематериальных» компонентов будет, по всей видимости, возрастать. Как, кстати, и значимость «нематериальных» измерений в жизни человека вообще. Для иллюстрации ограничусь одним примером из повседневной жизни. Столь популярные во всем мире коммуникационные устройства – *iPad* и *iPhone* – целиком собираются в Китае китайскими компаниями. Но никто, кроме специалистов, не знает названий этих сборочных предприятий, равно как и фамилий их менеджеров. Зато все знают калифорнийскую корпорацию *Apple* и ее – уже, к сожалению, бывшего – лидера С. Джобса. Потому что именно С. Джобс и *Apple* придумали и разработали концепцию электронных коммуникаторов нового поколения, они предложили революционную идею, которая изменила отношение к Интернету у десятков миллионов людей в самых разных странах. И поэтому вполне справедливо, что *Apple*, а не ее китайские подрядчики, вышла на первое место в мире по уровню капитализации. Идея, а не стандартный материальный ресурс, оказалась определяющим экономическим преимуществом в конкурентной борьбе. Точно так же идея, а не материальный ресурс, станет определяющим политическим преимуществом государства в глобализирующемся мире.

* * *

Переход России на уровень «умной» политики откроет новые возможности международного влияния и перспективы интеграции в складывающуюся на наших глазах мировую систему. Но от власти и общества он потребует серьезных усилий – на каждом приоритетном направлении «умной» политики.

Сравним, к примеру, два глобальных рынка – рынок вооружений и рынок образовательных услуг. Экспорт вооружений всегда был инструментом традиционной дипломатии, экспорт образования – относительно новое явление. Два рынка по объемам сегодня сопоставимы друг с другом, хотя экспорт образования развивается быстрее, чем экспорт вооружений. На рынке вооруже-

ний Россия представлена неплохо, на рынке образования позиции более чем скромные. Стоит ли удивляться? Наверное, не стоит. Ведь экспорт военной техники для России – общегосударственное дело, на которое работают многочисленные министерства и ведомства, где лоббистами выступают высшие должностные лица, куда идут многомиллиардные субсидии, под которое формируются федеральные целевые программы. Экспорт образования остается задачей (причем отнюдь не самой приоритетной!) Министерства образования и науки, политические и финансовые ресурсы государства тут почти не задействованы, реальная межведомственная координация практически отсутствует, а отдельные университеты реализуют свои институциональные программы экспорта образовательных услуг, часто конкурируя друг с другом.

С точки зрения «умной» внешней политики такое положение неприемлемо. При всем значении экспорта военной техники экспорт образовательных услуг будет гораздо более эффективным инструментом. Не говоря уже о том, что этот рынок имеет больше перспектив роста, чем мировой рынок вооружений. А это значит, надо разрабатывать общегосударственную стратегию продвижения российского образования, выделять соответствующие ресурсы, обеспечивать координацию работы министерств и ведомств, высших учебных заведений и частного бизнеса, одним словом – рассматривать экспорт российских образовательных услуг как один из главных приоритетов.

Такой же стратегический подход нужен в других ключевых областях мировой политики – от использования Интернета до регулирования международной миграции. Не обязательно России удастся добиться быстрого успеха во всех этих областях: слишком от многих факторов он зависит, и далеко не все из них мы способны контролировать. Но внешнеполитическое наступление необходимо вести максимально широким фронтом, чтобы продвижение на одних направлениях политики тянуло за собой и другие. «Умная» внешняя политика в мире еще только зарождается. Пока не как политическая практика и даже не как целостный проект, а лишь как разрозненный набор инновационных идей, которые рано или поздно преобразуют международную систему.

В данный момент Россия имеет как минимум одно тактическое преимущество по сравнению с другими ведущими игроками. Мы находимся в самом начале нового политического цикла, а потому имеем преимущество среднесрочного планирования – как минимум на шесть лет вперед. Большинство других стран, также

задумывающихся об «умной» внешней политике, такой привилегии лишены – их текущие политические циклы короче и близятся к завершению. Так почему бы России не попытаться стать лидером в назревающем интеллектуальном прорыве?

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2011 г., № 6, ноябрь-декабрь, с. 18–27.*

Я. Амелина,

политолог

ФЕДЕРАЛЬНОЕ «ВАХХАБИТСКОЕ ЛОББИ» И «СТОКГОЛЬМСКИЙ СИНДРОМ» ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

Исламизм¹ является одной из наиболее серьезных угроз общественному порядку и государственному строю Российской Федерации. Именно он в течение как минимум последних пяти-семи лет является главной движущей силой действующих на Северном Кавказе незаконных вооруженных формирований. Бандформирования, мотивированные идеями политического ислама, стали проявлять себя и в Поволжье (Татарстане и Башкортостане), что объясняется постепенным распространением джихада на этот регион.

Рассуждения некоторых экспертов о том, что борьба против исламистов якобы проиграна, не соответствуют действительности хотя бы потому, что в России она фактически не начиналась. Однако на пути эффективного противостояния распространению исламистских идей стоит сформировавшееся как на региональном (северокавказском), так и на федеральном уровне «ваххабитское лобби» (в Поволжье таковое формируется в настоящее время), дея-

¹ Согласно определению известного исламоведа, доктора философских наук Александра Игнатенко, исламизм – идеология и практическая деятельность, ориентированные на создание условий, в которых социальные, экономические, этнические и иные проблемы и противоречия любого общества (государства), где наличествуют мусульмане, а также между государствами, будут решаться исключительно с использованием исламских норм, прописанных в шариате (системе норм, выведенных из Корана и Сунны). «Иными словами, речь идет о реализации проекта по созданию политических условий для реализации исламских (шариатских) норм общественной жизни во всех сферах человеческой жизнедеятельности». Именно поэтому исламизм именуется еще политическим исламом или политизированным исламом.

тельность которого потенциально, возможно, более опасна, чем непосредственно экстремистская.

Согласно общепринятому определению, лобби называют группу или организацию, активно подталкивающую посредством подкупа, угроз или пользуясь дружеским расположением к принятию определенного, выгодного ей решения. Сам по себе лоббизм не является преступлением или общественно порицаемым деянием – вопрос лишь в том, какие интересы навязываются обществу таким образом. «Ваххабитское (исламистское) лобби» в России действует в ряде направлений, содействуя реализации интересов как исламистских кругов в целом (в том числе пока не перешедших к силовой борьбе против российского государства), так и непосредственно вооруженного исламистского подполья.

Северокавказскому, да и всему российскому обществу навязывается комплекс вины в отношении исламистов, взявших в руки оружие, «разъясняется», что на этот путь их толкнули «семья и школа», т.е. законопослушное окружение, якобы не обеспечившее экстремистам должных условий для их самореализации в качестве мусульман, а также внушается, что исламизм в его экстремистских, противоречащих Конституции и иным российским законам формах, неизбежно победит, и вопрос лишь во времени его окончательного торжества. Как правило, это проделывается в неявной, иногда иносказательной форме, что затрудняет идентификацию лоббистов и борьбу с ними.

Итогом распространения подобных настроений является создание в северокавказском социуме атмосферы апатии и безнадежности, внедрение в него идеи невозможности противостояния распространению исламистского влияния и в конечном итоге полной «сдачи» сторонников светского пути развития. На федеральном уровне «ваххабитское лобби» преследует те же цели, дополняя их парализующим страхом, который должен испытывать российский обыватель при одном звуке слов «исламизм» и «Кавказ».

Целенаправленность, с которой «ваххабитское лобби» проводит интересы своих «клиентов», заслуживает серьезного внимания, поскольку обращена против российских государственных интересов и российской государственности как таковой. Главным двигателем этого процесса является ряд российских экспертов, журналистов и общественных деятелей. Далеко не всех из них можно назвать идейными сторонниками исламизма, однако преувеличивать финансовый мотив их деятельности также не следует.

«Ваххабитское лобби» начало складываться по крайней мере несколько лет тому назад и к настоящему времени представляет собой единую медиа- и экспертную машину высокой степени управляемости. Приведем лишь несколько примеров, иллюстрирующих основные направления деятельности «ваххабитского лобби».

Пожалуй, наиболее показательной стала реакция его представителей на взрывы в московском метро, случившиеся 29 марта 2010 г. Российская умма, судя по заявлениям, отражающим ее интересы политологов и публицистов, оказалась не готова резко отмежеваться от террористов (!). Происламистские эксперты попытались если не полностью оправдать исполнителей терактов, то, во всяком случае, найти для них смягчающие обстоятельства, а также максимально затушевать религиозную составляющую происшедшего, объясняя терроризм исключительно социально-экономическими причинами. Неготовность осознать истинные истоки терроризма в обозримом будущем может осложнить положение мусульман, усилить негативные тенденции недоверия и противостояния между различными частями российского общества.

На общем фоне выделялся материал старшего научного сотрудника Института востоковедения РАН Руслана Курбанова. Высказанные в нем мысли показались автору настолько важными, что Курбанов, несколько видоизменяя текст, опубликовал его по крайней мере в трех различных изданиях как в Москве, так и на Кавказе. «То, что московское метро взрывало не кавказское вооруженное подполье, очевидно, — начинается вариант, вышедший на Islam.ru. — Даже если официально будет объявлена именно “имаратовская” версия, и даже если кто-то из самих “лесных” возьмет на себя последние теракты, слишком многое говорит о том, что это не так». Применительно к московским событиям его версия строится на единственном допущении: взрывы прогремели не в тоннелях, где глушится сигнал мобильной связи, а на станциях, значит, предположительно, бомбы были взорваны принудительно. «Таким образом, становится очевидным, что подорвавшиеся женщины, скорее всего, были не убежденными смертницами, сами нажавшими на кнопку взрывателя, — делает вывод Руслан Курбанов. — На их месте могла оказаться любая, кого попросили передать знакомым сумку или пакет» (как поясняет автор, «по широте кавказской души»). Террористок-де использовали втемную, «а прибегнуть к такой тактике сегодня может кто угодно». Характерно, что он продолжал развивать эту версию и когда после терактов прошло полмесяца, а следствию и общест-

венности стало известно много новой информации, в том числе о личностях террористок.

Описывая ситуацию на Кавказе (которая, по его мнению, «вне всякого сомнения, сложнее и непредсказуемее в долгосрочной перспективе, чем это было каких-то лет пять назад»), автор статьи оперирует понятиями, вызывающими по меньшей мере недоумение. Он называет уничтоженных боевиков Ясина Расулова, Абу Загира Мантаева и Анзора Астемирова не иначе как «радикалами-интеллектуалами» исламистского подполья, «дагестанскими и кабардинскими интеллектуалами, вышедшими на тропу войны» (Астемирова – «боевым лидером и правоведом в одном лице»), упирает на то, что они сыграли ключевую роль в сознательном отходе кавказских боевиков от практики захвата заложников и ударов по мирным жителям. «Очевидно и то, что сегодня через взрывы в московском метро вновь реализуется масштабная многоходовая провокация по разжиганию антикавказской и антиисламской истерии и фобий для придания нового импульса процессам разрушения общего российского социального, культурного и политического пространства, – делает он логичный для подобных построений вывод. – А проще – процессам отрыва Кавказа от России».

Отметим, что реакция Курбанова на теракт в московском аэропорту Домодедово, происшедший 24 января 2011 г., была абсолютно такой же. «Ведь никто еще не доказал, что подорвавшийся смертник был кавказцем, – пишет он в своем блоге на сайте Общественной палаты РФ. – Ведь никто еще не доказал, что этот смертник прибыл с территории Имарата Кавказ, а не, скажем, с какого-нибудь московского бомжатника, будучи накаченным психотропными веществами. Ведь еще никто не доказал, что это действительно был убежденный смертник, а не подстава». По мнению этого политолога, теракт планировался именно для того, чтобы вызвать у россиян «первую реакцию массового сознания – Снова этот Кавказ!» Но даже если за случившимся действительно стоит кавказский террорист-смертник, «самые громкие теракты на Кавказе последних лет, даже с использованием смертников, уже давно не совершаются диверсантами Имарата Кавказ в одиночку»: за ними, бездоказательно убежден Руслан Курбанов, стоит успешная «смычка определенной категории боевиков с определенной категорией высокопоставленных оборотней в погонах». «Не могу исключить, что сейчас между двумя фигурами, одна из которых может находиться в лесах Ичкерии, а другая в пределах Садового

кольца, не обсуждается план нового теракта, – заключает аналитик Курбанов. – Учитывая логику роста дерзости терактов, возможно, что в качестве новых целей рассматриваются олимпийские объекты в Сочи или спортивные объекты Чемпионата мира по футболу в России...» Что это, как не попытка перевалить с больной головы на здоровую, попытавшись представить виновными в терактах не исламистов, а правоохранительные органы и силовые структуры? Напомним, ответственность как за взрывы в метро, так и за теракт в Домодедово взял на себя глава Имарата Кавказ Доку Умаров.

В статье «Эволюция “леса”», увидевшей свет через две недели после терактов в метро, Курбанов ставит вопрос по-другому: «Какой “лес” более выгоден самой России, или, вернее, политической элите России? “Лес”, как нарождающийся политический конкурент, но воздерживающийся от кровавых ударов по мирным жителям? Или “лес”, как кровавый хищник, наносящий неожиданные удары в самое сердце огромной державы, но окончательно дискредитированный в качестве политического конкурента?». Уточним, речь идет об исламистском вооруженном подполье. Как видим, Курбанов просто не рассматривает иную, единственно верную альтернативу: полное уничтожение «леса» и отказ от включения его представителей в российскую общественно-политическую жизнь.

Квинтэссенция того, что хочет донести до российской публики этот эксперт и его единомышленники, выражена в одном из выступлений Руслана Курбанова на телеканале Russia.ru. Рассуждая о причинах «взрывной активизации боевиков в последний год и массового притока молодежи в горы», Курбанов признает, что таковыми являются «не социально-экономические проблемы, не коррупция, не безработица: сегодня в лес, в горы уходит огромное количество состоятельных ребят». «Молодые мусульмане уходят в ряды боевиков из-за того, что они в современном мире, в современной России не могут найти для себя возможности реализоваться в качестве мусульманина, сохранив при этом самоуважение к себе как к человеку, следующему религии чистого единобожия», – констатирует Руслан Курбанов. Сделать это им, оказывается, не позволяют «коррумпированные региональные власти», «грубо действующие правоохранительные органы, не разбирающие между умеренными и радикальными мусульманами», а также «замшелое духовенство, которое не приемлет обновления своих рядов». Кавказское мусульманское сообщество находится в состоянии бурного возрождения, отмечает Курбанов, заключая: «Если этой

бурной возрождающейся социальной энергии молодых ребят не дать выход, не канализировать их в созидательное, конструктивное русло, то они все равно найдут себе выход – но выход через кровь, через насилие, влившись в ряды радикальных группировок». Логично предположить, что альтернативным выходом, по мысли Руслана Курбанова и его единомышленников, является инкорпорация исламских фундаменталистов в государственные и общественные структуры, т.е. фактическая «сдача» светского российского государства воинствующим адептам средневековых религиозных ценностей.

В «курбановском» направлении мыслит и сопредседатель Российского конгресса народов Кавказа, вице-президент Академии геополитических проблем Деньга Халидов, который предлагает легализовать шариатское судопроизводство наравне с официальными судами («пусть сосуществуют две системы права, это никак не нарушает принципы Федерации»), «вернуть жестко в рамки закона федеральных силовиков», а также «исходить из задач интеграции большинства (заблудших, обманутых и пр.) и моральной и социальной изоляции непримиримого меньшинства экстремистского подполья». По мнению сопредседателя РКНК, «государство и правоохранительные органы должны занять нейтральную позицию во внутриконфессиональном конфликте; стараться интегрировать лидеров общественного мнения из внесистемной оппозиции, с мусульманской “начинкой”, в общественные и государственные проекты». Деньга Халидов любезно облек в слова то, на что прозрачно намекнул Руслан Курбанов. *Перед нами – часть проекта по продвижению фундаменталистской точки зрения в российский политикум и социум, попытка представить исланизм в качестве равноправного, хотя пока и несколько экзотического, политико-религиозного течения. Этому проекту, потенциально чрезвычайно опасному, необходимо оказывать решительное противодействие, тем более что реализуется он не только в медиа-сфере, но и в области реальной политики.*

Подпись Руслана Курбанова стоит под официальным заявлением рабочей группы Общественной палаты РФ по развитию общественного диалога и институтов гражданского общества на Кавказе, в котором отмечается, что «главная задача террора – не убийство невинных людей, а именно разжигание ненависти и ксенофобии в нашем обществе». «Уже звучат безответственные голоса журналистов и некоторых публичных деятелей, обвиняющих кавказцев и мусульман, – констатируется в документе. – Лю-

ди, позволяющие себе подобные заявления, потакают террористам и являются их пособниками». Необходимо четко осознавать, что «победа над террором невозможна только одними силовыми методами без глубоких социально-экономических и гражданских преобразований на Кавказе и во всей стране», указывают авторы заявления.

Вообще не упоминая исламский фундаментализм как явление, члены рабочей группы Общественной палаты сводят проблему к «социальной несправедливости, наличию, даже спустя десятилетия после завершения конфликтов, лагерей беженцев, уровень жизни в которых ниже допустимого для человеческого достоинства, чудовищному разрыву между богатыми и бедными, закрытию школ, деградации системы среднего образования и здравоохранения в горных и сельских районах», которые, по мнению авторов заявления, и «приводят к росту протестных настроений в молодежной среде, что не может не использоваться радикалами и экстремистами всех мастей».

Таким образом, подписанты пытаются объяснить терроризм социально-экономическими проблемами, полностью отменяя религиозный фактор. Среди подписавших это заявление – тогдашний пресс-секретарь президента Ингушетии Калой Ахильгов, председатель Московского бюро по правам человека Александр Брод, тогдашний спецкор журнала «Русский Newsweek» Орхан Джемаль, главный редактор сайта «Кавказский узел» Григорий Шведов, руководитель рабочей группы Максим Шевченко.

Несколько слов о позиции Максима Шевченко. Комментируя теракты в московском метро, он заявил происламистскому интернет-порталу «Ансар.ру», что их спонсоры и инициаторы не имеют отношения к «Талибану», Афганистану и т.д.: «финансирование и подогревание этнической ненависти и неприязни на Кавказе исходит из США, Великобритании и Израиля в первую очередь». «Поэтому не надо делать за случившееся крайними ответственными Кавказ, кавказское общество или мусульман, – убежден Максим Шевченко. – Те преступники, которые это осуществили, возможно, сами того не подозревая, являются заложниками в руках сил, которые предельно далеки и от ислама, и от Кавказа». Он также напоминает, что «общий фон радикализма и готовность кавказской молодежи к радикализму является следствием чудовищной социально-экономической деградации, бездны, которая сегодня появилась на Кавказе между бедными и богатыми». «Кавказ маргинализируют и загоняют в гетто, – считает Шев-

ченко. – Естественно, Кавказ сопротивляется». По его мнению, «терроризм на Северном Кавказе напрямую связан с тем, что происходит в Ираке, на Ближнем Востоке, в Афганистане, куда вторглись и нагло попирают человеческое достоинство вооруженные силы запада. Подлинные виновники терроризма – именно они. Они принесли кровь, разрушения и ужас в регионы, заселенные мусульманами, где радикалы были достаточно маргинализированы».

Шевченко оправдывает главу Чечни Рамзана Кадырова, многократно заявлявшего о приоритете законов шариата над светскими законами и необходимости введения многоженства, постоянно обращается к мысли о необходимости диалога с ваххабитами, внедряет эту мысль в общественное сознание: «Надеюсь, что... будет установлен нормальный диалог с теми общинами мусульман, которые не совершают противоправных действий там, уголовных или каких-то террористических, просто хотят как-то жить по-другому». Он неоднократно разъясняет эту идею, и становится ясно, что речь идет именно об исламистах, причем в том числе обвиняемых в совершении тяжких преступлений, в частности проходящих по делу о событиях в Нальчике в октябре 2005 г. «Основная масса людей находится в оппозиции (исламистском подполье) из-за невозможности реализации каких-то своих социальных замыслов, – утверждает Максим Шевченко. – Их загнала в лес коррупция, правовой и силовой беспредел... *Людям должны быть гарантированы их права в рамках исповедания той веры, того толка ислама, который они считают для себя нужным* и, естественно, они должны находиться в рамках уголовного кодекса, как и все граждане». Кроме того, уверен общественный деятель, эти люди должны быть «включены в общественный процесс».

Однотипных примеров подобных высказываний можно привести огромное количество. Теперь несколько слов о стокгольмском синдроме. Рассуждая о причинах серии терактов в Приэльбрусье, где 20 февраля 2011 г. с паузой в несколько часов был обстрелян автобус с туристами (убито трое человек) и взорвана канатная дорога, обозреватель «Новых московских новостей» Иван Сухов пишет, что на вопрос, «кому выгодна война на курорте», существуют два ответа. Журналист приводит их: «Она выгодна силовикам, которые сохраняют и приумножат свое влияние на Северном Кавказе, если Кабардино-Балкария превратится в постоянно действующий очаг нестабильности, но потеряют его, если там расцветет горнолыжный туризм» (поскольку в соучредители кластера никого из генералов пока явно не приглашали), и тем, «кто хотел бы

дискредитировать всю нынешнюю кремлевскую стратегию на Кавказе, с инвестициями и рабочими местами вместо зачисток».

Эти абсолютно фантастические (и явно напоминающие курбановские относительно теракта в «Домодедово») версии были активно поддержаны другими известными журналистами, специализирующимися на «кавказском» направлении. В ходе дискуссии вокруг статьи Сухова высказывались мнения, согласно которым за терактами в КБР могут стоять «ваххабиты, которых не пустили в бизнес» или экономически обделенные местные жители (по мысли либералов, социально-экономическая составляющая должна присутствовать обязательно).

Простая мысль о деятельности в республике исламистского подполья опровергалась аргументами вроде «убийство туристов не вписывается в тактику подполья... Во всяком случае, не вписывалось раньше» (Ольга Алленова, «Коммерсант») и рассуждениями на тему «чьи интересы на самом деле оно выражает». Участники беседы признали, что само существование «леса» возможно только из-за сочувствия населения, которое нужно не преследовать как соучастников преступлений, а переубеждать, и, помогая исламистам, руководствуется оно якобы нерелигиозными мотивами, поскольку «ни одна религия не оправдывает убийц».

Эта дискуссия пересказывается здесь в качестве примера того, насколько глубоко российское общество – причем та его часть, которая, казалось бы, осведомлена о происходящем на Кавказе значительно лучше среднего обывателя, – охвачено «стокгольмским синдромом». Подобные настроения демонстрируют и ряд экспертов. Так, к диалогу с ваххабитами призывает руководитель группы мониторинга молодежной среды Республики Дагестан, эксперт Центра исламских исследований Северного Кавказа Руслан Гереев, считающий, что «иного не дано: конечно, работать нужно, и диалог необходим как воздух». По его словам, «ценности светского государства на Кавказе частично отрицались всегда, в этом для нас нового ничего нет. Вопрос в другом, а именно: в сочетании светского и шариатского. Нужно разработать их симбиоз». «Если есть потребность населения в шариате, то запретить следовать идейным установкам Господа никто не может и не в силах, – констатирует Гереев. – Значит, умный подход с моей точки зрения может быть только один – сочетание мусульманского кодекса с Конституцией». Эксперт, похоже, смирился с ползучей шариатизацией Дагестана и даже не пытается, хотя бы на словах, противостоять этому негативному явлению.

Пораженческие идеи давно проникли в умы представителей не только медиа- и экспертного сообщества, но и властных структур. Министр по национальной политике, делам религий и внешним связям Дагестана Бекмурза Бекмурзаев также считает, что с «оппозиционерами» в религиозной сфере «нужно разговаривать», хотя, признает он, делать это трудно, «потому что они не могут преодолеть ненависть». «Находясь за рубежом в составе российских делегаций, я часто встречался с представителями террористических организаций, которые сейчас уже превратились в национальные и религиозные движения, – повествует он. – Даже в их глазах я не видел столько ненависти, сколько у наших людей». Доверительные отношения с исламистами еще не сложились, так как они опасаются, что после встречи с министром к ним придут силовики. Ссылаясь на шариат, Бекмурзаев говорит, что определяющим понятием является примирение враждующих сторон, но не упоминает, на каких условиях оно должно происходить.

Наличие «ваххабитского лобби» является неоспоримым фактом. Предлагаемые лоббистами меры – переговоры с исламистами, интеграция их в структуры власти, СМИ и другие общественные институты – должны быть решительно отклонены. Очевидно, что диалог с людьми, мотивация которых лежит в сфере религиозного, невозможен, поскольку отсутствует предмет такового. Необходимо четко понимать, что конечной целью ваххабитов и К^о является построение на территории России исламского государства, основанного исключительно на исламистской идеологии в наиболее радикальной ее форме. Эта идеология ясно выражена в программном материале, размещенном на одном из джихадистских сайтов: «Нет ничего удивительного, что оборонительный джихад и установление исламского правления является личной и безусловной обязанностью каждого, так как жизнь под властью куфра зачастую хуже и сложнее смерти». «Аллах повелел нам жить по Его шариату, и только оружием, уничтожая противников шариата, мы сможем выполнить Его волю», – повествует один из идеологов северокавказского джихада.

Пытаться доказывать свое право на жизнь тем, кто изначально в нем отказывает, унизительно и абсурдно, а кроме того, бесперспективно. Ввиду неконституционности как предлагаемых (навязываемых) изменений в сфере государственного устройства и формы государственного правления, так и методов, которыми ваххабиты пытаются воплотить их в жизнь (вооруженная и террористическая борьба), «диалог» с ними может вестись исключительно

в форме жесткого силового противостояния со стороны правоохранительных органов.

Поскольку идеология исламизма является религиозной, предлагаемые государством меры социально-экономического характера (увеличение рабочих мест, сокращение безработицы среди молодежи и т.п.) не принесут ожидаемого результата. Эффективно противостоять религиозной идеологии может только идеология аналогичного, т.е. религиозного содержания. Можно также рассмотреть вариант внерелигиозной национальной идеи, которая объединит общество, сплотив его в противостоянии радикалам, однако на сегодняшний день подобной идеи не просматривается. Формулировка и провозглашение от имени государства альтернативной всеобъемлющей идеологии является первоочередной задачей, что, однако, невозможно в условиях принятой в России концепции либерализма и «общечеловеческих ценностей». В кругах силовиков, непосредственно сталкивающихся с радикальными фундаменталистами, по этому вопросу наличествует консенсус. Другое дело, что конкретных предложений по данному вопросу ввиду его сложности и многогранности пока не прозвучало.

Необходимо жесткое противостояние «ваххабитскому лобби» в информационном пространстве. В настоящее время информационно-аналитические ресурсы сторонников традиционного ислама проигрывают конкурентам со стороны исламистов как по оперативности, так и по форме подачи материала. Следует отметить, что традиционалисты, в отличие от фундаменталистов, практически не ведут пропаганды в популярных среди молодежи социальных сетях. Требуется ясно показать, что светскость российского государства и необходимость отстаивания своих прав исключительно мирными и законными средствами не является предметом обсуждения. Темы введения в России или отдельных ее регионах шариата, многоженства, исламского правления не должны обсуждаться (как это, к сожалению, имеет место на Северном Кавказе), поскольку, как уже отмечалось, являются антиконституционными. Подобные дискуссии должны регулироваться мерами, предусмотренными Административным и Уголовным кодексом. Вокруг исламистов и «ваххабитского лобби» должна быть создана атмосфера нетерпимости, в противном случае победа будет за ними.

«CAUCASICA: Труды Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона», М., 2011 г., с. 273–281.

Дугурхан Кокорхоева,
кандидат исторических наук
(Ингушский государственный университет)
**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ
В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН**

Актуальность статьи – в необходимости осмыслить институциональное развитие власти в субъектах Российской Федерации на примере крупного региона – инициатора политических инноваций. Опыт развития институтов власти в Республике Татарстан важен для понимания форм закрепления повышенного политического статуса, соотношения тенденций централизации и децентрализации власти в России.

Региональная власть своеобразна. Она представляет собой подсистему общегосударственной власти, служит распространению инноваций. Но региональная власть также выражает интересы местного сообщества, сглаживает импульсы, исходящие из центра, поддерживает свою автономию. Региональная власть обеспечивает баланс политических интересов, учет требований сообщества в политических решениях. Тем самым обеспечивается легитимность власти региона перед лицом и населения, и власти общегосударственной.

«Парад суверенитетов», начатый летом 1990 г., придал импульс институциональному многообразию систем власти в республиках СССР. Бывшие автономные республики и автономные области РСФСР повышали статус до национально-государственных субъектов Федерации. Ряд республик (Татарстан, Башкортостан, Тыва, Якутия, Чувашия) претендовали на верховенство своей власти и законодательства по отношению к федеральным. В Чечне установился сепаратистский режим, угрожавший территориальной целостности и безопасности Российского государства и носивший этнократический характер. Выбор уровня притязаний республиканских элит, методов и институциональных форм реализации их интересов зависел от объема ресурсов влияния, от межэтнических отношений в каждом регионе.

В сравнительном контексте Татарстан стал одним из инициаторов ненасильственной «суверенизации», ориентиром для импорта политических институтов другими республиками. Повышенный статус органов власти, их неподконтрольное федеральному центру строение закреплялись в законодательстве Татарстана

1990–1993 гг. Тенденция конфедерализации стала прослеживаться во время подготовки «Декларации о государственном суверенитете Татарской Советской Социалистической Республики». Принятию предшествовали бурные обсуждения. Вследствие компромиссов 30 августа 1990 г. «Декларация о государственном суверенитете ТССР» принята Верховным Советом республики, что определило вектор развития институтов власти и создало условия конфедерализации.

После провала ГКЧП политический процесс в Татарстане дестабилизировался. К концу 1991 г. возник парламентский кризис. В 1992 г. на Всетатарском курултае образован Милли меджлис как орган, представляющий интересы татарского народа и обладающий полномочиями для создания альтернативных властных структур. Он стал претендовать на функции парламента; 19–21 июня 1992 г. в Казани состоялся Всемирный конгресс татар. Инициированный Президентом Татарстана М.Ш. Шаймиевым, конгресс был призван стать не только приоритетной формой этнической консолидации, но и институтом принятия властных решений.

В условиях этнополитической мобилизации элита Татарстана предпочла правовые методы институционализации власти. Референдум о статусе Республики Татарстан был проведен 21 марта 1992 г. Получив поддержку 61,4% явившихся избирателей, конфедеративный проект обрел легитимность. Республика отказалась подписать Федеративный договор 31 марта 1992 г. в отличие от других регионов России. Конституция РТ 6 ноября 1992 г. закрепила ключевое положение, которое характеризует конфедерализацию: «Республика Татарстан – суверенное государство, субъект международного права, ассоциированное с Российской Федерацией – Россией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения».

Вместе с тем установление в Российской Федерации сильной президентской власти в итоге кризиса 21 сентября – 4 октября 1993 г. и принятие Конституции РФ 12 декабря 1993 г. повысило ресурсы власти центра. Региональная правящая элита уже не нуждалась в поддержке радикальных этнических движений, взяла курс на компромисс с федеральным центром. Экономический кризис доказал непродуктивность изоляции республики. Поэтому начинается переход к федерализму, пусть вначале – децентрализованному. Договор между РФ и Республикой Татарстан «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и

органами государственной власти Республики Татарстан» был подписан 15 февраля 1994 г. Договор, ставший компромиссным, предоставил РТ повышенный, асимметричный статус. Характерно признание земли, ее недр и всей собственности Татарстана достоянием многонационального народа Татарстана. Признавалось право Татарстана вступать в международные отношения, устанавливать связи с иностранными государствами, заключать с ними договора и соглашения.

Начиная с осени 1999 г. политические условия федеративного строительства в России кардинально изменились. На смену договорам о разграничении полномочий пришло воссоздание единой системы власти и приведение регионального законодательства в соответствие с федеральным. В силу политических условий асимметричность сменилась новой, централизованной схемой взаимоотношений «центр – регионы». Интеграция республик в единое политическое пространство Российской Федерации является закономерным проявлением модели симметричного, конституционного федерализма. Вместе с тем политическая элита Татарстана продолжает в осторожной форме отстаивать особый статус республики. Так, в июле 2007 г. Государственной думой РФ утвержден «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти Республики Татарстан».

Институциональная организация власти в Татарстане имеет свою специфику. Конституция РТ выводит президента из системы разделения властей, не относя его ни к одной из ветвей. Согласно ст. 89, Президент Республики Татарстан является «главой государства, высшим должностным лицом Республики Татарстан». Президент не включается в систему исполнительных органов, но является главой исполнительной власти. В п. 2 ч. 1 ст. 94 говорится, что президент «возглавляет систему исполнительных органов государственной власти Республики Татарстан». Он определяет внутреннюю политику и направления внешней деятельности Татарстана. Федеральный закон не предусматривает должности премьер-министра и устанавливает, что высшее должностное лицо субъекта Федерации является руководителем высшего исполнительного органа власти субъекта Федерации. Но посты президента и главы правительства в Татарстане разделены.

Политолог О.И. Зазнаев доказал доминирующее положение Президента Республики Татарстан по отношению к законодательной и исполнительной власти. Конституционные нормы закрепля-

ют сильное президентство, а традиционная политическая культура с ориентацией на лидера способствует поддержанию сильного президентства в Татарстане. Президенту обеспечена поддержка большинства Госсовета РТ – фракции «Единая Россия». В Татарстане механизм сдержек и противовесов и система контроля над президентом и органами исполнительной власти со стороны парламента слабы. Кабинет министров ответственен перед Президентом РТ. Правительство отчитывается перед Госсоветом РТ лишь «по отдельным вопросам», не было ни одной попытки отправить правительство в отставку по инициативе Госсовета РТ.

Татарстанский президент избирался населением путем прямых выборов (не всегда альтернативных), что соответствовало его политической роли. Но с 2005 г. Президент РФ представляет на утверждение Государственного совета РТ кандидатуру высшего должностного лица. Отмена прямых выборов президента РТ и участие российского президента в назначении главы республики снизили уровень автономности власти в Татарстане, как и отставка М.Ш. Шаймиева в 2009 г. Новый президент Р. Минниханов не обладает высоким персональным влиянием, более активно поддерживает инициативы федерального центра.

Итак, основными этапами институционального развития политической власти в Татарстане являются суверенизация (конфедерализация) 1990–1994 гг., децентрализованный федерализм 1995–2000 гг. и унитарный федерализм. Организация институтов власти Татарстана обладает своей спецификой. Особенностью организации власти является доминирование президентских признаков при наличии элементов парламентской системы в условиях федерального вмешательства во взаимоотношения ветвей власти республики. Форму организации власти можно назвать сверхпрезидентской. Она характеризуется несбалансированностью ветвей власти, слабыми «сдержками и противовесами», сверхсильной властью Президента РТ, растущим вмешательством федеральных институтов власти. Политическая институционализация органов власти Республики Татарстан подтверждает весомую роль технологий доминирования исполнительной власти в системе разделения властей.

*«Вестник Волгоградского государственного университета»,
Волгоград, 2011 г., сер. 4, № 2, с. 184–186.*

Лейла Алмазова,
кандидат философских наук
(Институт истории АН РТ, Казань)
**РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ
РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ БАШКОРТОСТАНЕ**

В середине 1990-х годов в связи с активизацией национальных, религиозных и политических процессов в России появился ряд самостоятельных муфтиятов, в том числе Духовные управления Республики Татарстан и Республики Башкортостан, не подотчетные Центральному духовному управлению мусульман России. Республика Башкортостан представляет собой уникальное явление, поскольку на ее территории одновременно действуют два муфтията: мусульмане северной и северо-западной части республики находятся под юрисдикцией ЦДУМ, а верующие центральных и южных районов подведомственны ДУМ РБ.

Из 413 мусульманских приходов, зарегистрированных в 1990-е годы, к ЦДУМ России относились 149 общин, а к ДУМ РБ – 264. При том что мусульманское население Республики Башкортостан представлено примерно в равной пропорции татарским и башкирским этносами, первоначально инициаторами создания ДУМ РБ выступили башкирские национальные организации, а в ведении ЦДУМ России остались территории с преимущественно татарским населением, хотя постепенно данная тенденция сглаживается. На 2004 г. в подчинении ЦДУМ России находились 490 приходов (в Министерстве юстиции зарегистрировано 184 прихода и 35 мухтасибатов), а в подчинении ДУМ РБ – 300 приходов (227 зарегистрированных приходов и 20 мухтасибатов). Подобное своеобразие и неравномерное соподчинение сохраняется и в сфере религиозного образования.

Из девяти ныне действующих в Башкортостане мусульманских религиозных учебных заведений три находятся в ведении ДУМ РБ. Это медресе им. Марьям Султановой, медресе «Галия» (располагающееся в одном здании с медресе им. Марьям Султановой), а также медресе в г. Стерлитамак. В свою очередь, пять учебных заведений, среди которых имеется одно высшее, подотчетны ЦДУМ России. Это Российский исламский университет при ЦДУМ России (Уфа), медресе при мечети «Ляля-Тюльпан» (Уфа), женское медресе «Хакимия» (Уфа), медресе Фатиха в селе Туйма-

зы, медресе «Нур ул-ислам» в г. Октябрьск и женское медресе в селе Кандры.

Мусульманские учебные заведения, подотчетные ДУМ РБ, имеют лишь две ступени образования: начальные курсы при мечетях и медресе, обеспечивающие получение среднего специального образования.

Курс обучения в медресе им. Марьям Султановой при ДУМ РБ рассчитан на пять лет, и по его завершении выпускники получают специальность имама-хатыба. Медресе прошло лицензирование в 2007 г. В нем используется программа обучения, рекомендованная Советом муфтиев России, и преподаются как нерелигиозные дисциплины (информатика, башкирский язык, история, философия и арабский язык), так и религиозные: подраздел фикха – *ибадат* (правила культа и исполнения религиозных обязанностей), *адаб* (мусульманское воспитание), *тафсир* (толкование Корана), *тажвид* (правила чтения Корана), *хадисы*, *Сира* (жизнеописание Пророка Мухаммада) и *кыраа* (рецитация Корана).

Наиболее сильной базой медресе им. Марьям Султановой обладает в сфере преподавания арабского языка, поскольку в нем на постоянной основе работают профессиональные преподаватели из университета ал-Азхар, с которым у медресе подписано специальное соглашение. В настоящее время в медресе обучаются всего 18 шакирдов, при этом на 5-м курсе нет ни одного студента. Занятия ведут пять преподавателей, четверо из которых обучались в Египте или Бухаре (один учился как в Египте, так и в Бухаре).

Наибольшие проблемы медресе испытывает с набором шакирдов на дневное отделение, поскольку, по словам проректора по учебной работе Руслана Саяхова, туда идут учиться молодые люди из неблагополучных в материальном отношении семей. Для них медресе дает возможность иметь крышу над головой, бесплатно питаться и при этом получить образование. Здесь следует подчеркнуть, что в данном случае медресе берут на себя ту функцию, которую не выполняет на современном этапе государство, а именно – заботу о воспитании представителей социально незащищенной части общества.

Медресе «Галия» при ДУМ РБ осуществляет обучение шакирдов на вечернем и заочном отделениях. Как правило, его абитуриентами являются действующие имамы, которых ДУМ РБ обязывает получить среднее религиозное образование, поскольку подавляющее большинство сельских имамов такого образования не имеют. Между тем, как заметил ректор медресе «Галия» Ильяс

Мухамадеев, современные верующие требуют ответы на все новые и новые вопросы, с чем имамы, получившие религиозные знания самостоятельно, уже не справляются. В настоящее время на заочном, вечернем и дистанционном отделениях медресе обучаются 74 человека. При этом многие студенты являются выходцами из Сибири, Барнаула, Свердловска и Челябинска. Работа в медресе в г. Стерлитамак строится на той же основе, а количество студентов дневного отделения не превышает 20–30 человек.

Несколько иная картина предстает перед исследователем при рассмотрении ситуации с учебными заведениями, подведомственным ЦДУМ России. Здесь система образования имеет большую преемственность и включает в себя три ступени – начальную, среднюю и высшую. Обучение в медресе среднего звена рассчитано на два года. В случае его успешного завершения шакирдов зачисляют сразу на 3-й курс Российского исламского университета при ЦДУМ России. При сравнении с учебными заведениями, подотчетными ДУМ РБ, здесь, прежде всего, обращает на себя внимание большее число учащихся.

В медресе при мечети «Ляля-Тюльпан», дающим среднее религиозное образование только в форме заочного обучения, учатся около 300 шакирдов. В Российском исламском университете на дневном отделении обучаются 150 студентов, а на заочном и вечернем отделениях – по 300 шакирдов на каждом. В 2007 г. было открыто женское медресе «Хакимия», на дневное отделение которого зачислили 30 девушек. Российский исламский университет планирует открытие собственных филиалов в Оренбурге, Ульяновске, Самаре, Пензе, Ноябрьске, Алееве и в других населенных пунктах с представительными мусульманскими общинами.

В медресе, дающих среднее специальное образование, обучение ведется по общепринятому стандарту. При этом особое внимание уделяется изучению арабского языка, поскольку на следующей ступени обучения в Российском исламском университете освоение многих предметов ведется по источникам на арабском языке («Зубдат» ал-Бухари, «Тарих» ат-Табари и др.).

В Российском исламском университете при ЦДУМ России принят за основу стандарт по теологии, включающий в себя комплекс как светских, так и религиозных дисциплин. К первым относятся политология, история, социология, психология, татарский (старотатарский), татарский, башкирский и русский языки, информатика, философия, экономика, физкультура, правоведение, этнология, математика, концепции современного естествознания,

культурология и др.; ко вторым – *таджвид* (правила рецитации Корана), *кыраат* (рецитация Корана), *фикх* (мусульманское право), *усуль ул-фикх* (основы мусульманского права), хадисы, *тафсир* (комментарии Корана), *хутба* (правила произнесения проповедей), *усуль ул-хадис* (основы хадисоведения), воспитание и нравственность в исламе и ряд других. На дневном отделении института готовят студентов по двум специальностям – теолог-педагог и преподаватель; на заочном проводится подготовка по специальности теолог-историк. В добавление к действующему теолого-педагогическому факультету планируется открытие факультета экономики и менеджмента. Таким образом, мы наблюдаем более быстрые темпы развития учебных заведений, подведомственных ЦДУМ России, по сравнению с медресе, принадлежащим ДУМ РБ.

Следует особо подчеркнуть то, что во всех ведомствах и центрах образования, в которых удалось побывать и пообщаться с их руководством, настойчиво проводится мысль о необходимости объединения усилий исламских структур и о бесперспективности противостояния двух центров управления мусульман Башкортостана.

Что касается материальной поддержки, оказываемой правительством России системе мусульманского образования в Башкортостане, то она осуществляется в отношении трех учебных заведений. Через светскую структуру Башкирского государственного педагогического университета государственная финансовая помощь поступает в медресе им. Марьям Султановой, медресе «Галия» и в Российский исламский университет при ЦДУМ России. Таким образом, мы можем констатировать то, что российское правительство проводит взвешенную политику в отношении обеих ветвей исламского образования.

Кроме того, в рамках проекта российского правительства в области подготовки специалистов различной квалификации, углубленно изучающих историю и культуру ислама, в Башкирском педагогическом университете им. Акмуллы в 2008 г. была введена специальность «Юриспруденция», и по ней началась подготовка десяти студентов. Набор на вновь открытое отделение осуществляется по направлению Духовного управления мусульман Республики Башкортостан.

*«Изучение преподавания ислама в Евразии»,
М., 2010 г., с. 110–115.*

Заид Абдулагатов,
кандидат философских наук
(Дагестанский научный центр РАН)
**ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА
НА ЭКСТРЕМИСТСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ
ДАГЕСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

Активное участие в течение длительного времени (с 90-х годов XX в.) молодежи Дагестана в деятельности незаконных вооруженных формирований (НВФ) и других организованных преступных группировок как проявление экстремистского поведения позволяет говорить о наличии постоянно действующих факторов (в том числе религиозного), формирующих такую позицию. Приведем некоторые данные. Молодежь среди задержанных в Дагестане за террористическую деятельность в 2005 г. (за восемь месяцев – 115 человек) составила 62,8%. В 2008 г. среди арестованных – 76,2%; в 2009 г. – 67,7%. В 2005 г. среди убитых членов НВФ лица от 15 до 30 лет составили 76%, в 2008 г. – 71,2, в 2009 г. – 70,1%. Заметно участие молодежи в структуре активных организаторов террористических актов: доля молодых в 2005 г. составляла 66,7%, в 2009 г. – 32,2%. Приведенная статистика молодежного экстремизма нуждается в коррекции с учетом следующего. Во-первых, в республике, безусловно, идут кланово-мафиозные столкновения, в которых погибают много людей. Часто без достаточных оснований эти убийства приписывают религиозным экстремистам. Тем самым масштабы религиозно-политического экстремизма преувеличиваются. Во-вторых, деятельность НВФ, или, как их называют, «лесных братьев», почти всегда однозначно, но не всегда обоснованно, связывают с преследованием религиозных целей. Больше всего об этом говорят духовные лидеры салафитских организаций, которые, пользуясь остротой ситуации, пытаются легитимизировать деятельность салафитов, запрещенных так называемым «антиваххабитским» законом (1999). В действительности данное явление весьма сложное, отражающее неоднозначность социализационных траекторий, которые приводят молодых людей в «леса». Они могут иметь как религиозно определенный, так и иной социальный характер.

Следует отметить, что религиозному сознанию молодых мусульман Дагестана давно присущи идеи экстремизма. Многие из них были убеждены в том, что в Чечне идет настоящий джихад, несмотря на отсутствие фетвы по этому вопросу. Даже признавая

ошибки Багауддина – известного лидера радикального салафизма в Дагестане, и Басаева, они на эмоциональном уровне испытывали симпатии к сражающимся против федеральных сил и местных режимов на Северном Кавказе. Салафизм (по идеям близкий к ваххабизму) стремится стать идеологией, привлекательной для населения. По опросам, проведенным автором, 24,4% населения не считают ваххабизм экстремистским течением. По мнению отдельных экспертов – и с ними надо согласиться, – салафиты смогли найти поддержку у части исламской молодежи в республике.

В определенной степени формирование религиозно-экстремистских настроений у молодых людей спровоцировала несовершенная правовая база противодействия экстремизму. Дагестанский «антиваххабитский» закон, как и подобные законы, принятые в соседних республиках, не учел одного обстоятельства: многообразие форм проявления исламского фундаментализма. В законе РД «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности» (1999) оказались смешанными два различных явления:

а) склонность к насилию под религиозными и квазирелигиозными лозунгами;

б) твердая приверженность убеждениям и образу жизни, которые человек считает правильными.

Относительно роли исламской религии в экстремистской деятельности, в том числе террористической, существуют две противоположные точки зрения. Согласно одной, ислам, как и всякая другая религия, не имеет никакого отношения к экстремизму. Считается, что «ислам – религия мира», а потому она может быть лишь использована определенными силами в достижении своих политических, не исламских целей; но религиозного экстремизма, как проявления религиозной социализации личности, в ней нет. В ходе подготовки Всероссийской конференции «Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму» (г. Махачкала, 6 июня 2007 г.) духовные лидеры категорически возражали против термина «религиозный» в ее названии. Другая точка зрения основывается на том, что имеет место не только религиозно-политический, но и религиозный экстремизм. Он возможен потому, что религиозное сознание создает свою специфическую «объективную» реальность, смысл и значение которой для верующего такие же (а зачастую и выше), как факты реальной жизни. Наиболее серьезной формой религиозно-политического экстремизма является не инструментальное исполь-

зование возможностей религиозного протеста, а смыкание религиозного экстремизма с политической деятельностью.

Известный исследователь ислама в Дагестане Д.В. Макаров считает, что главный вызов ваххабизма лежит не в религиозной, а в социально-политической плоскости. Данное утверждение можно истолковать как определение коренных причин террористической деятельности на Северном Кавказе в социально-политической сфере, а религия – форма выражения социального протеста. Точка зрения Д.В. Макарова достаточно убедительно связывается с марксистской методологией анализа религиозного сознания. Религиозное сознание как духовная надстройка способно породить собственные источники развития. Одним из показателей такой возможности является разработка в мусульманском богословии понятий «батин» и «захир». Другим – продолжающиеся в течение многих веков богословские конфликты между суфиями (тарикатистами) и салафитами независимо от социально-политических условий. Как справедливо писал А.М. Васильев по поводу ваххабизма, «заранее оговоримся, что невозможно найти социально-политическое содержание в каждом положении ваххабитского учения. Оно в значительной мере охватывает... область внутри-богословских схоластических споров».

Надо признать, что и в дагестанском салафизме имеют место наряду с социально-политическими свои собственные, религиозные корни возникновения. Необходимость различения религиозного и религиозно-политического экстремизма в условиях Дагестана важна по нескольким причинам.

Во-первых, экстремальность религиозного сознания, как правило, проявляет себя в индивидуальном сознании. Так, в трех социологических опросах в РД, проведенных с 2004 г., находит подтверждение гипотеза, согласно которой исламское массовое сознание в республике имеет высокое консервативно-салафитское содержание. Это не радикальный салафизм, обозначенный в современном Дагестане как «ваххабизм», и не конструктивный салафизм типа татарского джадидизма, склонного к широкому применению традиций иджитхада – новых истолкований основополагающих сакральных текстов с целью адаптации к изменяющемуся миру. Оно проявляет себя в строгом соблюдении норм шариата, в отрицании каких-либо новшеств в практике исламского поведения.

Данная форма салафизма в Дагестане имеет глубокие исторические корни. Своеобразие ее бытования заключается в том, что

в стабильные периоды развития общества она не объединяла верующих в религиозные секты, политические организации, не ставила задачу реорганизации общественной и государственной жизни по строгим нормам салафизма. Индивидуальные (не объединенные в какие-либо секты политические организации) формы проявления исламского фундаментализма могут стать экстремистскими при определенных политических, социально-экономических условиях. Это довольно распространенное явление в Дагестане, особенно в горной и предгорной зонах. «Антиваххабитский» закон при последовательном его применении неизбежно противопоставляет себя устоявшимся религиозным нормам, затрагивая конфессиональные интересы больших групп населения. Это обстоятельство провоцирует процессы перехода неэкстремистских форм фундаментализма в экстремистские. Увеличение числа религиозно-экстремистских группировок, включающих молодежь, после принятия «антиваххабитского» закона, возможно, связано и с данным обстоятельством.

Религиозный фактор в экстремистском поведении молодежи

С целью выявить степень проявления религиозной мотивации конфликтного, экстремистского поведения в молодежной среде нами были проведены в 1996–2010 гг. социологические исследования. Эмпирическую базу статьи составили, прежде всего, данные опроса молодежи республики, осуществленного в 2010 г. Опрашивались молодые люди в городах Махачкала, Дербент, Хасавюрт, Кизилюрт, Буйнакс, а также в селах Ботлихского, Буйнакского, Карабудахкентского, Кизилюртовского, Казбековского и Каякентского районов. Естественно, первый вопрос, который связан с влиянием религии на социальное поведение молодежи, – это вопрос об уровне ее религиозности. По данным, полученным автором в 2004 г., показатель религиозности в группе молодежи возраста «до 29 лет» – 81%. Причем, по итогам четырех опросов, начиная с 1996 г. религиозность населения медленно уменьшалась – от 85 до 79%. По данным же 2010 г., у молодежи показатель религиозности неожиданно составил почти 95%. Объяснение данному факту, видимо, следует искать в динамике религиозного сознания населения РД.

Одним из главных обстоятельств, влияющих на формирование радикалистских настроений в молодежной среде, является на-

личие в их религиозном сознании фундаменталистских составляющих. В целях их выявления респондентов спрашивали: «Как вы считаете:

а) исламская религия должна быть такой, какой она была при Пророке Мухаммаде;

б) мусульманская религия со временем должна меняться, так как меняется жизнь;

в) затрудняюсь ответить».

Имелось в виду, что ответы на данные вопросы не дают оснований для каких-то окончательных выводов. Но они служат начальным звеном «прощупывания» особенностей их исламской адаптации, религиозного сознания. Были выделены две группы верующих, условно названных «фундаменталистами» (избрали пункт а) и «модернистами» (избрали пункт б), с последующей проверкой последовательности реализации этих позиций в ответах на ряд других вопросов. Как оказалось, эти группы в вербальном религиозном поведении продемонстрировали неслучайность своих ответов на указанные вопросы. В частности, это касалось их ответов о влиянии религиозных норм на неправоное поведение верующих, оценке отдельных позиций ваххабитов в вопросах исламской веры, предрасположенности к силовому протесту государству по религиозным мотивам. Учитывая, что около 95% молодежи назвали себя мусульманами, следовало ожидать высокий уровень влияния религиозного сознания на оценки процессов социального, социально-политического характера, происходящих в республике.

В разрезе «фундаменталистов» и «модернистов» рассматривался вопрос об отношении молодежи к законам государства. Смысл исламского отношения к законам светского государства заключается в том, что они оцениваются как «второсортные», придуманные людьми, меняющиеся со временем. Мусульманин может следовать законам государства, но не может допускать мысли, что они выше шариатских. В радикальном салафизме эта позиция находит крайнюю форму своего проявления: а) мусульманину нельзя судить или присягать суду шайтанских (сатанинских) законов; б) мусульманин не может предоставлять «право законотворчества кому-либо, кроме Аллаха (издает законы только Аллах)».

Одним из вопросов, с помощью которых выявлялось отношение верующего к законам государства, был вопрос о шариате и законах государства. Данные свидетельствуют о следующем:

1. В молодежной среде законы шариата ставятся выше законов государства.

2. Учащимися религиозных учебных заведений законы государства оцениваются гораздо ниже, чем студентами светского вуза.

3. Различия в отношении к законам государства со стороны «фундаменталистов» и «модернистов» существенны: первые явно тяготеют к салафитской позиции исключительности норм шариата.

Все это показывает отрицательное влияние исламской религиозной социализации на формирование правовой культуры молодежи. Тем не менее, как отмечалось, для мусульманина «второсортность» светских законов совершенно не означает, что он будет их нарушать. Умеренный ислам этого не требует.

Как влияет религиозность молодежи на соблюдение светских законов? В связи с этим ставился вопрос о том, в каких случаях молодой человек может проявить неповиновение государству. Респондентам предлагались семь вариантов ответа. При анализе ответов проводились следующие действия. Во-первых, выделялась чисто конфессиональная причина несоблюдения законов. То есть вариант ответа, в котором цель неправового поведения определяется как реализация исламского учения. Вычленение данной составляющей группового сознания проводилось выявлением удельного веса выбравших вариант ответа: «Я могу проявить неповиновение государству, если его законы противоречат моей вере». Полученные ответы по данной позиции можно обозначить как фундаменталистские, салафитские, так как речь идет не просто о несогласии, а о возможном реальном действии против закона. Во-вторых, ряд вариантов ответа не имел религиозного содержания. Выбор ответов из этого ряда говорит о слабой связи протестного настроения с религиозным сознанием или об отсутствии таковой.

Как оказалось, среди верующих молодых людей почти 30% готовы выразить протест государству, «если его законы противоречат моей вере». Среди семи предложенных возможностей ответа данная позиция у верующих имеет наибольший удельный вес, что показательно для салафитского потенциала протестных настроений в молодежной среде. Индексы возможных протестных настроений по причинам религиозного характера в исламских учебных заведениях выше, чем в светском (26,1% против 17,5%). Парадоксально, но в исламских учебных заведениях консервативно-салафитское отношение к законам государства проявляется в меньшей степени, чем в общей выборке (25,6% против 31,7%). Это при том, что среди студентов и учащихся исламских учебных заведений «фундаменталистов» больше на 11,5%, чем в светских.

В связи с этим можно предположить: в исламских учебных заведениях Дагестана, где преимущественно знания даются на основе позиций суфизма – традиционной оппозиции салафизму, верующая молодежь более склонна к признанию мирного сосуществования религиозного и светского. Из достаточного количества обнаруженных при анализе устойчивых связей в цепочке «различные степени веры – девиантность» выбывает показатель протестных настроений «модернистов» среди студентов и учащихся исламских учебных заведений, ибо он оказался статистически незначим из-за малочисленности «модернистов» в данной группе выборки (3,3%).

Учитывая то, что противодействие государству со стороны религиозных экстремистов выражено главным образом в покушениях на жизнь и здоровье представителей правоохранительных органов, можно было предположить, что доверие к милиции у молодых людей будет зависеть от их отношения к религии. Но оказалось, что религиозный фактор в молодежном сознании не проявляет себя в ответах на данный вопрос. Ответ: «Я доверяю милиции» выбрали 20,7% верующих; «не доверяю» – 50,3%. Некоторое различие в ответах на этот вопрос наблюдается между «фундаменталистами» и «модернистами»: «доверяю» – 18,8 и 23,1% соответственно, «не доверяю» – 51,4 и 46,2%. У «фундаменталистов» доверия к милиции чуть меньше.

В ответах на вопросы о приоритете правовых норм (шариат и законы государства) и о причинах неповиновения государству среди мужчин оказалось больше «фундаменталистов», чем среди женщин. Ожидания большей приверженности к нормам шариата по сравнению с законами государства у сельских респондентов не оправдались. Более высокий уровень экстремальности в поведении молодых горожан наблюдался в ответах на вопрос о причинах возможного неповиновения законам государства.

Необходимо отметить, что с 2003 г. ситуация, связанная с деятельностью «ваххабитов» в Дагестане, заметно изменилась.

Во-первых, расширилось число их «рядовых» сторонников, а также организаторов экстремистской деятельности.

Во-вторых, они создали собственное финансовое обеспечение через сборы «закята» (мусульманского налога), которые больше похожи на новые формы рэкета, чем на добровольные пожертвования.

В-третьих, террористические акты больше направлены не на гражданских лиц, а на сотрудников правоохранительных органов,

чем «ваххабиты» пытаются усыпить протест в их адрес со стороны населения.

В-четвертых, в новых условиях «лес» стал неким отстойником, где собралась молодежь не только религиозно-протестного, но и социально-протестного настроения.

В последнее время много говорится и о бандитской составляющей «лесных братьев». Нет гарантий в том, что среди них отдельные группы не решают свои финансовые проблемы. Вполне реально, что некоторые «братья» просто мстят за конкретные обиды, нанесенные представителями правоохранительных органов, а некоторые – бандитствуют под прикрытием идеи защиты исламских религиозных ценностей. Так или иначе, той однородности и в определенной степени религиозно ориентированной деятельности, которая была в конце 1990-х годов в рядах «лесных братьев», сегодня нет. Данная ситуация, с одной стороны, расширяет спектр возможных причин оттока молодежи в «лес». С другой – уменьшает религиозно-политический статус экстремистской деятельности.

В связи с новыми обстоятельствами вопросы о ваххабизме в исследовании 2010 г. были заданы в несколько иной форме. Ранее респондентам предлагалось оценить те или иные конфессиональные позиции «ваххабитов», не говоря о том, что они являются ваххабитскими, салафитскими. В трех вопросах анкеты 2010 г. термин «ваххабит» был использован непосредственно. Вопросы касались причин террористической активности ваххабитов, ухода молодежи к «лесным братьям» и того, мог бы оказаться респондент в связи с какими-то жизненными обстоятельствами в их рядах. В отношении последнего вопроса даже маленький процент ответивших «да» был бы тревожным сигналом. Данные опросов позволяют судить о двояком влиянии религиозного фактора на возможное участие в экстремистской деятельности НВФ молодежи. Во-первых, показатель «никогда» у верующих хоть и незначительно, но ниже, чем средний по выборке (74,4% и 75%), а индекс «да» («могу оказаться в рядах “лесных братьев”») выше. «Возможное» участие в деятельности НВФ у верующих также больше, чем по выборке. Об этом же говорит высокий показатель «возможно» у «фундаменталистов» по сравнению с «модернистами». Несмотря на то что в ответах «да» «модернисты» несколько превзошли «фундаменталистов», суммарный показатель экстремальности по обеим позициям у «фундаменталистов» выше – 11,6% против 9,6%. Во-вторых, сравнение ответов религиозных и светских учебных заведений показывает неоднородность оценок «лесных братьев» в религиозной среде.

Материалы исследования свидетельствуют: в религиозных учебных заведениях оказались самые низкие показатели экстремальности. Чем обусловлен этот факт? Прежде всего, в исламских учебных заведениях ведется активная «антиваххабитская» пропаганда, что не удивительно, так как они принадлежат идейным противникам «ваххабитов» – суфиям. Можно констатировать, что она имеет определенный успех. Как писали в анкетах отдельные респонденты из исламских учебных заведений: «Да убережет Всевышний от этого» (от участия в делах «лесных братьев»); «Если бы я не знал свою религию, то, возможно, ответил “да”». Вместе с тем, как показал опрос, в других сферах общественной и государственной жизни экстремальность данной группы высокая. Подчеркнем, что в светских учебных заведениях респондентов, уверенных в том, что «никогда» не окажутся в среде «лесных братьев», относительно больше, чем в религиозных (85,9% против 74,4%).

Из анализа данных опросов можно сделать вывод, что в молодежной среде имеется экстремальный потенциал. Он носит как религиозный, так и социально-протестный характер, присущ 11–12% молодежи. Наибольшие показатели экстремальности наблюдается в возрастной группе «от 18 до 25 лет» (14,9%), среди мужчин (15,6%).

Респондентам задавался вопрос о причинах террористической активности ваххабитов в Дагестане. 7,3% тех, кто называет себя верующим, считают, что это защита дагестанцами «истинной религии мусульман». Наибольшее число респондентов (59,1%) усматривают причину этого явления в реализации интересов зарубежных террористических организаций за деньги «людьми без веры». 9,7% считают, что это протест дагестанцев, которых чем-то «обидела власть»; «бандитизм» – указали 30,1% (респондент мог отметить несколько вариантов). Данная «картина причин», представленная молодыми людьми, достаточно реалистична.

Параллельно перед опрашиваемыми ставился вопрос о причинах ухода молодых в леса. Он в определенном смысле был контрольным для предыдущего. Ответы на него частично подтвердили полученные результаты. В частности, на религиозный фактор («защита истинного ислама») указали 7,8%; на пункт «из-за бандитских побуждений» – 16,5%; «из-за желания заработать» – 34,4%. Вариантов ответа в формулировке данного вопроса было больше, вследствие чего распределение суждений по ним выглядит «раздробленной». Один из новых вариантов – «многие из них попадают туда случайно, поддавшись уговорам», «желают почувствовать силу, романтику» – отметили 33,1% опрошенных.

Получается, что молодежь главными причинами «ухода в лес» считает: стремление заработать; случайные обстоятельства; желание почувствовать силу; романтику; бандитские побуждения. В пункте «стремление заработать» речь не идет о том, что была необходимость «содержать себя, семью». Данный вариант ответа был предложен в числе других и занял 4-е место в иерархии причин экстремальности в сознании молодежи (10,5%). Религиозный фактор – на 5-м месте (7,8%). Борьба за социальную справедливость, о которой так часто говорят защитники «лесных братьев», оказалась на последнем – 7-м месте (4,4%).

Итак, наш анализ показывает, что религиозный фактор играет определенную роль в активизации экстремистского поведения молодежи Дагестана. Но было бы ошибочно считать, что явление, обозначенное как деятельность «лесных братьев» (или НВФ, «ваххабитов»), целиком определено религиозными причинами. Материалы исследования свидетельствуют: религиозный фактор играет хотя и болезненную, но относительно небольшую роль. «Болезненность» усугубляется тем обстоятельством, что обычные выражения социального протеста по поводу тяжелых материальных условий, социальной несправедливости, наряду с проявлениями преступности, в молодежном сознании находят религиозное оправдание. Это не случайно: в Дагестане сегодня идет интенсивная религиозно-идеологическая обработка молодого поколения исламскими духовными лидерами. Эти лидеры, главным образом салафитские, пытаются сакрализировать социальные отношения, склонны преувеличивать роль религиозного фактора в протестных действиях молодежи. Тем самым они пытаются открыть новые возможности для усиления процессов клерикализации общественной и государственной жизни.

*«СоцИс: Социологические исследования»,
М., 2012 г., № 1, с. 106–113.*

Рашид Эмиров,

ПОЛИТОЛОГ

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Главная проблема народов Северного Кавказа, равно как и всего постсоветского пространства, состоит в потере духовных,

идеологических и политических ориентиров. Пробуждение национального самосознания – это прежде всего результат глубоких изменений в мировоззрении и умонастроениях народов, нуждающихся в новых, более совершенных формах социальной и экономической самоорганизации, своеобразная реакция на ущемление их национальных интересов.

В данной связи следует затронуть один, как представляется, весьма важный вопрос. Разного рода этнонациональные и национально-культурные, а также религиозно-фундаменталистские движения часто изображаются как ретроградные явления, порожденные непониманием закономерностей общественно-исторического развития, как пережитки старых, изживших себя эпох и т.д. В действительности же они являются реакцией на современные реалии и порождены этими реалиями. Как справедливо отмечал Б.Дж. Стингер, этническая принадлежность отнюдь не является «иллюзорным самосознанием; она выступает как важная связующая сила сообщества, мощный основополагающий элемент идентификации и личностной самоидентификации любого человека».

Этим объясняется возрождение во всем мире стремления народов добиться независимости или той или иной степени автономии в рамках соответствующих государств. Эта тенденция характерна и для Европы. Например, Бельгии приходится периодически сталкиваться с фламандским и валлонским сепаратизмом; Франции – с национальными движениями бретонцев и басков; Великобритании – шотландцев и валлийцев, Испании – басков и каталонцев и т.д. Единству Канады время от времени бросает вызов франкоязычный Квебек, претендующий на независимость. И это притом, что несмотря на ряд очевидных факторов, связанных с распадом Югославии, Чехословакии и особенно СССР, в современном мире идея реализации права на создание чисто мононационального государства во все более растущей степени приобретает признаки анахроничности. Почти не осталось национально однородных государств. Большинство стран ныне являются по сути дела многонациональными. К тому же существуют народы, численность которых превышает десятки миллионов человек, но при этом они не имеют собственной государственности.

Поэтому не случайно, что, хотя ряд международно-правовых документов и включает специальные статьи, наделяющие этнические сообщества и народы правами на свободное развитие, они отнюдь не поощряют сепаратизм и расчленение государств по национальному принципу. Они подчеркивают недопустимость ис-

пользования ссылок на принцип самоопределения для подрыва единства государства и национального единства.

Насильственные формы и средства территориально-государственной перекройки многонационального государства, как правило, редко приводят к удовлетворительному разрешению национального вопроса. Решение одних проблем внеправовыми, тем более насильственными методами и средствами порождает новые, еще более серьезные проблемы. К тому же в современном мире, где насчитывается около 8 тыс. языков, лимит дробления планеты на всевозрастающее число независимых национальных государств не может быть бесконечным.

Как показывает опыт последних трех-четырех десятилетий, в большинстве случаев попытки того или иного этноса силой добиться создания собственного мононационального государства оборачивались трагическими последствиями прежде всего для самого этого народа. Этот же опыт свидетельствует и о том, что для достижения целей гармонического и рационального жизнеустройства народов необходимо использовать выработанные и апробированные в мировой практике разнообразные политико-правовые, дипломатические, социально-экономические средства, дающие возможность урегулировать самые острые проблемы.

Как уже говорилось, Россия представляет собой плюралистическое, многосоставное сообщество, состоящее из множества этнонациональных, лингвистических, культурных, конфессиональных и иных общностей или групп. Каждая из этих общностей имеет не только интересы, совпадающие с интересами остальных, но и собственные специфические интересы, противоречащие им и конфликтующие с ними. Иначе говоря, в России как едином государстве общий интерес или общая воля формируется из множества источников, главнейшими из которых являются этнонациональные сообщества. Нарушение прав и интересов какого-либо одного и тем более нескольких из этих сообществ способно так или иначе подорвать основы единого интереса и единой воли, что, в свою очередь, может обернуться миной замедленного действия, заложенной под здание единой России. Любая этнонациональная общность, подвергающаяся дискриминации, будет бороться за свои права, а результатом такой борьбы станут разного рода межнациональные раздоры, способствующие усилению дезинтеграционных тенденций.

Поэтому вполне естественно, что Российская Федерация, регулируя правовой статус национальных меньшинств и коренных

малочисленных народов, приняла на себя обязательства строго соблюдать принципы и нормы, сформулированные в международно-правовых документах. Если в соответствии со своеобразно толкуемой идеей суверенитета привязать право наций и народностей к конкретным территориальным границам, то тогда как быть с представителями титульной нации той или иной республики, проживающими за пределами этой республики? Нельзя забывать, что миллионы представителей этнонациональных групп проживают на территории России, но вне пределов своих национальных республик. Например, более 2/3 татар (а по некоторым данным, даже больше) живут вне Татарстана. 2/3 мордвы обосновались вне Мордовии. В Башкортостане башкиры по численности занимают третье место после русских и татар. Значительные контингенты выходцев с Кавказа оказались разбросанными по всей территории бывшего СССР, большая их часть осела на Юге России.

Специфика формирования и эволюции российской государственности требует особого понимания суверенитета и самоопределения тех народов и республик, которые в течение многих поколений и даже веков совместно проживали в рамках этой государственности. Дело в том, что в России государство играло решающую роль в превращении разноликого конгломерата регионов и народов, культур и религий в единое политическое, административное, социокультурное и хозяйственно-экономическое пространство. Этому способствовало целенаправленное административно-государственное регулирование, включающее в себя самый широкий комплекс мер, таких как переустройство производственно-хозяйственного уклада, вовлечение всех народов в единое культурное и информационное пространство, единый государственный и социокультурный организм. Поэтому не всегда корректно сравнивать положение национальных меньшинств в ряде стран Европы, например Голландии, Германии, Франции и других, с одной стороны, и России – с другой.

Во многих европейских странах речь в основном идет о мигрантах, и для них это сугубо миграционная проблема. В России же более 95% мусульманского населения – это автохтонное население, или коренные народы. То же самое можно сказать о финно-угорских народах, не говоря уже о палеоазиатских этносах и народах. Этот фактор радикально меняет суть проблемы, характер требований меньшинств. Во Франции, например, в бунтующих кварталах Парижа не ставится вопрос о национальном самоопределении, отделении от Франции и т.д. То же самое в Германии, где

обосновавшиеся турки даже теоретически не могут поднять подобного вопроса. Совершенно иная ситуация в России.

Ко времени распада Советского Союза социальные, экономические и политические структуры, да и сам образ жизни, система ценностей, ориентаций и установок подавляющего большинства россиян подверглись глубокой трансформации. Укоренились многосторонние связи, интегрально пронизывающие экономическую, социокультурную, образовательную, духовную, политическую и иные сферы жизни страны. В результате коренным образом изменилось положение всех без исключения национально-территориальных государственных образований, трансформировался сам образ жизни людей, их менталитет и т.д. Поэтому естественно, что традиционные категории и понятия национального суверенитета, самоопределения, независимости и так далее предстают в совершенно новом свете.

Любое политическое образование можно сохранить в течение более или менее длительного времени либо с помощью насилия, либо тем, что все составляющие его сегменты объединяют единый интерес, согласие и единая воля к совместному сожителству. Задача эта успешно решалась в период тоталитарной власти, когда социальные, экономические и иные проблемы разрешались волевым путем. В современных условиях это уже невозможно. Северный Кавказ – плюралистическое, многосоставное сообщество, состоящее из множества этнонациональных общностей или групп, культур, конфессий, языков и т.д. Каждая из этих общностей имеет не только интересы, совпадающие с интересами остальных сегментов, но также собственные специфические интересы, противоречащие им, конфликтующие с ними. Поэтому естественно, что национальный вопрос для большинства республик Северного Кавказа имеет ключевое значение, и без его разрешения невозможно разрешить ни один серьезный вопрос социального, экономического и политического характера.

В отечественной научной литературе обоснованно указывалось на бесперспективность перекройки политической карты России по этнонациональному принципу и попыток создания чисто этнических государственных образований на основе политизированного этнизма или этнонационализма. И действительно, «возникает вопрос о том, какое именно независимое и суверенное национальное государство возникнет в Дагестане – лезгинское, аварское, кумыкское, даргинское и т.д.? В Кабардино-Балкарии – кабардинское, балкарское, русскоязычное? В Карачаево-Черкесии – карача-

евское, черкесское, русскоязычное или какое-либо иное? И так далее в том же духе. Очевидно, что каждый из этих национализмов неизбежно будет стимулировать национализм у других народов и так до бесконечности».

Здесь нельзя упускать из виду и следующий очень важный момент, который, к сожалению, не всегда в полной мере учитывается. Дело в том, что «при формировании государственно-административной структуры СССР государственные границы проводились буквально по живому телу этносов. Достаточно оторваться от абстрактных схем и взглянуть на проблему трезвыми глазами на местах, чтобы убедиться в том, что любая попытка установить государственные границы по сугубо национальному принципу обернется непредсказуемыми кровавыми последствиями, поскольку в создавшихся ныне условиях их пришлось бы провести не только по живым телам, но и душам и сердцам многих и многих народов».

В данной связи не представляется возможным позитивно оценить факт сохранения национальных автономных образований в пределах Ставропольского и Краснодарского краев – Карачаево-Черкесии и Адыгеи, – которые стали дополнительными проблемными районами Северного Кавказа. Этот акт, конечно, выполнил текущую задачу инициаторов республиканского референдума 1992 г. в Карачаево-Черкесии, а именно: сохранение ее единства ради удержания у власти старых кланов административной элиты. Не удивительно, что появились многочисленные проекты, предлагающие реформировать тем или иным образом федеративное устройство республик Северного Кавказа. Более того, подобные идеи в последнее время становятся частью политического контекста Юга России.

В связи с этим нельзя не отметить доходящие до абсурда проекты воссоединения родственных народов, проживающих в разных национальных республиках, путем их переобъединения в составе новых моноэтнических республик. Так, например, Х.И. Тугуз предлагает объединить искусственно разъединенные, по его мнению, в прошлом народы и территории «для их этнического возрождения и более успешного развития российского федерализма». Для этого, как он считает, необходимо образовать:

– во-первых, Адыгскую Республику в составе автономных округов: Кабардинский (центр г. Нальчик), Адыгейский (центр г. Майкоп), Черкесский (центр г. Черкесск);

– во-вторых, Карачаево-Балкарскую Республику в составе автономных округов: Карачаевский (в границах 1920 г. с центром в г. Карачаевск), Балкарский (в границах 1921 г.).

В перспективе, как считает Тугуз, возможно создание и других национально-государственных образований как этническое воссоединение вайнахов (чеченцев и ингушей), осетин, лезгин, ногайцев и др.

Однако такого рода проекты не имеют каких-либо объективных оснований, поскольку между предлагаемыми к объединению образованиями нет серьезных территориальных, экономических и иных связей. К тому же реализация подобных проектов приведет к дальнейшему проявлению недостатков национально-государственного строительства советского периода. Нельзя не согласиться с В.А. Тишковым, по мнению которого «попытки восстановить историческую справедливость приводят к новым несправедливостям уже в отношении современного населения. В рамках единого государства эти проблемы должны решаться на путях взаимного сотрудничества, свободы передвижения и проживания, развития экономических и гуманитарных связей, уважения индивидуальных и коллективных прав граждан».

Зачастую для целого ряда малых народов, к примеру для таких, как цахуры, агулы, андийцы и другие, более насущным является не столько вопрос об обеспечении их представительства в региональных и федеральных органах государственной власти, сколько решение совместно с соседями конкретных вопросов обеспечения материального благосостояния.

Нельзя не признать того, что выделение национальных автономий в самостоятельные единицы государственно-территориального устройства СССР действительно сыграло определенную положительную роль в плане их экономического, социального и культурного развития. Однако уже к концу советского периода стал очевиден факт отставания административно-территориального деления страны и отдельных регионов от основных направлений и тенденций социально-экономического и политического развития страны и остального мира. В современных условиях принцип административно-территориального деления, заложенный много десятилетий назад, изжил себя и действует только в силу исторической традиции, вернее сказать, инерции. Более того, он стал одним из факторов, препятствующих окончательному преодолению конфликтности региона, обеспечению единства, устойчивости и безопасности государства. Поэтому необходимы

поиски новых форм и путей перехода от национально-территориальной к территориально-административной федерации.

Как показывает мировой опыт, полиэтничность не всегда и не обязательно предполагает национально-территориальный принцип государственного устройства. Наглядное представление об этом можно получить на примере США и ряда других стран, которые построены либо исключительно, либо преимущественно на административно-территориальном принципе. Помимо всего прочего, как показал опыт СССР, национально-территориальная федерация сопряжена с появлением феномена титульного этноса или титульного народа, что, например, на Северном Кавказе, где, по сути дела, имеет место прямо-таки вавилонское смешение народов, является просто нонсенсом. Именно этот феномен во многом благоприятствует фактической легитимации региональных политических элит на этнической основе. А это, в свою очередь, ведет, если не публично, то фактически в негласной форме к иерархизации народов региона, их разделению на равных и более равных.

В настоящее время северокавказские республики представляют собой пример сообществ, в которых различные сегменты в лице этнонациональных общностей частично совпадают и пересекаются между собой, или, иначе говоря, здесь мы имеем сочетание территориальных и внетерриториальных сегментов. С этой точки зрения специфическая особенность Северного Кавказа состоит в том, что здесь в буквальном смысле перемешались народы и районы, коллективы и семьи. Это привело к возникновению целого комплекса новых проблем, что, по сути, делает практически невозможным рассматривать и решать проблему какой-либо одной национальности вне связи с другими народами, тем более нельзя их решать за счет других народов.

К тому же этот принцип не решает, а лишь временно отодвигает на второй план национальный вопрос, а во многих случаях существенно осложняет проблему обеспечения единства и территориальной целостности федеративного государства. Более того, противоречия, связанные с ним, содержат в себе значительный потенциал конфликтности. Это подтверждают примеры распада СССР, Чехословакии и Югославии. Один из последних примеров демонстрирует Бельгия, которая на протяжении последних нескольких десятилетий из унитарного государства превратилась в федерацию, а в последнее время между фламандцами, выступающими за превращение страны в конфедерацию или даже за

полное отделение и создание самостоятельного государства, и франкоязычными валлонами, выступающими за сохранение федерации, что вызвало острую политическую борьбу.

Очевидно, что федерация, основанная на административно-территориальном принципе, предлагает более простую и оптимальную систему территориального устройства, базирующуюся на учете прежде всего ресурсных, экономических, производственных, географических, демографических и иных факторов. Нет сомнения в том, что окраска федерализма в этнические оттенки, унаследованная Российской Федерацией, существенно ослабляет единство страны. Как показывает исторический опыт, национализм может выступать в качестве фактора мобилизации народов на борьбу за свое освобождение, источника творческого порыва. Но во многих случаях он является своеобразной оболочкой для иных интересов и мотивов, например стремления участвовать в дележе материальных ресурсов, завоевания власти и авторитета, преодоления психологических и идеологических комплексов и т.д.

Следует отметить, что право каждого народа на самоопределение входит в противоречие с принципом сохранения территориальной целостности государства. Для многонациональной страны этот аспект имеет немаловажное значение, поскольку от характера ответа на этот вопрос во многом зависит эффективность мер по блокированию возможных сепаратистских дезинтеграционных тенденций. Применительно к России ответ на этот вопрос заключается в том, что она представляет собой конституционную федерацию, что исключает возможность выхода из ее состава какого-либо субъекта.

Не отрицая права на самоопределение как выражения суверенитета нации и народа, международное право тем не менее ограничивает его реализацию требованиями сохранения территориальной целостности государства. В преамбуле Конституции Российской Федерации, которая начинается словами: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, принимаем настоящую Конституцию Российской Федерации», – констатируется существование многонационального народа Российской Федерации, являющегося единственным источником государственной власти, первичным субъектом конституционных правоотношений, обладающим всей полнотой учредительной власти. Таким образом, Российская Федерация – это государственная форма самоопределения всего многонационального народа России, т.е. в совокупности всех входящих в него народов и народностей.

В этом плане большое значение имеет постановление Конституционного суда Российской Федерации от 31 июля 1995 г. № 10-П, в котором особо подчеркнуто, что цель сохранения целостности Российского государства согласуется с общепризнанными международными нормами о праве народа на самоопределение. Поэтому конституционный принцип «самоопределения народов» в российских условиях означает, что он может быть реализован только в пределах самого Российского государства.

Наиболее негативным последствием распада СССР стал всплеск на всем постсоветском пространстве центробежных, дезинтеграционных тенденций, процессов, способствующих разъединению, обособлению, сепаратизму народов. Кавказ превратился в арену ожесточенных межнациональных и межконфессиональных вооруженных конфликтов. В этом контексте показателен также пример ряда бывших союзных республик, где с получением независимости утвердились этнократические режимы, основанные на пренебрежении интересами нетитульных народов. Идея суверенитета, «овладев массами», послужила лестницей, по которой отдельные политики поднялись к вершинам власти. Сами же истинно национальные идеи остались нереализованными, были принесены в жертву политической конъюнктуре. Все это свидетельствует о необходимости отказа от туманных и упрощенных трактовок идеи национального суверенитета и самоопределения народов, приведения их в соответствие с современными реальностями.

Нет сомнений в том, что противоречие между этнонациональной и территориальной моделями государства еще долго будет сказываться на устройстве как Российского государства в целом, так и национальных республик в частности, на их политике в области экономики, социальной сферы, межнациональных отношений и т.д. Об актуальности такой постановки вопроса свидетельствует та негативная реакция, которую вызвала информация о возможности присоединения Республики Адыгея к Краснодарскому краю. Одно гипотетическое упоминание такой возможности вызвало в республике волну общественного протеста, к которой подключилась даже зарубежная диаспора адыгов. В результате официальные власти и чиновники разных уровней вынуждены были дезавуировать факт наличия таких проектов.

Поэтому очевидно, что в этом направлении северокавказским народам предстоит пройти через длинный переходный период, когда национальная и территориальная модели должны по сути

дела притираться друг к другу, вырабатывая новые формы внутренней организации Российского государства. Это, в свою очередь, означает, что в данный период сохранится асимметричность Российской Федерации, и края и области лишь постепенно начнут равняться по своему статусу с национальными республиками. Постепенный переход к территориально-административному принципу возможен на путях уравнивания социальных, экономических, политических прав всех субъектов, что должно сочетаться с обеспечением на всей территории Российской Федерации примерно одинаковых стандартов жизни.

Итак, со значительной долей уверенности можно утверждать, что основные конфликты на Северном Кавказе возникли и развиваются прежде всего на почве межнациональных противоречий. Затем на них накладываются другие конфликтогенные факторы: экономические интересы противоборствующих сторон и третьих стран, борьба вокруг проблем суверенизации самопровозглашенных государственных образований и их отношений с внешним миром и др. Не вызывает сомнений и то, что распад экономической и политической инфраструктуры, архаизация социальных связей в значительной степени являются спутниками затяжных этнических и конфессиональных конфликтов.

Необходимо также признать важность и значимость проблемы совмещения цели сохранения единства страны как много-составного, многонационального сообщества с целями реформирования и демократизации экономики, социальной и политической сфер, а также межнациональных отношений. Консервация и, более того, расширение прежних структур и системы дележа властного пирога между различными кланами, которые привыкли считать государственную власть чем-то вроде своей неотъемлемой собственности, – это путь, чреватый возможными негативными последствиями для перспектив и жизнеспособности государства.

*«Приоритеты национальной безопасности
Российской Федерации на Северном Кавказе»,
М., 2011 г., с. 167–183.*

А. Клименко,
кандидат военных наук (ИДВ РАН)
**ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЕ РЕСПУБЛИКИ:
ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ
В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ НИМИ
И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СИТУАЦИЮ В РЕГИОНЕ**

Обстановка в Центральной Азии с точки зрения обеспечения региональной стабильности и безопасности остается довольно сложной. По признанию президента Казахстана Н. Назарбаева, Центральная Азия – это «...один из потенциально конфликтогенных регионов... Конфликты в перспективе могут проявиться и внутри региона, и вокруг него, в том числе из-за территорий, водных и богатейших природных ресурсов». Территориальные и иные связанные с ними межгосударственные противоречия вышли из тени после дезинтеграции СССР. И хотя руководство ставших суверенными государств в территориальном размежевании действовало сообразно границам, определенным в бытность Советского Союза, старые межобщинные трения по поводу принадлежности тех или иных земель напомнили о себе.

Отношения между Казахстаном и Узбекистаном, наиболее крупными государствами региона, тоже не избежали территориальных противоречий, что потребовало делимитации границ между ними. Сегодня этот вопрос, в целом, решен, что снизило напряженность в их отношениях. Однако практическое отсутствие охраны этих границ, на которых лишь в отдельных местах существует административный контроль, создает условия для незаконной миграции населения. Кстати сказать, Узбекистан в определенной степени устраивает такое положение дел. Оно не только снижает остроту его демографических и социальных проблем за счет южных областей Казахстана, но и способствует оттоку туда недовольных внутренней политикой Ташкента. Естественно, все это вызывает недовольство у Астаны.

Еще одним фактором этого плана является этнодемографический. В приграничных регионах Казахстана проживает значительное количество этнических узбеков. Аналогичная картина наблюдается в Узбекистане. При этом особое беспокойство в Астане вызывает то, что более чем 370-тысячная компактно проживающая на приграничной территории юга Казахстана узбекская диаспора может послужить исламистам основой для разжигания недовольства. И хотя в настоящее время она не является активным

«игроком» на политической сцене Казахстана, но обладает большим потенциалом для воздействия на социальную, политическую и экономическую ситуацию на юге государства. Пример подобному – события в 2005 г. в Киргизии.

Казахская диаспора в Узбекистане остается самой крупной на пространстве СНГ. Ее численность варьируется от 1,0 млн. человек, по официальной статистике, до 1,5 млн. – по данным казахстанских демографов и мнению представителей самой диаспоры. Она сравнительно компактно располагается, в основном, на приграничных с Казахстаном территориях. В период становления государственной независимости Узбекистана ее представители, как и других национальных меньшинств в этой стране, подверглись определенному давлению, что выразилось в закрытии казахских школ и спецотделений в вузах, а также в прекращении вещания из Казахстана. Почти все члены диаспоры, занимавшие в Узбекистане руководящие посты, были вынуждены их освободить. Такое положение естественно привело к некоторому оттоку казахов на историческую родину, величина которого, по неофициальным данным, составила немногим более 180 тыс. человек.

В настоящее время возвращение казахов из Узбекистана имеет для Казахстана двоякое значение. Проблема заключается в том, что основная их часть (более 90%) в качестве постоянного места жительства избирает сложные в социально-экономическом плане трудоизбыточные южные и юго-восточные области республики. Усугубляют это положение потоки нелегальных узбекских трудовых мигрантов, создающих дополнительное напряжение на казахстанском рынке труда. По данным узбекских государственных органов, на заработках в странах СНГ находится около 700 тыс. человек, по неофициальным данным – до 3 млн. (с учетом сезонных рабочих). При этом они стремятся попасть, в первую очередь, в южные области Казахстана.

Это создает значительное напряжение на рынках труда обоих государств. Причем узбеки более активны и демонстрируют лучшую приспособляемость для деятельности в наиболее прибыльных экономических сферах. Вследствие этого казахское население южных областей, являясь этническим и властным большинством, переходит в категорию «экономического меньшинства». Таким образом, отмеченные и иные реалии межэтнических отношений между казахами и узбеками способны трансформировать трения в экономической области в потенциал политической нестабильности.

Отношения Казахстана и Узбекистана имеют ряд проблемных вопросов и в деле развития водно-энергетического, газового и транспортного комплексов региона. Сохраняются противоречия, связанные с превышением оговоренных лимитов забора воды из реки Сырдарья в вегетационный период и фактами ее загрязнения. При этом недостаток воды в южных районах обеих стран будет оставаться актуальной проблемой на длительную перспективу, сопровождаясь регулярными сезонными обострениями.

Следующая проблема – зависимость Казахстана от поставок узбекского газа, которую Астана стремится снизить посредством разработки газового месторождения Амангельды. И хотя амангельдинский газ не может обеспечить даже юг Казахстана, разработка этого месторождения укрепляет позиции Казахстана на переговорах с Узбекистаном, когда тот пытается повышать цены на газ. Однако полностью устранить данное воздействие со стороны Ташкента на Астану пока не удастся.

В транспортной сфере, наоборот, основные проблемные моменты связаны с фактом использования Казахстаном выгодного транзитного положения. Так, например, неадекватная железнодорожная политика (в основном, тарифные условия), проводимая в ряде случаев казахстанской стороной, способствовала активизации действий транспортных компаний Узбекистана по поиску альтернативных направлений транспортировки своих грузов.

Существование этих нерешенных проблем и отсутствие явного желания обеих сторон в их преодолении препятствуют развитию интеграционных процессов в данных областях экономики двух государств. Кроме того, одним из важных факторов, способных в перспективе отрицательно сказаться на двусторонних отношениях между ними, может стать рост теневого сектора их экономических связей: торговых, финансовых, валютных. И в данном случае экономическая составляющая двустороннего взаимодействия содержит реальную основу для нарастания конфликтного потенциала.

Отношения Казахстана с Киргизстаном носят менее напряженный характер, чем его отношения с Узбекистаном. Однако и здесь достаточно нерешенных проблем, в основном экономического свойства, к которым можно отнести следующее. В свое время киргизская сторона предлагала в первоочередном порядке разрешить проблему транзита грузов через территорию Казахстана, упрощения таможенных процедур, доступа на казах-

станский рынок электроэнергии из Киргизии, снятия сезонных ограничений на вывоз из Казахстана мазута и дизтоплива.

Условия предоставления тарифов льготного транзита и таможенных пошлин напрямую увязывались с решением киргизской стороной вопросов по созданию совместного предприятия по рациональному использованию ресурсов Нарын-Сырдарьинского каскада водохранилищ и передаче в собственность Казахстана нескольких пансионатов на берегу Иссык-Куля. Однако киргизская сторона не обеспечила своевременное выполнение договоренностей, что не позволило сторонам ратифицировать Договор о дружбе между двумя государствами. Действия Бишкека спровоцировали Астану на ограничение поставок в Киргизстан энергетических ресурсов и пшеницы, мотивируя это нехваткой продовольствия для внутренних нужд страны. Кроме того, руководство Казахстана постоянно заявляет, что киргизская сторона осуществляет несанкционированный отбор природного газа, предназначенного для юга Казахстана, и что существующая задолженность за его поставки уменьшается. Со своей стороны в Киргизии не без оснований полагают, что государство, не обладающее, в отличие от соседей, запасами нефти и газа, вправе использовать в межгосударственных отношениях свой козырь – водные ресурсы. О том, как это происходит, речь пойдет ниже. Здесь же отметим, что соглашение 1998 г. о бесплатной поставке топлива в обмен на воду и электроэнергию постоянно дает сбои. Стороны чувствуют себя вправе нарушать обязательства всякий раз, когда считают, что их интересы ущемляются.

Таким образом, хотя противоречия между Казахстаном и Киргизией носят чисто экономический характер, стороны пока не находят эффективного выхода из создавшегося положения.

Отношения Узбекистана с Таджикистаном также имеют существенные проблемы. К наиболее сложным и затяжным из них можно отнести территориальные противоречия. Расселение этнических групп таджиков и узбеков практически на 50% не соответствует границам их государств. Наиболее сложным в этом отношении является положение Ленинабадской области в Северном Таджикистане, которая, будучи частью Ферганской долины, отрезана от остальной территории страны двумя горными хребтами. Следует учитывать также, что узбекские города Бухару и Самарканд таджики считают очагами своей культуры. Все это создает почву для многочисленных противоречий, как межэтнических, так и межгосударственных. Другой наиболее значимой в межгосу-

дарственных отношениях Узбекистана и Таджикистана является проблема борьбы с терроризмом. В частности, Ташкент постоянно упрекает Душанбе в слабой активности по ликвидации баз боевиков Исламского движения Узбекистана на территории Таджикистана.

Кроме того, в межгосударственных отношениях Узбекистана и Таджикистана существуют трудности экономического свойства. Так, очень важной для Душанбе является проблема управления и пользования гидроресурсами. Основные интересы Таджикистана связаны с компенсацией потерь, которые возникают в связи с тем, что работа его гидроэлектростанций осуществляется в режиме, благоприятном для соседних республик, а потому руководство страны считает, что данный вопрос необходимо решать на паритетной основе с учетом мнений всех заинтересованных сторон. Однако Узбекистан и Казахстан, крупнейшие потребители водных ресурсов в Центральной Азии, затягивают решение этой проблемы. Следует также учитывать тот факт, что с момента установления пограничных пунктов и таможенных постов на таджикско-узбекской границе узбекская сторона отдает преимущественное право проезда через свои пункты этническим узбекам. При огромном объеме товаропотоков, которые идут по частным каналам, это препятствует другим гражданам Таджикистана нормально перемещаться на соседнюю территорию. В результате таджики вытесняются из приграничной торговли, а позиции узбекских этногрупп внутри Таджикистана в экономическом плане усиливаются. Это становится мощным рычагом воздействия Узбекистана на внутреннюю политическую и экономическую ситуацию в Таджикистане.

Не лишены проблем и **киргизско-таджикские отношения**. Ни одна республика Центральной Азии, кроме Киргизстана, не имеет таких причудливых границ и различных иностранных анклавов на своей территории. В дополнение к уже упоминавшимся узбекским анклавам к таковым на территории Киргизии можно отнести два таджикских села с населением примерно 60 тыс. человек. Душанбе не раз обращался с просьбой совершить обмен территориями, однако Бишкек уклоняется от решения данной проблемы. В результате анклавы становятся все более изолированными от Таджикистана. Изоляция порождает чувство отчужденности, которое, по мнению политологов, служит почвой для распространения идей исламского радикализма, так как отсутствие признанного сторонами законодательного акта по этим вопросам служит основой для возникновения конфликтов, угрожающих ста-

бильности в приграничье, а также подрывает веру в способность властей управлять делами на местах.

* * *

Подводя итог сказанному, можно отметить, что основные противоречия между государствами Центральной Азии порождаются:

- территориальными разногласиями;
- незавершенностью процессов делимитации границ;
- проблемами в вопросах поставок энергетических и сырьевых ресурсов, а также водопользования;
- наличием анклавов и мест компактного проживания населения некоренных национальностей;
- неурегулированностью трансграничной торговли и пользования сопредельными территориями в сочетании с нерегулируемой миграцией населения, включая транзитные перевозки грузов через них;
- слабой координацией усилий в борьбе с экстремизмом и трансграничной преступностью.

В условиях СССР такие противоречия сглаживались Москвой. Теперь в формате двусторонних отношений это не всегда удается, а международные организации, в том числе СНГ, ЕврАзЭС и ШОС, не проявили достаточной заинтересованности в их разрешении, особенно в условиях повышения активности местных экстремистов и международных террористических организаций. Неопределенность относительно перспектив развития ситуации в регионе вносит и приближающаяся смена поколений политического руководства в большинстве центральноазиатских государств. Ход данного процесса может скорректировать как двусторонний, так и многосторонний форматы отношений между ними. Поэтому проблема безопасности в Центральной Азии остается одной из наиболее сложных и важных для расположенных здесь государств и других стран, связанных с ними общими интересами.

*«Мировые державы в Центральной Азии»,
М., 2011 г., с. 91–100.*

Ольга Гайко,
магистр философии (Казахстан)
**НАЦИОНАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО
В КАЗАХСТАНЕ**

Тема национального строительства является актуальной не только для Казахстана. Однако именно в Казахстане особую актуальность таким исследованиям, как и самому национальному строительству, придает специфическое сочетание факторов и политического контекста данного процесса.

Во-первых, Казахстан относительно недавно стал суверенным государством. Обретение независимости было похоже, скорее, на экстренное катапультирование, чем на целенаправленный процесс.

Во-вторых, для республики характерна асимметрия развития регионов, проявляющаяся в демографической, этнической, социально-экономической структуре населения. По результатам переписи 2009 г., в Казахстане проживают 16 005,8 млн. человек 130 национальностей. Ведущими этносами являются казахи (63,1%) и русские (23,7%), удельный вес представителей остальных этносов не превышает 3%. Преобладание казахов впервые зафиксировано в переписи 1999 г., тогда этот показатель составил 53,5%. С 1999 г. произошли значительные изменения в этническом составе населения страны за счет роста численности казахов (26,1%) и узбеков (23,3%) и сокращения численности немцев (минус 49,6%), украинцев (минус 39,1%), татар (минус 18,4%), русских (минус 15,3%).

В-третьих, в республике «размыта» идентичность населения. Политическая «дисквалификация» советской идентичности после 1991 г. продемонстрировала отсутствие в Казахстане равносильной замены. Поиску вариантов и механизмов преодоления размытости идентичности посвящены все годы суверенитета.

В научные и околonaучные обсуждения проблем национального строительства втянуты как уважаемые ученые мужи и общественные деятели, так и обычные граждане Казахстана, с той лишь разницей, что первые используют в качестве площадки для выступлений средств массовой информации (СМИ), а среднестатистические граждане выражают свое мнение в псевдонимно-анонимных комментариях на страницах блогов и интернет-форумов. Последние представляют особый исследовательский интерес, который требует отдельного изучения за рамками нашей

статьи. В данной работе основное внимание уделяется законодательным актам, проектам, стратегическим планам, программам правительства, посланиям Президента, а также статьям ведущих ученых Казахстана, имеющих самое непосредственное отношение к большинству стратегических документов. Мы сознательно опускаем анализ большинства публикаций в СМИ в силу очевидности их описательного и пропагандистского характера.

В рамках научного дискурса условно можно выделить два подхода к самому феномену нации и методам ее созидания. В одном случае речь идет об «этнокультурном национализме», сторонники которого полагают, что единственной нацией в Казахстане является казахская, а все остальные не что иное, как диаспоры. Задачами национального строительства с позиции данного подхода являются возрождение казахской нации, а все другие этносы должны с уважением и пониманием отнестись к этому желанию. В качестве нациеобразующих ценностей выступают язык и этническая культура казахов. Внедрение и реализация этой модели предполагает активное содействие государства и привлечение административных, политических и иных ресурсов. Сторонники этнокультурного национализма настоятельно требуют от государства защиты от посягательств на этническую культуру казахов со стороны других культур и одновременно ратуют за ее установление в качестве фундаментальной в полиэтническом обществе. Так, в декабре 2009 г. прошла показательная протестная акция представителей казахоязычной интеллигенции против принятия Доктрины национального единства. Протест вызвала идея создания единой казахстанской нации на основе гражданских ценностей, подтверждения приверженности государства языковому триязычию.

Принципы этнокультурного национализма находили поддержку у правящей политической элиты и доминировали при принятии стратегических документов в первые годы суверенитета, до принятия действующей Конституции (1995). После 1995 г. и поныне укрепляет свои позиции в общественном мнении и в среде политической элиты так называемый гражданский национализм. С позиции «гражданского национализма» создание единой нации в полиэтничном обществе возможно только на принципах и ценностях согражданства, не привязанных к этничности. Президент Республики Казахстан (РК) Н.А. Назарбаев достаточно четко в очередной раз обозначил приверженность принципам гражданского национализма в ходе «прямой линии» 13 ноября 2009 г., отметив, что национальное единство «держится на трех столпах: первое –

это наша общая история... Второе – это общие для всех казахстанцев ценности... И третье – это наше общее будущее».

Нетрудно заметить, что первый подход к национальному строительству методологически связан с примордиализмом, в котором нация воспринимается как продукт длительного естественно-исторического развития определенной общности людей, имеющих общее происхождение. А второй исходит из принципов политического конструктивизма, в котором под нацией понимают результат конструирования политических элит. Оба подхода достаточно популярны и имеют своих приверженцев как в политической элите, так и обществе.

Неудивительно, что этнокультурный национализм имеет своих сторонников преимущественно среди казахоязычных казахов, а сторонниками гражданского национализма являются представители «некоренных», в первую очередь славянских, этносов, хотя много и этнических казахов (так называемых шала (наполовину) казахов. По Ж. Жакупову, феномен шала казахов выражается в том, что «казахский язык оказался для шала казак не востребуемым – шала казахи знают родной язык либо на ограниченно бытовом уровне, либо не знают вообще. Итак, шала казак, – это казах, который не знает казахского языка и говорит на русском языке»).

Позиции гражданского и этнокультурного национализма противоположны в понимании национального единства, механизмов и способов построения общей нации. Но оба подхода сталкиваются с трудностями практической реализации собственного проекта. Так, «гражданский» проект нации труднореализуем из-за отсутствия развитого гражданского общества, а соответственно, и укоренившихся, с мощным интеграционным потенциалом, ценностей согражданства. Большое сомнение вызывает и сама возможность построения гражданской нации в государстве неукоренившейся демократии.

«Этнокультурный» проект вязнет в полиэтничности казахстанского общества, неоднородности демографического и экономического развития регионов, недостаточной для единения востребованности казахского языка и культуры, в том числе и в среде этнических казахов. Хотя национал-патриоты и возлагают надежды на установление моноэтничности в Казахстане в связи с выявленным доминированием казахского этноса по результатам переписи 2009 г., но все же 63% для этого явно не достаточно.

Примечателен тот факт, что при существующей слабости гражданского общества, неспособного самостоятельно продуцировать общегражданские идеи и ценности, основным субъектом национального строительства остается государство в лице правящей элиты. Правящая же элита на протяжении 18 лет независимости пытается реализовать некий синтетический проект, который бы объединил принципы гражданского и этнокультурного национализма и устроил бы как национал-патриотов, так и представителей меньшинств, в первую очередь европейских этносов. Противостояние «гражданской» и «этнической» модели нации остро обозначилось в конце прошлого года, когда по инициативе Президента РК Ассамблеей народа Казахстана был предложен проект Доктрины национального единства. Национал-патриоты во главе с М. Шахановым предложили в качестве альтернативы проект Концепции национальной политики.

Эксперты Института политических решений (ИПР), проведя экспертизу проектов документов, выразили мнение, что, несмотря на существующие противоречия, в этих проектах есть несколько «точек консенсуса»: курс на укрепление государственности Казахстана, осознание рисков потери этнической идентичности в условиях глобализации, признание развития государственного языка в качестве безусловного приоритета. Однако противоречий намного больше. К сильным сторонам доктрины аналитики ИПР отнесли тот факт, что в ней увязывается решение вопросов, касающихся межэтнической тематики, с реализацией задач в социально-экономической и политической сферах, так как, по их мнению, баланс в межнациональных отношениях тесно связан с социально-экономической стабильностью. Одобрительно эксперты высказались и о предложениях Доктрины в языковой политике. В частности, это касается пункта об установлении для иммигрантов требования владеть государственным языком. С момента обретения суверенитета и поныне такое требование не выдвигалось. В качестве сильных сторон отмечены также разработка единых юридических стандартов по применению понятийного аппарата межэтнических отношений, превентивных мер для раннего выявления социальных и межэтнических конфликтов, недопущение политизации межнациональных отношений.

В то же время были обозначены и минусы. Аналитики выразили сомнение в эффективности пропагандистских методов закрепления ценности формирования гражданской нации. Кроме того, в Доктрине отсутствуют четкие и обоснованные дефиниции

ключевых понятий и категорий: таких как «нация», «этнос», «народ», «этническая общность», «гражданское общество», «национальная идея». Статус казахского этноса в Доктрине четко не прописан, что стало источником острых дискуссий в обществе.

К Концепции национальной политики, предложенной оппозицией во главе с М. Шахановым, у аналитиков ИПР было гораздо больше претензий. Главная из них – противоречие Конституции. По мнению экспертов, в документе «используется определение Казахстана как национального государства, что не соответствует Конституции». Кроме того, в тексте Концепции также отсутствуют четкие дефиниции понятия «нация». Изначально в ней зафиксировано этническое понимание нации (т.е. казахская нация), а в дальнейшем тексте встречается подмена понятий – в определенных моментах нация понимается с этнических позиций, в других – с гражданских, «в зависимости от того, какой части общества адресуется текущий месседж». Если основные претензии к Доктрине со стороны оппозиции сводились к не прописанному особому статусу казахской нации, то прямо противоположные претензии были у экспертов и общественности к Концепции, в которой «казахская нация» наделена превосходством и особыми полномочиями при решении национального вопроса. Эти тезисы противоречат положениям Конституции о недопустимости дискриминации по этническому признаку.

В Концепции содержится предложение ограничить вещание иностранных телеканалов, что может превратиться, по мнению экспертов ИПР, в попытку введения информационной цензуры. В настоящий момент государство достаточно снисходительно относится к повсеместному нарушению законодательной нормы о том, что не менее 50% вещания должно вестись на государственном языке. Еще одно нарушение Конституции предполагает призыв оппозиционеров запретить деятельность нетрадиционных религий. Ряд идей, изложенных в Концепции, получил одобрение экспертов: инициатива принятия закона о внутренней миграции, запрет на проведение миссионерской работы среди несовершеннолетних, а также предложение о публичном распространении отчетов правительства по политике в сфере национальных интересов.

В целом Доктрина национального единства хорошо описывает механизмы поддержания межэтнического и межконфессионального согласия, но не выходит на концептуальный уровень при попытке описать принципы построения гражданской нации в Казахстане. То есть не отвечает на важнейший вопрос: «На каких

базовых нормах и ценностях мы строим гражданскую нацию?» Проект национал-патриотов более системный, охватывает более широкий круг вопросов, но авторам не удалось увязать документ с результатами 18-летнего периода суверенного развития республики. Иными словами, они предлагают отбросить все достижения и начать процесс национального строительства с «чистого листа», на новом этническом базисе.

Концепция национальной политики, предложенная оппозицией, и развиваемая в ней идея возможной «казахизации» неказахов существуют не первый год. Пять лет назад известный казахский историк и политолог Азимбай Гали назвал казахизацию одним из главных условий выживания и дальнейшего развития Казахстана. По его мнению, «казахизация неказахов расширит социальную базу Казахстана. Создаст более широкую основу для этносоциальной конкуренции этносов Казахстана, что весьма полезно скажется на росте пассионарного пыла населения Казахстана». При этом под казахизацией он понимает только гражданскую и лингвистическую ассимиляцию, другие же типы аккультурации рассматриваются им как желательные, но не критичные. Наиболее реальной Гали считает ассимиляцию тюркских и мусульманских этносов – узбеков, уйгур, турок и курдов, которые гораздо ближе казахам в языковом и конфессиональном плане.

В частности, узбеки, уйгуры и турки, по его словам, подошли примерно к 80%-ному овладению государственным языком. Вслед за ними должны ассимилироваться «асфальтные казахи», или так называемые шала казахи – та часть городского казахского этноса, которая является русской по языку и культуре. Наибольшими перспективами продвинуться во власть благодаря культурной эластичности обладают корейцы. Последними будут ассимилированы «прошедшие достаточную адаптацию русские».

При этом «и восточные славяне, и тюркские этносы смогут сохранить родной язык и особенности ментальности», но при условии овладения государственным языком и восприятия общеказахской идентичности. Результатом этого процесса станет создание «достаточно продвинутого слоя неказахской элиты и истеблишмента, который может быть достаточно плодотворным в строительстве независимого Казахстана», а конечным итогом – «казахизация всего населения в результате этносоциальной мобилизации и в преобразовании мультинационального в постэтнический Казахстан».

Как это ни странно, но идеи Азимбая Гали во многом созвучны проекту Доктрины национального единства. Так, одним из главных скрепляющих нацию факторов, по мысли разработчиков Доктрины, должна стать языковая политика. Однако анализ соответствующего раздела показывает, что почти весь он посвящен внедрению казахского языка. Из 15 содержащихся в нем пунктов десять повествуют о расширении сферы применения и усилении «консолидирующей роли» казахского языка, которым в скором будущем должны овладеть все граждане Казахстана, и лишь один – об «обеспечении функционирования русского языка в качестве официально употребляемого в государственных организациях и органах местного самоуправления». На практике сроки перевода делопроизводства в стране на казахский язык с 2010 г. сдвинулись на пару лет вперед. Сделано это для того, чтобы казахский язык не стал средством языковой изоляции значительной части граждан. Кроме того, не следует игнорировать тот факт, что неказахское население не отказывается изучать казахский язык: в стране явно ощутимо отсутствие условий для изучения языка (методологическая и методическая неразработанность языковых курсов, отсутствие действенных стимулов для изучения государственного языка).

В качестве альтернативы ассимиляции Азимбай Гали рассматривает три варианта «протестного» поведения нетитульных этносов: сегрегация (уход в замкнутую модель общины, самоизоляции, пассивное сопротивление), активное сопротивление всем формам ассимиляции (эмиграция, политическая борьба в рамках конституционных норм) и попытка ассимилировать ассимиляторов. На практике скорее всего будут иметь место все три модели поведения, и главный вопрос заключается в том, какая из них будет доминирующей.

В случае активного внедрения казахского языка и вытеснения им русского вариант сегрегации славянского населения скорее всего не сработает, поскольку его численность еще слишком велика (более 23%). Возможен вариант массовой эмиграции, тем более что он уже опробован в 1990-е годы, когда Казахстан покинули около трети его «некоренного» населения. Несмотря на значительное снижение, эмиграция из Казахстана не прекращалась и в 2000-е годы.

Отчасти солидарен с Азимбаем Гали, но выступает против ассимиляционной модели Т.А. Козырев. Как отмечает исследователь, «национальное строительство в Казахстане реально может основываться только на традиционных ценностях, т.е. принадле-

жащих “треугольнику”: язык – культура – религия». При этом не исключена опасность расслоения населения по этноконфессиональному признаку. Из возможных вариантов для Казахстана Козырев предлагает обращение к традиционным ценностям тюрков, представители которых вместе с титульным этносом сегодня составляют около 80% населения страны, с созданием приемлемой социально-культурной ниши для этнических европейцев.

Конечно, рассмотренные модели создания единой нации являются дискуссионными, но следует признать, что набор реальных инструментов и временной фактор ограничивают выбор реальных моделей национального строительства. Хотелось бы только заметить, что, на наш взгляд, при выборе конкретной модели национальной политики следует учитывать целенаправленную деятельность правящей политической элиты и создание новой системы общих ценностей. Разумеется, лучше, если «новая» система будет основываться на уже существующих нормах и ценностях. Конструктивистский подход не исключает преемственности и реконструкции символов и ценностей традиционной культуры, но только в обновленном актуализированном варианте, востребованном большинством и не чуждом меньшинствам.

Как следует из рассмотренных нами вариантов и моделей национального строительства, окончательных ответов на главные вопросы нет, они в процессе обсуждения: «Кто есть казахстанцы?», «Казахская или казахстанская нация?», «Какие ценности способны нас объединить? Какие уже объединяют?» В перспективе, возможно, ответы на эти вопросы и будут получены. Пока же Казахстан стал экспериментальной площадкой для реализации нескольких национальных проектов. Хотелось бы надеяться, что этот эксперимент не станет причиной ухудшения атмосферы толерантности, характерной для нашей страны. Избежать нежелательных последствий позволит социальная ответственность не только правящей элиты, оппозиции, но и «обычных людей», потому что гражданская нация начинается с гражданской идентичности, а она – с осознания взаимной ответственности государства и гражданина.

*«Приграничье Азиатской России:
Подходы к анализу современных проблем»,
Новосибирск, 2011 г., с. 123–132.*

Дмитрий Фурман,

доктор исторических наук

Санобар Шерматова,

эксперт по странам ЦА

ПРИЧИНЫ «КОРОТКИХ ЦИКЛОВ» ПАДЕНИЯ И ВОССОЗДАНИЯ АВТОРИТАРНЫХ РЕЖИМОВ В КИРГИЗИИ

Киргизы любят говорить о своих демократических традициях, «кочевнической демократии». Ф. Кулов: «Даже в древние времена хан у нас избирался, и если он не нравился народу, его смещали. У киргизов в этом смысле генетическая, историческая память». А. Акаев: «Сам уклад жизни киргизов в сути своей предполагал демократическую организацию... Наша демократия спустилась с гор Тянь-Шаня». К. Бакиев: «Киргизы всегда управляли государством при помощи народной демократии. Народная демократия была у нашего народа еще тысячу лет назад. Киргизы никогда не позволяли по отношению к себе чью-то диктатуру, узурпацию власти...». Таких цитат можно привести десятки.

И действительно, в отличие от узбеков или русских, у киргизов в прошлом нет деспотической государственности. Строго говоря, у них вообще не было сложившейся государственности, а были племена, руководимые племенной аристократией («манаров» на севере и «беков» на юге) и догосударственными племенными институтами (народные собрания, курултай) и делившиеся на роды и подразделения. Эти племена имели некоторую общекиргизскую идентичность и были связаны друг с другом идеей происхождения от общих предков и сложными (полуреальными и полумифическими) генеалогическими отношениями, но не имели надплеменных властных институтов, постоянно отнимали друг у друга скот и пастбища и иногда вели между собой длительные кровавые войны. Пытавшийся объединить киргизов в XIX в. хан Ормон, памятник которому установлен в Бишкеке, был выбран общим курултаем племен и установить династию не смог. В отличие от казахов, у киргизов не было даже находящейся вне племенной структуры (и над ней) аристократии султанов – Чингизидов.

Уже эта историческая память препятствует попыткам построения в Киргизии авторитарных систем. Авторитарной государственной власти у киргизов трудно опереться на историю, она не воспринимается как естественная и традиционная форма власти. Наоборот, современная национально-демократическая идео-

логия опирается на эту память о «кочевнической демократии» и представляет ее прообразом демократии современной (как мы это видим в приведенных выше цитатах). А киргизские антиавторитарные движения естественно апеллируют к этому идеологически преобразованному и приукрашенному прошлому и изображают авторитаризм чем-то не национальным и даже антинациональным – про Бакиева говорили, что он пытается возродить порядки угнетавшего киргизов Кокандского ханства.

Но родоплеменная система – не только прошлое, оказывающее влияние через историческую память, и порожденные ею установки восприятия. В значительной степени это и современность.

* * *

Переход к современной модели демографического воспроизводства происходит у киргизов относительно поздно – в 80-е годы прошлого века и особенно быстро (несмотря на всю, во многом поверхностную, постсоветскую архаизацию) – уже при независимости. В 1969–1970 гг. показатель суммарной рождаемости у киргизок достигал 7,7 рождения на одну женщину, в том числе в городах – 5,9 и в сельской местности 8,1, и в условиях, созданных советской властью, большинство детей выживало. Поэтому семьи типа бакиевской (семь братьев и две сестры) – совершенно нормальны и даже типичны для киргизов этого поколения. (У Отунбаевой, например, восемь братьев и сестер, у видного политика А. Мадумарова – семь, у Майрам Акаевой – три сестры и два брата.) Такие семьи, даже если мы абстрагируемся от культурных и «ценностных» факторов, уже самими своими размерами порождают «центрированность» индивида на семейных делах – даже минимальное участие в делах стольких братьев и сестер требует массы времени, внимания и сил, и даже минимальная их помощь в трудную минуту – это большая помощь.

Но дело, конечно, не только в размерах семей, но и в культурной и «идейной» ценности и прочности семейных связей. Есть киргизская шутка: «Если ты женишься на киргизке, ты женишься и на всех ее родственниках». И поскольку киргиз теоретически должен знать своих предков до седьмого поколения, и многие действительно знают, семейные связи переходят в более широкие – родовые и племенные. В любой киргизской биографии или автобиографии обязательно приводится родословная и указывается племенная принадлежность.

Советская модернизация и советская политика по искоренению в Киргизии родовых и племенных связей и лояльностей (в значительной мере продолжающая политику царской власти) не смогли их уничтожить. Эти связи играют важную роль до сих пор, причем в постсоветскую эпоху в условиях перманентного кризиса, когда люди особенно испытывают потребность в поддержке, и при общей тенденции к возрождению старых национальных традиций они даже усиливаются. Возродились даже курултаи племен. Другими проявлениями такой архаизации является возрождение при Акаеве судов аксакалов, а также полуофициальная практика многоженства среди элиты, которое при Бакиеве даже предлагали узаконить. Характерно, что Бакиев в минское изгнание отправился не со своей официальной русской женой, а со второй (или даже третьей), до этого момента тщательно скрываемой женой-киргизкой и ее детьми. Отунбаева говорила: «С приходом новой власти многоженство в Киргизстане вошло в моду... В мононациональном, гомогенном киргизском обществе все вернулось на круги своя: общепринятое многоженство, кражи невест как обычай, калым как необходимость, женитьба на сестрах умерших жен и т.д.». Большая, успешная и относительно сплоченная семья, вроде бакиевской, может, апеллируя к родовым, племенным и региональным лояльностям, используя родственников жен и дружеские и клиентельные связи, мобилизовать колоссальную поддержку.

Эти связи и лояльности ограничивают авторитарную власть, поскольку киргиз всегда может рассчитывать на поддержку «своих», и власти противостоят не атомизированные индивиды, как в России, а относительно большие и сплоченные общности. С индивидами можно не считаться, но с кланами не считаться нельзя. Как сказал однажды глава одной из сильных южных семей Бекмамат Осмонов: «Кланы – реальная политическая сила, которая не могла устроить наших прежних... вождей, привыкших управлять людьми безраздельно».

Клановый, родоплеменной аспект присутствует во всей киргизской политической жизни. Система мажоритарных округов усиливала клановый характер выборов – в чужой, иноплеменный округ, особенно в сельской местности, кандидату соваться бессмысленно. Отунбаева говорила о предстоявших в то время парламентских выборах 2005 г.: «В соответствии с этим принципом, каждый кандидат в депутаты старается избираться только в том месте, откуда он родом, где берет начало его род. Все лето, а мо-

жет, даже и весну, каждый из кандидатов копается в своих родословных».

Клановая борьба причудливо переплетается с идеологически-партийной борьбой – если партийные идеологии могут быть аморфны, их отличия друг от друга и приверженность им – сомнительны, то поддержка стоящих во главе партий крупных политических фигур «своими» – несомненна и органична. Люди, поднимавшиеся в поддержку Кулова и Бекназарова при Акаеве или Исакова и того же Бекназарова при Бакиеве выступали не за их политические идеи – они инстинктивно поддерживали обиженных «своих». Как поддерживали своих сохранившие после революции 2005 г. верность семье Акаевых и своему депутату Айдару Акаеву и встречавшие как принцессу приехавшую к ним Бермет кеминцы. И как поддерживали и в 2005 и в 2010 гг. Бакиева его джалалабадские родственники и земляки.

Естественно, этот «родоплеменной» аспект присутствует и в киргизских революциях. Вот место из книги Бакиева, где он с характерным для него простодушием раскрывает роль своего клана в победе революции на юге в 2005 г.: «Большой вклад в эту победу внесли Б. Асанов, А. Бекназаров, Ж. Жеенбеков, Жусуп, Акмат, Жаныш, Каныбек, Адыл, Марат Бакиевы и многие другие революционеры». Сильные родовые и региональные связи ослабляют власть не только тем, что заставляют считаться с ними, но и тем, что придают ей самой специфически клановый характер.

Президенты стремятся как-то соблюдать при назначениях клановый баланс (его учитывала и советская власть, причем не только местная, но и московская), но в конце концов всегда нарушают его. Превращение власти в клановую происходит естественно, само собой, даже без особого покровительства «своим» со стороны президента, ибо ускоренные карьеры его родственников и не требуют его вмешательства (окружение само понимает, что президенту приятно, когда ценят и продвигают его близких), и потому что в какой бы сфере и должности ни работал кто-то из его братьев или племянников, не говоря уже о детях, он становится неформальным «куратором» этой сферы.

Но совсем уж не покровительствовать «своим» президенты не могут, поскольку они – нормальные люди, любящие своих близких и «нормальные киргизы», которые не могут не быть лояльны «своим» и испытывают со стороны этих «своих» колоссальное психологическое давление. И, кроме того, они понимают, что реально в трудную минуту опереться могут только на «своих», и

назначают их на «ключевые» посты, где особенно необходима личная преданность. Вряд ли Бакиев, много и до самого конца говоривший о борьбе с клановостью, сознательно стремился придать своей власти клановый характер, но братья и дети не могли быть ему безразличны, он был о них высокого мнения, а контроль над финансами и службой безопасности был для него слишком важен, чтобы он мог доверить его кому-либо, кроме сына и брата.

Необходимость соблюдения баланса делает власть ограниченной, но нарушение его и опора на «своих» также ослабляют власть, ибо, во-первых, мы имеем дело не с традиционными патриархальными семьями с безоговорочным подчинением старшему, а с семьями в значительной мере уже современными, отношения родственников в которых трудно построить как «властную вертикаль», а во-вторых, опора на родственников, сородичей и соплеменников мешает восприятию власти как «национальной» и вызывает протест других кланов – вряд ли случайно, что обе киргизские революции происходят именно после массированного ввода президентских родственников во власть. И при Акаеве и при Бакиеве их ближайшие родственники не очень-то их боялись и действовали самостоятельно, зачастую вступая в конфликты друг с другом (при Акаеве – «сложные» отношения его сына Айдара и зятя Адила, вроде бы даже боровшихся за собственность, при Бакиеве – конфликт поколений, «дядей» со старомодными «понятиями» и современных «племянников-беспредельщиков») и посылая противоречивые сигналы бюрократии. Схожие конфликты были и в назарбаевской, алиевской и рахмоновской семьях.

* * *

Более узкие клановые лояльности в определенных ситуациях могут перекрываться более широкими лояльностями. Соперничество внутри более маленьких групп может отступать перед соперничеством больших групп, в которые они входят. Человек выступает как представитель своей семьи, которая может бороться за влияние с другими семьями того же рода, но он выступает как член рода по отношению к людям других родов, представитель племени в отношении представителей других племен, и наконец, как южанин или северянин.

Деление киргизов на южан и северян – это современная форма древнего племенного деления на группу племен «правого крыла», живущих на севере, и «левого», живущих на юге вместе с

не входящей в «крылья» группой племен ичкилик. В ходе истории это древнее деление приобрело культурный и субэтнический характер. Различия между более исламизированными и раньше перешедшими к оседлости и земледелию племенами Юга (Юг входил в Кокандское ханство и испытал сильное узбекское влияние) и дольше сохранявшим кочевническую и домусульманскую культуру, а затем – более русифицированным и урбанизированным и ставшим относительно более культурным и зажиточным Севером (здесь есть некоторая аналогия с делением Украины на Восток и Запад) имеют в Киргизии особо важное значение. В советское время Москва, очевидно, учитывая деление Киргизии на два основных региона, чередовала при назначении первых секретарей киргизского ЦК южан и северян. В постсоветское время такое чередование достигалось революционным путем.

Здесь важно не впадать в преувеличение и не изображать киргизские революции просто схватками южных и северных племен (как нельзя в киргизских партиях видеть просто камуфляж клановых группировок). Кулов – северянин, вступивший в конфликт с северянином Акаевым и посаженный им в тюрьму. Бекназаров и Текебаев – южане и борцы с бакиевским режимом. Но роль регионального фактора в них несомненна. Общей в обеих революциях была роль сконцентрированной в Бишкеке европеизированной интеллигенции разного племенного происхождения. Но массовая поддержка революционных движений в 2005 и в 2010 гг. была даже противоположной. Если в революции 2005 г., свергнувшей власть северянина Акаева, протест столичной интеллигенции был поддержан ощущавшими себя обделенными южанами, не только ликвидировавшими у себя акаевскую власть, но и отправлявшими колонны автобусов, на которых красовалась надпись «Держись, Бишкек!», на поддержку бишкекских оппозиционеров, то в 2010 г. главную массовую поддержку, направленную против правления южанина Бакиева, революция получила на севере, а Бакиев, наоборот, бежал вначале в свое село Тейит и пытался поднять Юг.

Чем сильнее клановые и региональные связи, тем, естественно, слабее общенациональные. В прошлом постоянно враждующие друг с другом племена выступали как единое целое только при конфликтах с «совсем чужими» – или при отражении агрессии иноземцев, или, наоборот, при агрессии в отношении этих иноземцев. И сейчас национальное сознание в значительной мере проявляется в «дикий» форме противопоставления «чужим»,

когда в глубоко разделенном обществе временно возникает чувство кровного единства. Очень характерно, что самым первым требованием поднявшейся в 1990 г. студенческой молодежи было требование не предоставлять жилье во Фрунзе армянским беженцам. Общественно-политические кризисы и в 1990 г., и в 2010 г. сопровождались страшными узбекскими погромами, унесшими значительно больше жизней, чем сами киргизские революции, а также более локальными погромами дунганского и курдского меньшинств. Внутренняя разделенность киргизов, моральная и физическая слабость государства и эти погромы – взаимосвязанные явления.

* * *

Отсутствие национальной авторитарной традиции и сильные родоплеменные и региональные связи облегчают в Киргизии сопротивление авторитаризму. Киргизы не испытывают особого пиетета перед своими правителями и государственной властью и не очень-то боятся их. Им ничего не стоит устраивать митинги и проводить полумитинги-полусовещания, называемые традиционным термином «курултай», перекрывать дороги, организовывать «походы на Бишкек» и т.д. Киргизские революции – порождение этого отношения к власти.

Но хотя в наше время любой протест и любой бунт идеологически оформляются как борьба за демократию, киргизское свободолобие и неприятие авторитаризма, имеющие скорее «догосударственные» и «донациональные» корни, очень далеки от того демократизма, который формируется в результате длительного государственного и правового развития. Если в киргизской политической элите постепенно формируется реальный демократический консенсус, то в широких массах и в совершавших киргизские революции толпах нет принципиального демократизма и антиавторитаризма. Теоретически они, может быть, и рады были бы иметь авторитарную власть. Опрос, проведенный в 2000 г., показал, что 81% населения считают, что «нужна твердая рука, которая наведет порядок в стране». Но любая своя, конкретная авторитарная власть вызывает протест. К ней нет необходимого уважения, и она не порождает необходимого страха. Авторитаризм не столько принципиально отвергается, сколько просто «не получается».

Киргизы с трудом подчиняются авторитарной власти. Но законам они подчиняются еще меньше. Тотальная киргизская коррупция – это как бы обратная сторона киргизского «родоплеменного свободолюбия», доминирования семейных и родовых ценностей над формальной ценностью закона. (Позор – не устроить «своего» на выгодную должность или помочь ему уйти от суда; позор – это оставить его в трудную минуту без помощи.) Самозахваты земель под строительство в Киргизии постоянны. Бунты и волнения в Киргизии – естественное сопровождение выборов: проигравший кандидат, если у него не получается договориться с избиркомом или судом, вполне может вывести на улицу своих родичей, раздать немного денег безработным и люмпенам и организовать беспорядки. Бермет Акаева говорит: «У нас до сих пор... очень крепки родственные, племенные связи, и для любого кандидата поднять пару тысяч своих родственников – не проблема». Устроить революцию киргизам проще, чем провести свободные и честные выборы, которых в независимой Киргизии пока что так никогда и не было.

Если общество не склонно подчиняться авторитарной власти, легко поднимается против нее, но одновременно в нем слабы психологические и культурные предпосылки правового демократического государства, получается именно то, что мы видим в Киргизии – циклы слабых и неустойчивых квазидемократий, сменяемых тоже слабыми и неустойчивыми авторитарными правлениями, конец которым кладут революции, начинающие новый цикл. Выбраться из подобных циклов, как говорит пример многих стран «третьего мира», может быть очень трудно, значительно труднее, чем свергнуть какой-то данный авторитарный режим.

* * *

Любая авторитарная стабилизация – в Киргизии или любой другой стране – по сути своей может быть только временной, и за нее раньше или позже приходится платить дестабилизацией. Но в Киргизии не получается даже той относительной и временной авторитарной стабильности, какая есть у ее соседей, и которая до какого-то момента – пока режим окончательно не прогнил и общество не переросло его – позволяет обществам развиваться и накапливать силы.

Киргизия уже прошла через две разные – более мягкую и более жесткую – формы авторитаризма, и более жесткая оказалась

даже слабее и недолговечнее мягкой. Несомненно, что еще одна попытка построения авторитарной президентской системы означала бы только еще одну революцию, продолжение изматывающих общество циклов. Но если авторитаризм «не получается» и не дает даже относительной стабильности, значит, выход из киргизских циклов может дать только установление демократии.

Установление демократии в разных странах сталкивается с разными проблемами, и киргизские проблемы во многом не похожи, например, на российские. Главные объективно стоящие перед Киргизией на пути к демократии задачи – это низведение родовых и местных лояльностей до совместимого с демократией и правопорядком уровня (мы не говорим о ликвидации этих связей и лояльностей, ибо это и невозможно, и ненужно – в смягченном и «цивилизованном» виде эти связи могут даже придавать необходимую стабильность и устойчивость партийной системе) и перевод киргизского вольнолюбия в правовое демократическое русло, т.е. превращение киргизского цикла революций, хаоса, авторитаризма и новых революций в цикл выборов и демократической ротации власти. Эта задача в принципе выполнима, как говорит нам пример ряда стран вроде Индии с меньшим, чем в Киргизии, культурным уровнем населения и не меньшей изначальной внутренней разобщенностью, которые смогли создать относительно устойчивые демократические системы. Но ясно, что это – задача колоссальной трудности.

Новое руководство Киргизии понимает и необходимость решить эту задачу и ее трудность. Печальный опыт киргизской постсоветской истории и революции 2005 г., которая не имела никаких ясных целей и планов, кроме свержения Акаева и абстрактного стремления к демократии, и свелась к замене плохого режима еще худшим, не прошел для него и, очевидно, для наиболее сознательной части киргизского общества даром. Еще в 2006 г. Отунбаева говорила: «Мы хотим не просто смены власти. Мы хотим изменения политической парадигмы!.. Нам нужно изменить весь алгоритм власти... Мы докажем, что даже в Центральной Азии можно быть демократической страной». Теперешние киргизские лидеры – Отунбаева, Текебаев, Атамбаев, Бекназаров, Сариев – это люди с громадным личным политическим опытом участия в политической жизни с перестроечных времен, участия во власти, преследований, арестов, покушений и двух революций. Плеяды деятелей с подобным опытом в других постсоветских странах мы не найдем. И их приверженность демократии – более глубокая и вы-

ношенная, чем поверхностный, подражательный и «легкомысленный» демократизм рубежа 80–90-х годов. Установление демократии – как бы оправдание их жизни и киргизской истории. Это – вопрос национального самоутверждения, национальной гордости.

О серьезности демократизма революционеров 2010 г. говорит выдвижение «революционной хунтой» в качестве премьера и «президента переходного периода» (до конца 2011 г. и без права участия в президентских выборах) явно не авторитарной, неклановой и не коррупционной фигуры единственной женщины среди революционных лидеров Р. Отунбаевой. Но главное – это принципы, которые новые власти стремятся положить в основу государственного устройства. Идея парламентской республики периодически выдвигалась киргизскими оппозиционерами-демократами еще с акаевских времен. Но после опыта авторитарного перерождения и падения двух президентских республик она приобрела у них характер консенсуса и относительно четкую и разработанную форму. Это позволило достаточно быстро и без дискуссий по базовым принципам разработать текст проекта новой Конституции.

По новой Конституции (ее главным разработчиком был Текебаев) Киргизия становится парламентской республикой с обладающим минимальными полномочиями президентом, который избирается на пять лет, но не может быть избран на второй срок. Президент не обладает неприкосновенностью и может быть отрешен от должности и привлечен к суду «на основании выдвинутого парламентом обвинения в совершении преступления, подтвержденного заключением генерального прокурора». Выборы будут проходить только по партийным спискам, что должно ослабить роль местных клановых интересов. Кроме 5%-ного барьера для прохождения партии в избираемый на пять лет парламент, вводится также норма, не допускающая парламентской монополии одной партии – в парламенте ни одна партия не может иметь конституционного большинства – более 65 мест из 120, какой бы процент голосов она ни получила. (Такой нормы нет нигде в мире, это – плод киргизского законотворчества, возникший из опыта выборов в бакиевский парламент и, очевидно, опыта других постсоветских стран.) Правительство формируется парламентским большинством. Конституция является продуманным и оригинальным, неподражательным документом, возникшим из осмысления национального опыта и ставящим серьезные преграды авторитарным поползновениям.

Но если новое руководство более готово к строительству реальной демократии, чем победители 2005 г., то и вызовы, с которыми оно столкнулось, – больше. Две революции подряд окончательно расшатали государственную вертикаль и почтение к власти. Уже после того, как удалось преодолеть первую волну хаоса и разгула мародерства, на юге повторилась, и даже в более страшных масштабах, ошская резня 1990 г., очевидно, спровоцированная бакиевцами во главе с прячущимися в подполье братьями и племянниками свергнутого президента, стремившимися сорвать референдум по новой Конституции. Сотни убитых и тысячи раненых – жертвы слабости киргизского государства и киргизского анархического вольнолюбия. Прекращение погромов, обуздание хаоса становится главной задачей, объективно отодвигающей на задний план все прочие, в том числе и задачи демократического строительства. Хаос таких масштабов – прекрасная почва для нового авторитаризма, который общество может воспринять как спасение, но который на деле будет означать продолжение киргизских циклов и не решение проблемы, а перенос ее решения в неопределенное будущее.

«Киргизские циклы», М., 2011 г., с. 64–78.

Рахмон Ульмасов,

публицист

ТАДЖИКСКАЯ МИГРАЦИЯ: ИСТОРИЯ, ПОСЛЕДСТВИЯ И УРОКИ

Во времена Советского Союза существовало мнение, что таджики трудны на подъем, они не выезжают, они прикованы к родной земле, молодежь к родителям, а родители продолжают традиции поколений. В 1970–1980-х годах отправлять молодежь на всесоюзные ударные комсомольские стройки было архисложным делом. Титульная нация в редком исключении выезжала на работу за пределы республики, а о женщинах вообще речь не шла. И это имело под собой реальную историческую почву.

Таджикский народ в XX в. пережил три этапа миграции, эмиграции и реэмиграции. Если подсчитать количество беженцев, трудовых мигрантов, политических эмигрантов, вынужденных переселенцев, репрессированных, погибших в годы Великой Отечественной войны, раненых и искалеченных, огромное количество погибших в годы бессмысленной гражданской войны – все это пе-

режить и выстоять сможет не каждое государство, не каждый народ сможет существовать как нация. В среднем в прошлом веке каждые пять-десять лет таджикский народ испытывал свою судьбу. Время и история разбросали таджиков по всему миру. Таджики сегодня проживают в разных частях земного шара: в Азии, Африке, Европе и Америке. По мнению профессора Мансура Бабаханова, «количество таджиков, проживающих в других государствах, превышает количество таджиков Республики Таджикистан примерно в семь раз».

Можно с уверенностью сказать, что XXв. войдет в историю таджикского народа веком вынужденной миграции. Это тема для отдельного изучения. Для такой маленькой нации пережить и выжить было очень трудно, и не всякий народ может выйти из этой сложной ситуации достойно. Каждый из этих этапов оставил отпечаток в жизни каждой таджикской семьи.

Первый этап. После Октябрьской революции 1917 г., в годы борьбы с басмачеством были допущены грубые нарушения, приводившие к массовой эмиграции населения за пределы республики. Вместе с имущими элементами уходили от необоснованного преследования бедняки и середняки, что создавало тревожную обстановку в республике, многие приграничные кишлаки и районы настолько обезлюдели, что в них оставалось населения меньше 5%. В то же время басмачество ограбило свой народ, например, только в 1924–1925 гг. басмаческие группы силой и угрозой собрали с народа, для семьи Амира, проживающей в то время в Афганистане, 3 млн. золотых денег. Гражданская война после Октябрьской революции также унесла жизни сотни тысяч людей. Только в Восточной Бухаре в результате военных действий «погибли 4418 человек, ранены 3835 человек и 2409 домов разрушены, сожжены. Из 36 кишлаков в Курган-Тюбинском районе только пять кишлаков и из 3500 хозяйств только 450, или 13%, остались». Причины эмиграции таджиков этого периода непосредственно связаны с деятельностью нового Советского государства. Профессор Мансур Бабаханов считает, что количество вынужденных мигрантов в несколько раз выше, чем официальные данные. В 1936 г. число беженцев в Афганистан достигло 120 тыс. семей – 600 тыс. человек. По всей вероятности эти цифры приблизительные. Статистические данные того периода нельзя назвать идеальными. К сожалению, историками в основном изучены исторические материалы, касающиеся Афганистана. Пока мы не владеем полной информацией

вынужденной миграции таджиков в Пакистан, Китай, Индию, Турцию, Иран и страны Европы.

За короткий исторический период, особенно до начала Великой Отечественной войны (1941) таджикский народ пережил самый сложный этап вынужденной миграции. Страх «красного большевизма» вынуждал покидать родину и репрессии 1930-х годов, когда цвет нации был уничтожен. Многие покинули страну, а значительную часть населения депортировали в Сибирь.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Если на территории Таджикской АССР население составляло 747 222 человек, примерно каждый третий житель был вынужденным мигрантом. До начала Великой Отечественной войны, хотя это небольшой исторический срок, ситуация стабилизировалась. Большое количество беженцев из Афганистана вернулись, начали строить новую жизнь. Таджики, как и все народы Советского Союза, внесли свой вклад в разгром фашизма. Были призваны на фронт 260 тыс. человек, сотни тысяч работали на промышленных предприятиях Урала. Свыше 70 тыс. посланцев Таджикистана сложили свои головы на алтарь Отечества за счастливую жизнь на земле. Отечественная война для жителей Таджикистана стала практически самым огромным бедствием за всю его историю. Человеческие жертвы, экономические потери, переориентация промышленности, разрушения и хаос, миграционные процессы – перечислять все негативные последствия можно очень долго. Большое количество различной и порой достаточно противоречивой информации о том страшном времени открывается и по сей день.

Второй этап. XX веку историки среди прочих наименований дали название «века беженцев». Однако с утверждением национальных государств в XIX в. разграничения и ненависть приобрели новое качество. «Неправильная» вера, «неправильная» идеология, «неправильная» национальность – кто «не наш», тот должен бежать, куда глаза глядят, – если успеет, конечно. Век этнических чисток начался.

Начало гражданской войны в Таджикистане началось именно из-за этих бытовых вопросов и переросло в гражданскую войну. После развала Советского Союза Таджикистан был единственной республикой, где началась гражданская война, продлившаяся пять лет, оставив черный след в истории таджикского народа. В годы гражданской войны более 100 тыс. погибших, 600 тыс. беженцев, более 1 млн. внутренних мигрантов, ущерб составил более 7 млрд.

долл. США, более 300 тыс. русскоязычных покинули республику, в том числе ученые, квалифицированные кадры, профессора, учителя, врачи. Сотни женщин остались без мужа, без дома. Война принесла не только горе и страдание жителям страны, но и экономика Таджикистана перенесла огромные потери. Силами таджикского правительства, международных организаций сделано все для того, чтобы вернуть вынужденных беженцев на родину. Каждый четвертый житель республики стал вынужденным беженцем или трудовым мигрантом.

Третий этап. После гражданской войны и до настоящего времени начинается третий этап миграции населения Таджикистана. По предварительным данным, количество трудовых мигрантов, выезжающих за пределы Таджикистана, оценивается от 750 тыс. до 1,5 млн. человек. Точное количество таджикских трудовых мигрантов за рубежом ныне никому неизвестно. По очевидным причинам нелегальные трудовые мигранты не попадают в государственную статистику, поэтому эксперты вынуждены прибегать к примерным оценкам ситуации. Данные о количестве трудовых мигрантов существенно расходятся даже у государственных структур и международных организаций.

Практически каждая таджикская семья имеет трудового мигранта. За последние 15–20 лет Таджикистан стал «денежно-переводозависимой» страной. Денежные переводы стали, как наркотик. Эксперты должны изучать перспективы развития миграционной ситуации и будущее наших мигрантов как в России, так и в других странах. Мы должны сделать выводы и разработать стратегию на ближайшее десятилетие в связи с изменениями в миграционной политике в европейских странах.

Итак, какие выводы можно сделать из трагической вынужденной миграции в истории таджикского народа? По масштабам, жестокости, людским и материальным потерям XX в. не имеет себе равных в многовековой истории таджикского народа. Думается, это обусловлено целым рядом взаимосвязанных факторов. Они неоднозначны по своему характеру и значению. Поэтому недопустима переоценка одних и недооценка или игнорирование других.

Семь уроков таджикской миграции.

1. Важнейший урок состоит в том, что политики в чистом виде не существует. Она жизненна только тогда, когда в органическом единстве учитывает весь комплекс факторов, обеспечивающих безопасность страны, нации — политико-дипломатических, экономических, идеологических, информационных и не в послед-

ную очередь оборонных. Государственным чиновникам независимо от деятельности необходимо использовать механизм обратной связи с трудовыми мигрантами в виде Интернета и социальных сетей для изучения миграционной ситуации как в стране, так и за ее пределами. Проблемами мигранта должны заниматься прежде всего те, кто сам пережил вынужденное изгнание, кто в настоящее время вернулся на родину. В ближайшее время Интернет и социальные сети превратятся в реальную силу, это как раз и есть тот обратный канал общения, который мы должны полностью использовать.

2. Он касается, прежде всего, деятельности стратегических министерств и ведомств, мнений экспертов, заключений ученых, точнее, их умения предвидеть назревающие изменения политической и экономической ситуации в стране и за рубежом. И тогда и сейчас всю мощь государства в полной мере не удалось реализовать. Из этого должны быть извлечены уроки и для сегодняшнего дня. Отсюда весьма важный вывод и для нашего времени, который сводится к тому, что при оценке характера ситуации нельзя исходить из «модных» идеологических установок, устоявшихся стереотипов и отвлеченных принципов, важно уметь разглядеть суть происходящих процессов. Мы должны обратить внимание наших соотечественников на то, чтобы они соблюдали и не нарушали законы страны пребывания, что жить по закону – это выгодно, это интересно, это культурно. Наша задача – это воспитание уважения к соблюдению российских законов.

3. Он состоит в организации стратегического управления миграционными процессами. Оно должно опираться на знание происходящего. Однако, оглядываясь назад, с удивлением приходится отмечать, что за все эти годы не было издано ни одного учебника по вопросам миграции, не проведено масштабных социологических исследований (а те, что проводились при поддержке международных организаций, не вполне отражают реальную ситуацию). В результате миграционные процессы происходят стихийно, никто ими не управляет.

4. Он относится к необходимости изучения рынка труда в Таджикистане и за его пределами. От этого зависит ответ на вопрос, какова потребность в квалифицированных кадрах и как следует их готовить. Исходя из этого, повсеместно в стране необходимо создавать инфраструктуру государственного регулирования рынка труда, включающую в себя комплекс организаций и учреждений; разрабатывать предложения по повышению мобиль-

ности трудовых ресурсов; определять направления территориального перемещения трудовых ресурсов; создать российскую биржу труда в Душанбе и в областных центрах Таджикистана; оказывать помощь таджикским гражданам в трудоустройстве в связи с их направлением на работу в другую страну по приглашению российских и других зарубежных компаний.

5. Формирование системы профессионального обучения молодежи является важным стабилизирующим фактором в социальной сфере. Необходимо возродить профессионально-технические училища; для этой цели целесообразно принять государственную программу поддержки ПТУ. Создать совместные ПТУ с работодателями из России и в то же время отладить процесс направления на учебу и на практику непосредственно к работодателям в Россию. Главной целью системы профессионального обучения являются повышение конкурентоспособности и профессиональной мобильности граждан на рынке труда и профессиональных услуг, обеспечивающих гарантированное трудоустройство. При организации профессионального обучения служба занятости населения должна ориентироваться на потребности как безработных, так и зарубежных работодателей.

6. Огромно значение применения научных подходов к изучению миграционных процессов. Важно, чтобы управление миграцией было научно обосновано. При этом имеющиеся данные, какими бы негативными они ни были, нужно объективно анализировать, обобщать и обрабатывать, отсеивая действительные сведения от мнимых, и доводить до сведения руководства, принимающего решения в миграционной сфере. Без глубокого анализа обстановки и умелого использования выводов такого анализа невозможно обеспечить эффективность принимаемых решений и действий.

7. Человеческие потери, которые понес Таджикистан за рассмотренные годы, заставляют думать, что действия и политика, основанные на лозунгах, оборачиваются на деле большими жертвами. В современных призывах проглядывает больше элементов демагогии и спекуляции, чем подлинной заботы о людях.

Во-первых, нам надо самим критически оценивать собственный прошлый опыт. Требовательность в этом отношении необходимо всемерно культивировать и воспитывать.

Во-вторых, необходимо уяснить, что сбережение людей достигается не отвлеченными пожеланиями и призывами.

Новому поколению руководителей необходимо критически осмыслить прошлый опыт, творчески его использовать. Мы обязаны, по крайней мере не хуже, чем это удавалось нашему старшему поколению, решать современные задачи страны. Любой общественный и политический деятель обязан считаться с мнениями, которые существуют.

Проблема безопасности мигрантов, как и проблема профилактики преступности и нарушений среди мигрантов, должна находиться в фокусе внимания миграционных служб, а также таджикских диаспор, находящихся за рубежом, прежде всего в России. Каждый мигрант должен знать свои права и свои обязанности. Главная проблема не в законах, а в их соблюдении, применении этих законов как со стороны тех, кому это поручено по должности, так и со стороны наших граждан.

*«Международная миграция населения
на постсоветском пространстве:
20 лет удач, ошибок, надежд»,
М., 2011 г., с. 161–169.*

Александр Джумаев,
публицист (Ташкент)
**ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ:
20 ЛЕТ СПУСТЯ**

Стратиграфия разлома

Прошло 20 лет, как республики бывшей советской Центральной Азии, или по-старому – Средней Азии и Казахстана, отцепленные от «общего состава» СССР («отцепить среднеазиатский вагон», как говаривали в центре некоторые идеологи – «про рабы перестройки»), были вынуждены приступить к строительству собственной национальной государственности – независимой. (В каждом из новых государств ныне есть сторонники и иного понимания исторического процесса – концепции многолетней, многовековой и даже тысячелетней перманентной национально-освободительной борьбы против захватчиков-колонизаторов и тоталитарного строя.) Это «происшествие» поначалу не вызвало в нашем регионе никаких массовых серьезных возмущений, потрясений или даже эмоций. К концу перестройки трудящиеся были настолько замордованы экономическими проблемами и «новыми

открывшимися обстоятельствами» из истории строительства социализма, что не до политики было, тошнило от нее. Трагическое исключение – Таджикистан, но его с лихвой хватило на весь регион.

Тем не менее можно было видеть, что происходящее все же по-разному воспринималось разными группами населения республик Центральной Азии. По крайней мере, три неравномерные по численности заинтересованные группы явно просматриваются. По субъективным наблюдениям автора – пассивного участника событий в «среднеазиатском сегменте» истории трагического распада СССР – это: массы трудящегося населения, оппозиционно-протестная группа (или группы) и субъекты перемен – будущие собственники, нарождающийся класс. А все остальное шло по более-менее сходному сценарию.

Конечно, мы вполне отдаем себе отчет, что это большое упрощение; тема распада СССР и крушения социализма – одна из сложнейших и самых болезненных в современной историографии на ближайшие десятилетия. Сколько уже было сказано и написано – и будет еще и еще – в попытках осмыслить происшедшее и происходящее. Регион же Средней Азии – случай особый, имеет свою специфику. Но дело даже не в этом. Что случилось, то случилось. Дело в другом: оправдались ли надежды тех, кто мечтал о лучшем, о собственном пути развития, о национальном строительстве, о свободе? Что было и что стало, что потеряли и что приобрели, и куда теперь все это движется?

Основная многомиллионная масса трудящихся совсем не предполагала полной и окончательной независимости и распада большой страны, так же как и смены политической и социально-экономической системы, т.е. фактически – контрреволюционного переворота или поворота. Не было в регионе и длительной анти-советской идеологической подготовки, как в России. Хотя все чувствовали необходимость каких-то (не всегда ясно формулируемых) перемен при сохранении базовых элементов системы. Совсем не предполагали трудящиеся потерять основные социальные завоевания социализма: бесплатную медицину, бесплатное образование, гарантированные рабочие места и зарплаты, гарантированный оплачиваемый отпуск, оплату бюллетеней по болезни, бесплатные или льготные путевки, детские сады и пионерлагеря, возможность получения бесплатного жилья, символическую плату за коммунальные услуги, контроль за качеством продуктов питания (пусть не в таком, как ныне, ассортименте, зато без вкусовых

заменителей «идентичных натуральным», и по доступным ценам), стабильный правопорядок, социальную защищенность и пр. И это только материально-экономическая составляющая. О культурном содержании – разговор отдельный. Теперь все это очень легко высмеять, если имеешь в кармане скромненько пару-тройку тысяч «зелеными» в месяц и к ним квартиру-«нехрущевку», иномарку и т.п. Но главное – не предполагала масса трудящихся, что и сама она, и ее элитная часть пролетариат-гегемон (вместе с крестьянством и народной интеллигенцией) будет подвергнута экзекуции для превращения из значимой общественной силы и лидирующего класса в деклассированный элемент, в люмпенов, наемных работников (а чаще всего – рабов) на российских и иных строительных площадках и сельскохозяйственных плантациях, в качестве поденных рабочих и нянек-сиделок в дальнем зарубежье. «Советский человек» – звучало достаточно весомо – был в одночасье «поставлен на место», низведен до уровня третьеразрядных африканских племен. Конечно, в каждой республике процесс проходил по-разному и в различном объеме. Наиболее болезненно и трагически, с расколом общества на противоборствующие стороны и с сохранением и поныне у значительной части людей, включая интеллигенцию, веры в идеалы социализма – в Таджикистане. Трудящиеся никак не предполагали такого поворота. Но когда очухались, было поздно. Пролетарии не «соединились», и основная масса трудового народа так ничего и не поняла: что теряют, кто пришел, что приобретают и что будет?

А тут еще вовремя подключили масскультуру. Памятник бы поставить тому, кто это предложил, вполне заслуживает. Один за другим пошли американские и латиноамериканские сериалы, и страна уставилась в «ящики». И такое увидела и открыла для себя, о чем не знала аж с 1917 г. Оказалось, что и богатые тоже плачут, страдают и даже внезапно умирают. И среди них много честных и благородных людей, готовых поделиться из своих трудовых накоплений. И что и для них деньги не с неба падают, а зарабатывают они их тяжелым трудом, размышляя много и упорно, что бы еще такое сотворить. И это по-своему утешало. Сердобольный и наивный среднеазиатский народ в массе своей поверил и стал сопереживать (предвкушая появление собственных благородных богатых). Не раз случайно приходилось быть свидетелем сценки вроде такой: пожилые узбечки (впрочем, национальность тут не имеет значения, можно заменить на любую другую среднеазиатскую), столкнувшись на базаре, горячо обсуждают очередную просмот-

ренную серию. Одна говорит: «Вчера смотрела? Какой негодяй этот Хулио, а!» Другая возражает: «Эээ, твой Рамирес лучше, что ли? И он хорош, мерзавец, настоящая скотина!» Пока они так препирались, полным ходом шел обвал, хапок и передел. «Интеллигентные люди» не спали ночами, сутками, исхудали и временно поизносились, прокручивая огромные капиталы – месяцами не выплачивавшиеся целым заводам зарплаты, социальные пособия и пр., перемещая (нередко на собственном горбу) денежные средства из одного региона в другой, из центра в регионы и обратно, из страны за рубеж... Сам шайтан позавидовал бы такой энергии. Теперь-то, конечно, все они поуспокоились чуток – в галстуках и белых сорочках, при охране и иномарках – дело сделано. Так, незаметно для трудящихся масс, изменялся социальный строй, и общенародное государство трудящихся превращалось в новое классовое государство с очень богатыми и очень бедными. А средний класс, говорят, – в процессе формирования.

Между тем поезд уходил все дальше и дальше, оставляя по обе стороны колеи отцепленные и разбросанные вагоны (у Чингиза Айтматова, если помните, как бы наоборот: движение шло в двух направлениях – «поезда шли с востока на запад и с запада на восток...»). Тут и народу, надо признать, предоставили долгожданную экономическую и вообще «свободу», объявили или дали понять (в каждой стране на свой национальный манер): «Свободен! Делай, что хочешь! Но только смотри, не залезай на мое джайлоу (высокогорная летовка-пастбище)!» И народ, т.е. его активная предприимчивая часть, похоже, даже обрадовался – свобода! И пошел куролесить по необъятным просторам бывшей страны Советов и прилегающим территориям «с востока на запад и с запада на восток» – кто с матерком, а кто и с «топорком», но все с большущими баулами и сумами. Спасибо китайцам, скромному народу-труженику – и за что их ругают, непонятно, – что так оперативно и без лишней пропагандистской шумихи обеспечили гигантскую страну баулами и дешевыми товарами. Теперь-то, конечно, и это почти что позади. Уже не дадут так просто проехаться и порезвиться – все поделено и урегулировано централизованно, а собственность, как известно, «неприкосновенна и охраняема законом».

Были, конечно, и в нашем регионе отдельные представители народов – журналисты, ученые-востоковеды, этнографы, общественные деятели, – которые пытались по-своему не забраться, конечно, а разобраться с «чужим джайлоу»: мол, где справедли-

вость? Почему не по справедливости?». Но им почему-то фатально не везло: один утонул – зачем-то полез зимой в озеро, не умея плавать; другой случайно застрелился на охоте, направив дуло не в ту сторону; кто-то сгорел в машине, прикуривая от зажигалки, или зачем-то выпрыгнул из окна гостиницы, перепутав этажность; или уж совсем нелепое – изнасиловал невинную девушку, и так далее и т.п., в каждой стране по-своему...

Нельзя не вспомнить и про Россию, небезразлична нам эта страна, и все, даже те, кто ругает ее, посматривают в ее сторону практически каждый день через экран телевизора или монитор компьютера, вдохновляясь и осваивая ее «уникальный опыт» построения «нового демократического общества». Да и просто так, в духе традиционно любимой всеми среднеазиатскими народами, особенно горожанами, формы развлечения с приятным зрелищем – тамаша. На какие только лишения и приключения не шел раньше среднеазиатский человек ради тамаша. А тут тебе бесплатно – смотри и смотри. (Спрашивают иногда некоторых после каких-либо происшествий или экстремальных ситуаций: «Ты зачем туда пошла-то, там же стреляли, могли ведь и убить нечаянно?» – «Ну, как зачем? Из-за тамашы пошла, ни о чем не думала больше».) А там-то уж, на российских просторах, так разгулялась душа «экономически свободного человека», что не только азиатский, но и весь остальной мир вот уже 20 лет содрогается. «Двадцать лет, которые потрясли мир».

Была и организованная оппозиционно-протестная часть народа, которая выступала с программными заявлениями, тиражировала документы и буйствовала на улицах и площадях столичных городов под руководством писателей, поэтов и поэтесс, историков, творческой интеллигенции – застрельщиков перемен. Помню, как предупреждали по субботам из школы в прилегающем к площади Ленина районе Ташкента – «сегодня детей в школу не приводите, будет демонстрация». К этой «группе товарищей-господ» периодически наезжали из центра эмиссары с советами – «гнать в шею коммуняков и брать власть в свои руки». Но и она, эта вздыбившаяся часть в 100–200 тыс. человек (вместе с массовой), тоже не предполагала такого поворота событий – развала страны, наступления хаоса и смены политической и социально-экономической системы. Хотели демократических перемен, большей политической независимости от центра, родного языка, возвращения к национальным формам и традициям жизни (что обещал еще в 1917 г. В.И. Ленин трудящимся мусульманам России и Востока: «Устраи-

вайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно»), избавления от разных монополий – партийной номенклатуры, монокультуры хлопка, зерна, свеклы, от идеологического и экономического диктата центра, от засилья русского истеблишмента в руководстве страной, хотели усиления национального присутствия, экономических реформ, свободного выезда за рубеж, «социальной справедливости», введения латиницы или арабицы (у кого как, лишь бы подальше от кириллицы) и т.д. и т.п.

И эта часть, во многом сформулировав ход изменений и даже реально повлияв на принятие последующих реформ в каждой из республик, оказалась вскоре одной из самых обделенных и забытых, отнюдь не у руля, и даже не у дел. (К примеру, Туркменбаши, придя к власти, первым делом закрыл Союз писателей как логово «инакомыслия» и оппозиционной национальной вольницы, а вот Союз художников сохранил – кто же будет мастерить бюсты будущего отца нации?) Конечно, главное, что получила эта группа, так же, как простой народ – и это немало, – свободу. Езжай куда хочешь, и лучше поскорей, и твори где хочешь, но только не влезай куда не следует (имеется, конечно, в виду то же самое «джайлоу»). И значительная часть кадрового состава гуманитарной и технической интеллигенции в каждой из стран устремилась в разные стороны – кто на Запад, кто в Россию, а кто в другие сферы деятельности по месту проживания. Советская наука как целостное историческое явление развалилась. Отвлекаясь, скажем, что культура и наука, пожалуй, единственные области, которые повсеместно на территории бывшего СССР оказались не встроеными в так называемые «рыночные отношения» и стали предметом рыночной вакханалии и даровой эксплуатации как со стороны государственных структур, так и со стороны «инициативных товарищей».

Пожалуй, полностью, стопроцентно происшедшее внутри наших стран совпало с желаниями и устремлениями лишь одной группы – и это группа поистине очень дальновидных и умных людей. Очень маленькая элитная группа, большей частью объединенная в «партию» (хотя не у всех и партийные билеты были), которая к тому времени (к началу 1990-х) уже не знала, что делать с образовавшимися накоплениями. Сколько можно хранить наличку, слитки из драгметаллов и монеты царской чеканки в трехлитровых бидонах, матрацах, под деревьями в саду?! И когда уже наконец можно будет пустить все это в дело? Вопрос из разряда «быть или не быть». Без всякого раскаяния и сожаления, даже и с

гордостью рассказывал мне бывший председатель одного средне-азиатского совхоза, как в свое время по итогам года заносили 10 тыс. руб. первому секретарю райкома (эта должность уже давно была покупной). И при том и план выполняли, и себе оставалось, и работникам, чтобы реализовали излишки продукции на базарах по рыночным ценам. «А зачем?» – спросил его. «Как зачем? Странный вопрос задаешь, неужели не понимаешь? Ведь это секретарь помогал с фондовыми материалами, ГСМ и всем другим нужным в хозяйстве, чтобы без всякого там дефицита и прямым». – «И все заносили?» – «Да, наверное, почти все». – «А сколько же было у вас в районе колхозов-совхозов?» – «Да десять-двенадцать, пожалуй, было». – «И как давно стали заносить?» – «До 85-го изредка, в виде подарков, а уже после 85-го пошло регулярно, каждый год».

Нетрудно представить, сколько от доперестроечных времен, а потом через интенсивную перестройку и к моменту распада СССР собралось накоплений у этой группы людей. Но что они могли с этим поделать? Ждать, когда придут, заберут и посадят? Или когда объявят амнистию капиталам? И потому никто даже не пикнул, когда стали валить страну, не поднялся, не застрелился из идейных соображений в своем кабинете. Теперь почти все они или их дети – при деле, контролируют и распределяют элитные рабочие места, ресурсы, стратегические материалы через разные фирмы, компании, общества, банки, имеют недвижимость, валютные счета в разных западных странах. И самое интересное и уникальное: многие из них ныне с удовольствием сообщают в устных признаниях и письменных воспоминаниях, что никогда не верили в социализм и тайно ждали его краха. Для них жизнь вошла в новое, неведомое ранее, но теперь уже привычное русло. «Жизнь для них – красotka», – как сказал один арабский поэт-певец из городских низов. И понимаешь, как смехотворно ничтожны и самонадеянны были советские интеллигентские рассуждения о гуманизме и прогрессивных переменах, о пробуждении доброго в человеке, понимаешь, кто реально хозяин в этой жизни, какие силы на деле выходят на авансцену истории, когда рушится власть. Теперь уже оставалось только смириться. Даже в России и в Украине, где неосизмеримо мощнее и раскованней интеллектуальный потенциал, и то ничего не могут поделать. Как будто гигантской волной всех несет в одном направлении. Все всё знают до мельчайших подробностей, все вам разъяснят без изъяснов и утайки, а поделать ничего не могут. Наоборот, думают, как закрепить то, что уже есть, уго-

монить «алармистов» (это тех, кто бьет тревогу), не допустить скачивания страны к новому хаосу. Даже некоторые крупные российские ученые говорят и пишут: надо наконец понять и признать, что ресурсы должны принадлежать элите (то бишь олигархам), и научить элиту распоряжаться ресурсами по закону (то бишь отдавать какую-то, ну хоть бы небольшую часть прибыли обществу).

Одно время многим казалось, что это временщики. Кругом стали говорить и писать: временщики, временщики... Вот уйдут они, мол, или вымрут, и тогда все будет хорошо. Стал искать в литературе, кто же такие эти временщики, и нашел у одного китайского поэта еще аж периода династии Сун: «С былых времен временщики несут // Отчизне только нищету и горе». Но оказалось, что ошибка вышла, еще одна опасная интеллигентская иллюзия. Никакие они не временщики, они надолго, если не навсегда. Теперь надежды остались по другому поводу: на то, что они все же договорятся между собой и внутри стран, и в большом постсоветском пространстве, и в регионе, что не вцепятся друг в друга (обнимаясь и произнося речи о вечной дружбе при встречах) и не вовлекут в это дело народы, а будут постепенно, не сами, конечно, а их дети и внуки, облагораживаться в гарвардах, коламбиях, кембриджах, а потом (если, конечно, вернутся оттуда обратно) начнут естественными методами, на примере собственной жизни насаждать демократию и у нас, выстраивать соответствующие отношения внутри региона.

Но что такое демократия у нас, если не узаконенная гарантия мирного сосуществования разных интересов, разных типов людей – жиганов-разбойников и мирных граждан-нестяжателей? Среди последних вполне может быть и бизнесмен-предприниматель, создающий материальные ценности собственным трудом, а среди первых – бывший пролетарий. Давно еще говорили об этом в народе: чтобы «и волки сыты, и овцы целы». Это большевики и Советы все перепутали, хотели волчий норочек человеческий укротить раз и навсегда, сделать ему (выражаясь по-нашему, среднеазиатскому) как следует обрезание. Но не тут-то было, живуч оказался норочек, и «теперь живет всех живых». Наступили времена борьбы за баланс интересов через механизмы демократии, т.е. признания и за волками законного права на свой промысел (впрочем, первая часть пожелания вполне сбылась – «волки сыты»). И такая битва у нас только разворачивается, а во многих других странах мира она уже давно идет, в той же Европе, глобально. Оттуда и идет эта глобальная идея, чтобы сначала насадить везде де-

мократию по одному раскладу и шаблону, а потом через нее решать проблемы «овец и волков», или иначе «работников и работодателей». Но у нас здесь шансов меньше. Порода волков совсем другая, не облагороженная вековыми традициями капиталистической культуры, отношений «труда и капитала». Так что надежда слаба и иллюзорна, и это показали сначала катастрофические события гражданской войны в Таджикистане, а теперь и недавние, уже вторично, кровавые события на юге Киргизстана.

Да и человек – и самый что ни на есть простой, и на всех других социальных уровнях, сверху донизу – стал по-настоящему раскрываться. Огромный, мохнатый, похожий изнутри на своего далекого предка (а внешне может предстать чистым красавчиком), образно говоря, сокрушающий дубиной из-за куска добычи (или успеха в жизни) своего соплеменника любого возраста и пола, будь то дитя малое или бабушка – божий одуванчик. И не только на просторах России, но и на всей территории бывшего СССР, в том числе и в Центральной Азии, только что в разных пропорциях к общему числу населения. Но и народ, во всяком случае, его большая часть, тоже уже не тот, не советский, изменился во многом, «перевоспитался», переквалифицировался, рассосался по своим частнособственническим интересам и национальным идеям.

Как ни крути, как ни верти, а это, возможно, и есть один из главных итогов двадцатилетия в нашем регионе – истребление / исчезновение «советского человека», «советского трудящегося» и активной его части – пролетариата. Они ушли вместе с порушенными заводами и фабриками, вместе с исчезнувшей промышленной инфраструктурой социализма, вместе с идеями братства народов, единения трудящихся, пролетарского интернационализма, интернациональной взаимопомощи и т.п. Как только не поизгалялись за эти годы над этими понятиями и в научных исследованиях, и в популярных телешоу, сведя их на нет как ложные и фальшивые. Но что взамен-то, если грянут возможные столкновения и потрясения? (А никто гарантий не дает, наоборот – пророчат и пророчат, да и грянули уже местами.) В идейном плане – ничего, никакой объединяющей идеи, только голые национальные интересы у каждого государства и их жесткое противостояние, идея этнонационального превосходства, изолированных «великих историй» и национального эгоизма. А реально «в случае чего» – спецназ и «силы быстрого реагирования» извне. И то, если захотят – Россия ли, ШОС ли, НАТО, США. А если захотят, то ведь надо еще и успеть. На юге Киргизстана не захотели или не успели, Бог

его знает почему. Может, потому, что нечего там было охранять. Ну, нет на юге Киргизстана большой нефти, что поделаешь, стоит посреди города Ош одна только Сулейман-гора со следом ступни святого Сулеймана. Никак не вывезешь.

Итак, идет зарождение и рост «нового демократичного человека», «современника нашей динамичной эпохи». Он же одновременно и «национальный человек» с новым «национальным сознанием и мышлением». Хотя «советский человек» и ушел из Центральной Азии, но «советское» в новом нарождающемся человеке не исчезло (три-четыре поколения – не шуточки) и, похоже, оно уже абсолютно неистребимо, что бы ни говорили некоторые ученые или политики. Это теперь один из неотъемлемых компонентов национальной психологии каждой из новообразованных наций. Компонент этот многосложный, он соединился с другими чертами и привычками, в нем есть многое и всякое. Образовался сложнейший синтез старого и нового, и он в своем спектре дает интереснейшие результаты для научного и художественного осмысления. Особенно в нашем Центрально-Азиатском регионе, в пространстве многих культурных влияний и традиционного распространения ислама. Но пока, как можно судить, особого интереса у писателей, публицистов, драматургов к этой теме нет. Многие теперь погрузились в идеализацию нового, основанного на давно забытом старом. И двинулись в обратном направлении, но точно так же, как и раньше: почему-то скачком (если помните, «от феодализма в социализм, минуя капитализм», а теперь – от нынешнего недоношенного капитализма, минуя стадию прошедшего социализма с его разнообразным опытом, и сразу в «расцвет феодализма»). Попробуй теперь разберись, кто он, этот новый среднеазиатский национальный человек. Можно, конечно, попробовать, если соединить недавнее советское и далекое историческое прошлое, причем из разных эпох, с новейшей национальной действительностью. Но, принимая во внимание хрестоматийное ленинское – «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь».

Советизация как культурный фундамент независимости

Советизация для Средней Азии была, как известно, прежде всего модернизацией. Модернизация охватила не только собственно экономическую сферу, но и все другие стороны жизни. Пять главных китов модернизации, проведенной большевиками решительными и ускоренными темпами, составляли (на первом этапе) – земельно-водная реформа, раскрепощение женщины-мусульманки, создание новой советской системы образования и индустриализация и коллективизация (на втором этапе). «Насилие – повивальная бабка истории», – заметил Маркс. Мысль жестокая и трагичная, но что поделаешь, попробуйте-ка опровергнуть. Будь то создание империи Чингисхана, или централизованного государства Амира Темура, или даже образование Соединенных Штатов Америки, нынешнего защитника универсальных демократических принципов во всем мире, или совсем недавние события новейшей истории – раздел Югославии и других стран. Так же и советская социалистическая революция в Туркестане и Средней Азии. Однако в отличие от всех остальных исторических примеров революция в Туркестане – несмотря на все ее перегибы и перекосы, грубые ошибки и тяжкие испытания, голод и холод, гражданскую войну – была все же принята широкими слоями простого народа. Что бы теперь ни писали и ни говорили. В этом ее кардинальное отличие от всех остальных случаев исторического насилия.

Простой народ поддержал советскую власть, которая открывала ему реальную возможность построить свою жизнь собственными руками, давала право на многие духовные и материальные блага. Это была власть народа и власть для народа, и народ понял это. Великая идея овладела массами. На тысячах документальных фотографий центрально-азиатского происхождения 20-х, 30-х, 40-х годов прошлого века мы видим лица воодушевленных и одухотворенных людей, неподдельный энтузиазм и оптимизм, с которым поднялся народ на строительство новой жизни. Тысячи и тысячи людей от сохи, с самых низов были подняты к высотам общественной жизни. Трудно найти аналог этому процессу в истории человечества. Была ли в регионе альтернатива большевистскому, советскому пути развития? Разумеется, была, и она теперь в центре внимания новых национальных историографий (некоторое исключение, кажется, наблюдается в Таджикистане, где изучается также и опыт социалистического строительства). Буржуазно-

национальная торгово-промышленная элита и джадидская интеллигенция вкупе с российскими деятелями и западным капиталом готовы были предложить иной путь – национального буржуазно-демократического капиталистического развития, который можно связать с упомянутым «принципом» (конечно, в случае благоприятного расклада) – «и волки сыты, и овцы целы». Впрочем, здесь нужно скорректировать с учетом ситуации: «и волки сыты, и овцы частично целы».

Возможные итоги такого развития можно представить по таким странам, как Афганистан, Пакистан, Бангладеш и др. Совсем не плохие страны, и тоже с богатейшим культурным наследием, включая собственный, античный пласт, входившие в великие цивилизации древности. Только все там иначе. Огромная масса глубоко самобытного населения, сохранившего в неизменности и целостности свои богатые древние традиции (по которым у нас сейчас тоскуют некоторые ученые-историки из старой номенклатурной когорты и новое поколение экстерном обученных на Западе продолжателей «советологии»), и охраняемая автоматчиками в своих виллах высокообразованная (выученная в кембриджах и коламбиях) буржуазная элита. Конечно, немного утрирую, но в принципе так оно и есть. Рассчитывать на то, что, приди у нас в Туркестане к власти буржуазная элита или басмаческое (или, как теперь говорят, повстанческое) движение, и здесь прошел бы европейский или хотя бы турецкий вариант развития, не приходится, просто смешно. Стали бы они вам строить жилые массивы на сотни тысяч населения с бесплатным жильем и комплексной инфраструктурой! Об остальном и не говорим. Уже и теперь видно по просторам Центральной Азии – «Война хижинам, мир дворцам!»

Но парадокс состоит в том, что эту роль – роль переходного периода к полной независимости сыграла, не предполагая того, советская власть. Именно советизация «повинна» в становлении национального сознания, национального духа, в создании мощного экономического и культурного фундамента, ставших в итоге основанием для перехода к нынешнему независимому национальному строительству. Альтернативная же идейная основа – внушительная просветительская (джадидская) гуманитарная база – в советское время практически была выведена из общественного оборота и никак не могла воздействовать на формирование национального самосознания. Конечно, она была известна специалистам-историкам, востоковедам. Но и она, как оказалось, по ряду своих идей и постулатов не противоречила концепции культурно-

го строительства советской власти, хотя и базировалась на иных идейных основаниях.

Культурным основанием модернизации, ее неотъемлемым компонентом стал повсеместно светский путь развития. Исключительно светская направленность советского культурного строительства базировалась на философии материализма. А одним из его ключевых принципов являлся атеизм. Материалистический дух в своем первоначальном виде был диаметрально противоположен местному тотальному мистическому и фаталистическому мироощущению. Эти два мировоззрения столкнулись в бескомпромиссной борьбе. Для многих мыслящих людей, как из среды национальной интеллигенции, так и русских деятелей, было очевидно, что привносимый материализм с европейской базой источников не сможет утвердиться в сознании местных народов. А если и утвердится, то формально, поверхностно и ненадолго. (В итоге он, конечно, породил исключительно интересные двойственные формы.) Так как вся его источниковая база, даже в самых лучших европейских мыслительных конструкциях, не имеет корней в исламской культуре. А если и имеет, то только в сложных и высоких интеллектуальных сравнениях, далеких от реальной умственной жизни основной массы мусульман.

Мусульмане имели совсем иную идейную базу в виде многовекового исламского письменного наследия и гигантской, можно сказать, тотальной устной народной традиции с местными доисламскими напластованиями. Конечно, мы не имеем в виду отдельных просветителей-джадидов, безусловно, ярких и талантливейших личностей, ратовавших за освоение европейской и русской культуры, которые представляли все же исключительное явление. К тому же многие из них строили свои концепции на базе обновленной исламской догматики.

Но еще до большевиков, во второй половине XIX в., была высказана русскими интеллигентами – участниками процесса завоевания и освоения Средней Азии – и получила определенное хождение некая «теория» о богатом духовном прошлом древней Средней Азии, растерянном в последние века междоусобиц и иноземных нашествий. Средняя Азия считалась многими колыбелью мировой цивилизации, а некоторыми возбужденными умами – даже землей с библейским патриархальным прошлым. Если и не ставилась задача, то высказывалась мысль о необходимости вернуть народам Средней Азии их великое духовное прошлое. Возможно, для кого-то эта мысль служила даже оправданием происходящего

колониального завоевания. Мол, идем восстанавливать древнюю цивилизацию.

Когда же наступила революция, оказалось, что у этой идеи кроме прямых социальных задач есть и некая метаидея, или метазадача – Россия и азиатский мусульманский Восток как единое духовное целое противостоят механистическому Западу. Это единение понималось как попытка остановить превращение западной бездуховной техногенной и эксплуататорской цивилизации в лидера мирового исторического процесса и претендента на мировое господство. Ярko и образно отобразилась эта метаидея в художественных творениях предреволюционного и революционного времени. В те же революционные годы в российской научной гуманитарной среде опять зазвучали высказывания об Азии как «прародине и учительнице человечества». А в среде самих революционеров она получила хотя и жесткое, но близкое к художественному, почти мистическое образное оформление. Примечательны известные слова Сталина в его статье 1918 г. «С Востока свет»: «С Востока свет! Запад с его империалистическими людоедами превратился в очаг тьмы и рабства. Задача состоит в том, чтобы разбить этот очаг на радость и утешение трудящихся всех стран». Не случайно много позже, в годы начавшейся смертельной борьбы советского народа с фашизмом и его расистской идеологией, зазвучали призывы советских ученых-среднеазиатоведов вспомнить, кем были мы (узбеки, таджики, казахи и другие среднеазиаты) и кем они (германские фашисты) в далеком прошлом. Крупнейший советский историк и археолог, выдающийся организатор науки и исследователь цивилизации Древнего Хорезма С.П. Толстов писал в своей брошюре «Древняя культура Узбекистана», опубликованной на русском и узбекском языках в Ташкенте в самый разгар войны (в 1943 г.): «Мы пытаемся показать здесь, как развивалась высокая и богатая цивилизация древнего Узбекистана, как влияла она на развитие соседних и далеких народов, какие культурные ценности, созданные в древнем Узбекистане, вошли в сокровищницу мировой цивилизации тогда, когда грубые и дикие предки современных фашистов еще влачили жалкое существование в мрачных лесах и болотах тогдашней Германии, постепенно перенимая у “низших рас” зачатки культуры».

Сразу же после революции Советы, столкнувшись с богатейшим духовным наследием народов Средней Азии, приступили к формированию концепции освоения лучшего (прогрессивного) в национальном наследии прошлого. Прогрессивное понималось не

только как атеистическое и соответствующее классовым интересам пролетариата и трудящихся. Классовый подход никак не мог охватить всю совокупность гигантского наследия. Такие крайности были в годы революции, случались они и позже, но не они определяли магистральное направление развития исследовательской гуманитарной мысли в регионе. Под прогрессивным понимался прежде всего созданный в рамках исламской цивилизации огромный гуманистический пласт культуры. А это – десятки выдающихся мусульманских ученых, философов, поэтов, писателей. Советская наука выдвинула концепцию освоения лучшего и самого значимого в национальном наследии прошлого. И не только выдвинула, но и успела за 70 лет проделать огромную работу по ее реальному воплощению в жизнь в каждой из центрально-азиатских республик. Работу, сравнимую с работой европейских центров востоковедения, начавших систематическую публикацию памятников еще с XVIII в. Но что принципиально отлично здесь от политики Советов – Европа занималась этим только для внутренних нужд, для читателей европейских стран, своих специалистов, а отнюдь не для жителей колоний, тем более не издавала эти памятники по скромной цене, доступной простому народу. Вряд ли можно сомневаться в том, что выполнение такой задачи для национальных культур народов Центральной Азии едва ли взяло бы на себя и правительство Российской империи, при всем известном выдающемся вкладе российского дореволюционного востоковедения в изучение Востока.

Возьмем только этот вид культурного (письменного) наследия (о других нет возможности здесь говорить), так как он порождает различные точки зрения и споры. В регионе немало историков, а особенно любителей истории из числа журналистов, поэтов, писателей, которые в последние два десятилетия среди обвинений в адрес советской власти выдвигают и то, что она лишила коренные народы их духовного наследия, их традиций, культурных ценностей, включая и духовное суфийское мироощущение, суфийскую философию жизни. Вопрос вообще запутанный. В Узбекистане, например, и раньше существовали две противоположные оценки состояния этого явления. Помнится, предпоследний первый секретарь компартии Узбекистана как-то с досады сказал, что в этой стране ученые только и занимаются что востоковедением. Не прошло и двух-трех лет, как было заявлено совершенно противоположное: что наше востоковедение вообще ничего не сделало и не исследовало и что только теперь мы должны приступить к это-

му делу как следует. А один поэт даже заявил, что, мол, 80 тыс. манускриптов, хранящихся в Институте востоковедения, не вернули народу, никто ими не занимается, и лежат они мертвым грузом. И действительно, по правде говоря, что только не лежит у нас, да и по всему миру мертвым грузом.

В программе возрождения духовного и культурного наследия народов Центральной Азии в советское время изначально было очень правильно определено приоритетное направление работы. Не было мелкотемья и дробности, а взят был ориентир на самые крупные и выдающиеся фигуры прошлого, можно сказать, титанов мысли, общепризнанно вошедших в историю мировой культуры. К примеру, в Узбекистане это – Алишер Навои, Захир ад-Дин Бабур, Абу Райхан Бируни, Ибн Сина (Авиценна), Фараби и многие другие. Возьмем Алишера Навои, ставшего олицетворением узбекской национальной культуры, ее фундаментом, неисчерпаемым источником для развития и вдохновения. Алишер Навои – это все равно что Пушкин для русской культуры. Тексты Навои и исследования о нем стали появляться еще в 30-е годы, если не раньше. Издания, выполненные на высоком текстологическом уровне, в оригинале и в переводах на русский язык, сделанные лучшими переводчиками того времени, выходили в свет огромными даже по тем временам тиражами, не сопоставимыми с нынешними. Такой масштаб исследований и публикаций мог быть осуществлен только благодаря огромным вложениям государства и работе многих первоклассных ученых. Так, каждый том 14-томного издания сочинений Навои на узбекском языке в кириллице, осуществленного в 1960-е годы, выходил тиражом по 10 тыс. экземпляров. Начатое параллельно в те же годы 10-томное издание на русском языке выходило в Ташкенте тиражом по 50 тыс. экземпляров каждый том (учитывалось распространение и за пределами республики в русскоязычной среде). И попробуйте теперь их найти, несмотря на такие тиражи. Отдельные красочно оформленные издания сочинений Навои выходили тиражами 10–15 тыс. экземпляров. Основные его сочинения издавались также в виде текстов в арабской графике или в факсимильном воспроизведении рукописей (от 1 до 3 тыс. экземпляров). Нужно особо отметить, что все издания 1930–1960-х годов отличало отменное качество, они имели оригинальное художественное оформление с тонко выраженной восточной стилистикой. (В качестве противоположного примера, к большому сожалению, можно назвать завершенное в 2003 г. 20-томное полное собрание сочинений Алишера Навои в

оригинале. Оно вышло на газетной бумаге, в соответствующем по качеству переплете разных цветов, с аляповатым дизайном; тираж каждого тома – 1 тыс. экземпляров.) Даже в годы Великой Отечественной войны издание сочинений Навои осуществлялось на высоком по тем временам уровне книжного дизайна и большими тиражами. В предисловии к одному из них (Ташкент, 1943 г.) сказано: «В грозные дни Великой Отечественной войны выпускает наше издательство прекрасное произведение великого узбекского поэта и мыслителя Алишера Навои – поэму “Лейли и Меджнун”. В эти дни, когда фашистские варвары несут человечеству убийство и мрак, возврат к звериным обычаям первобытного человека, смерть всех достижений человеческой культуры и искусства, в эти дни Советский Союз наравне с другими свободолюбивыми странами отстаивает не только свою честь и свободу, но и свою культуру. Издание поэмы “Лейли и Меджнун”, проникнутой высокими принципами любви и братства, сейчас особенно своевременно».

Нельзя не сказать здесь и об академических историко-востоковедческих публикациях. Возьмем, например, такое уникальное издание (осуществлявшееся на протяжении почти 20 лет, с конца 50-х годов), как семь огромных томов (от 300 до более тысячи страниц каждый) академического издания трудов гениального Абу Райхана Бируни на русском и узбекском языках с тщательным фундаментальным исследованием и научными комментариями текстов. Об одном из его трудов еще в конце XIX в. сказал известный российский востоковед В.Р. Розен, основоположник новой школы российского востоковедения: «Это – памятник единственный в своем роде и равного ему нет во всей древней и средневековой научной литературе Запада и Востока». Или фундаментальное пятитомное издание «Канона врачебной науки» Абу Али ибн Сины на русском и узбекском языках в Ташкенте. Или многотомное издание трудов аль-Фараби в Казахстане. Или многотомное (более 20 томов) издание эпоса и фольклора каракалпаков в Нукусе. Или издания собраний сочинений Фирдоуси, Джами, Хафиза и многих других поэтов и писателей Востока в Таджикистане (на таджикском на основе кириллицы и в арабской графике). Этот ряд можно продолжать и продолжать. А ведь мы не назвали того, что в ту же советскую эпоху было сделано для культуры Центральной Азии русскими, российскими учеными за пределами региона, в центре – в Москве и Ленинграде. Всего просто невозможно перечислить, иначе статья превратится в огромный библиографический обзор. Десятки выдающихся ученых приступили к

кропотливой и многолетней работе по обоснованию самобытности (отнюдь не слепка с арабской, персидской, турецкой и других) среднеазиатской цивилизации и культуры, ее древних истоков, ее собственной античности. В итоге было сделано великое дело – среднеазиатская цивилизация вошла в мировое культурное пространство как общепризнанное культурно-историческое явление.

И когда теперь иной раз сталкиваешься с принижением этой гигантской работы наших предшественников (как якобы идеологизированной, политизированной и даже сделанной с определенным умыслом – закабалить национальные культуры), то понимаешь, сколь ничтожны жалкие потуги людей, которые сами не могут предложить ничего даже близкого по масштабу тому, что было сделано в области гуманитарной культуры в советский период. Не обобщая эти факты как явление, мы все же должны констатировать, что, к сожалению, в ряду хулителей встречаются нередко и ученые дальнего зарубежья, продолжатели «советологии» времен «холодной войны». Впитав, что называется, с молоком матери антисоветизм как исходный методологический принцип исследования, они пренебрегают изучением накоплений советской науки, принижают ее значение, сознательно игнорируют это наследие и в итоге... «изобретают велосипед». Думая, что открывают что-то новое, на самом деле они повторяют давно уже сказанное, открытое и сделанное на куда как более высоком уровне и в широком видении.

Совершенно очевидно, что советская наука открыла коренным народам Центральной Азии их великое прошлое, вернула в их современную жизнь забытые, утраченные были огромные культурные накопления прошлого. И не просто накопления, а именно накопления высокого гуманистического содержания. Именно на этой гуманитарной основе, обновленной в соответствии с тенденциями нового секуляризованного времени, шло формирование национальной гордости народов Центральной Азии в советский период в рамках политической концепции «советского человека». Не убоилась советская наука заниматься даже (теперь-то понятно, что на свою голову) проблемами этногенеза различных среднеазиатских (равно и других) народов, невольно подготавливая почву для будущих новых «великих историй». Это гигантское наследие никуда не делось после крушения СССР и советского человека, а мягко, как само собой разумеющийся факт, как собственность перешло в чисто национальный компонент периода независимости. Осталось только его несколько подновить и слегка подправить,

попутно отбросив за ненадобностью «бывших собственников» – советских «идеологизаторов-колонизаторов». И когда ныне люди всеу или с гордостью за свою национальную исключительность произносят имена Фараби, Ибн Сины, Бируни, Фирдоуси, Улугбека и многих других (а это приходится слышать на просторах Центральной Азии в противопоставительном ракурсе: «...да наш великий Фараби еще тысячу лет назад...», «...да когда наш Улугбек звезды считал, вы и ваш народ еще...»), они не предполагают, какая титаническая работа была проделана для того, чтобы эти имена вошли в общественный обиход как некая данность и повседневная реальность. Теперь, увы, большей частью профанированная и кастрированная.

В XX в., и особенно в его второй половине, много говорилось о материализме европейской (или евро-американской) цивилизации как главном факторе кризиса современного западного мира. Факторе, навязанном и навязываемом остальному миру. В основе западного материализма лежит идея исключительно материальной заинтересованности, обязательной материальной рентабельности и в крайнем выражении – у воротил мирового капитала, транснациональных корпораций – в безудержной наживе и чистогане (не принимающих в расчет ни экологические, ни человеческие, ни морально-этические и прочие «отходы производства»). Принцип материальной рентабельности давно уже внедрился и распространился на всю культуру и художественное творчество. Культура должна приносить прибыль – это едва ли не самый общий принцип, который, к большому сожалению, начал осваиваться и нашими чиновниками от культуры. А это означает, что она почти сплошь коммерциализировалась. Никто не будет просто так, без предварительно продуманного и согласованного плана реализации заниматься творчеством и тиражировать продукты своего творчества. С какой стати?

Советская цензура была неоднородной, в культуре выявлялись два ее основных вида – идеологическая и художественная. О художественной цензуре почему-то помалкивают, только и говорят об идеологическом диктате (который, конечно же, был, то усиливаясь, а то ослабевая). Но благодаря художественной цензуре, художественному контролю со стороны самих носителей культуры общий художественный уровень был неизмеримо более высок по сравнению с нынешней профанацией и имитацией, засильем во всем и везде дешевой и пошлой массовой продукции, доступ которой к широкой трансляции через телевидение просто-

напросто покупается «денежными мешками». Теперь-то понятно, что советский материализм как принцип в культуре был по своей сути и не материализмом даже, а наивным идеализмом, потому-то и был обречен. Куда уж тут противостоять второму главному инстинкту человека, тем более еще и финансово, и всячески поддерживаемому великими государствами современного мира...

Но мы не намерены и упрощать ситуацию. Сказанное вовсе не означает, что в западном обществе отсутствуют гуманистические идеалы в культуре и гуманизм как таковой. Еще как присутствуют, и в особенности на личностном, человеческом уровне. Носители гуманистических идей «гнездятся» во многих университетах Европы и США. Там, в этих рассадниках инакомыслия, еще витает дух подлинной интеллектуальной свободы, некогда составлявшей самое суть европейской цивилизации. Люди продолжают осмысливать трагический ход крушения гуманизма современной цивилизации и искать выход из этого кризиса, сочувствуют левым идеям и положению человека труда. Там мы сталкиваемся с примерами человеческого соучастия и содружества, с готовностью бескорыстно помочь тем, кто нуждается в помощи. Есть чему поучиться у них и нам, «неофитам» из Центральной Азии, оказавшимся на обочине дикого капитализма, смешанного с феодализмом, остатками социализма и традиций древневосточных деспотий.

«Величие национальных идей»: Крушение единого региона или альтернатива распаду?

Строительство новых государств началось на бурно и спешно возрождаемом национальном прошлом. К этому подталкивал социальный, экономический и политический хаос, охвативший Россию в период правления Б.Н. Ельцина, катастрофические человеческие потрясения внутри стран. Что только не возродили за прошедшие 20 лет, попутно порушив многое из того, что было создано и в культурной, и в материальной сферах. Для лучшего понимания происшедшего вполне уместна прямая аналогия с Октябрьской революцией 1917 г. За исключением, конечно, человеческих жертв. Но если иметь в виду многочисленные трагически сломанные судьбы людей, безвременные кончины, разгул в 90-е годы вооруженной организованной преступности, распад семей и сообществ, насильственное рабство, перемещение сотен тысяч и даже миллионов людей в разные стороны, то, может быть,

недалеко и от исторической революции. И прежде всего разрушили (конечно, выборочно, внешне) ту социально-идеологическую платформу, которая была возведена большевиками и скрепляла, наряду с другими факторами, регион в единое целое.

В полном объеме стали возрождаться все традиции, обряды, религиозные праздники, что было с радостью встречено народом. Год от года они все более и более набирают свою силу, становятся по-настоящему массовыми и общенародными. «Новый среднеазиатский человек» в большинстве своем удачно, свободно и без каких-либо психологических комплексов совмещает религиозность на ее бытовом уровне (выполнение основных обрядов, посещение мечети раз в неделю, соблюдение поста в рамазан и т.д.) и вполне нормальную, полноценную современную светскую жизнь (с посещением кафе и ресторанов, развлекательных мест, потреблением спиртных напитков). Этот своеобразный «синтез», можно сказать, общее место, и даже как-то странно здесь о нем говорить. Одно никак не мешает другому – и в этом также один из признаков нового времени на всей территории постсоветской Центральной Азии. Иной раз, попадая в Ташкенте в пятницу в обеденное время в частные торговые ряды, уже не удивляешься их полупустынному виду – почти все продавцы, а это в основном молодые люди, уехали на пятничный намаз. Конечно, многие забытые традиции еще не вернулись, но, так как общее направление процесса изменений определено, можно быть уверенным в их неизбежном возвращении.

Одно из самых ярких проявлений национальных форм жизни – полномасштабное возрождение традиции проведения свадеб. Нельзя сказать, что в советское время их не было. Были, и еще какие. Парадокс в том, что с этой расточительной и обременительной для простого народа традицией не могли справиться по очереди – ни мусульманские теологи до революции, выступавшие с осуждающими статьями в теологических журналах; ни представители нарождающейся национальной буржуазии и интеллигенции – просветители-джадиды; ни советская власть, долгое время открыто и жестко боровшаяся с «пережитками феодализма», а потом махнувшая рукой; ни новые власти и духовные авторитеты в период независимости в Узбекистане и Таджикистане. Феномен свадьбы (тоя) имеет глубокую экономическую, этическую и даже, если хотите, национально-философскую подоплеку. В общественной жизни богатой элиты до революции он был кроме всего прочего формой выражения признательности и покорности сановному по-

кровителю. Например, вельможа из окружения бухарского эмира устраивал роскошный многодневный суннат-той – праздник по случаю обряда обрезания своих сыновей – с приглашением эмира в благодарность за то, что последний облагодетельствовал одного из них по службе. После той подсчитывались дорогостоящие подарки и выгоды с обеих сторон. В нынешних условиях становления частнособственнической психологии есть в этом и некая форма скрыто-открытой соревновательности, демонстрации уровня престижности, состоятельности своим соплеменникам по месту жительства (в махалле) и в клановом сообществе. Сильно действует и традиционное общественное мнение. Как-то спросил одну работницу международной организации по строительству гражданского общества в Таджикистане, сможет ли она обойтись без соблюдения традиции проведения большого той с крупными расходами для своей дочери (все ж таки по долгу службы она должна показывать пример приверженности новому). Нет, ответила она, сама я, может, и смогла бы, но дочь потом заклюют в махалле, и родственники со стороны мужа, и все остальные будут тыкать пальцем: вот, мол, не сделала свадьбу как положено.

В период независимости все больше стала возрождаться традиция проводить пышные свадьбы не только у себя во дворе или под специальными навесами в общих дворах жилых массивов, а в ресторанах. Благодаря этому обстоятельству развился даже новый архитектурно-строительный тип – «тойхона» (буквально: «помещение для свадьбы»), что-то среднее между рестораном с огромным залом – и дискотекой. Можно сказать, что вся страна покрывается постепенно сетью частных тойхона. Дело это прибыльное.

А теперь о главном – о национально-философской подоплеке свадьбы, которая во многом объясняет ее центральное положение в жизни населения и неистребимую живучесть. У мужчины – узбека и таджика – есть жизненная сверхзадача: построить дом и женить сына (выдать замуж дочь). Есть еще несбыточная или трудно осуществимая мечта открыть свой, пусть маленький магазинчик – дуكان, «свое маленькое дело», обычно торговое (аптеку / маленькое кафе и т.п.), но это уже дополнение к сверхзадаче. А вот свадьба – это не просто «один мулла, три рубля денег, головка сахара и делу конец», ныне – это комплекс огромных расходов, сопровождаемых сложнейшими «ритуальными действиями». Поэтому взгляд на узбекских и таджикских гастарбайтеров как на результат обнищания населения не совсем верен. Конечно, есть

среди них и те, кто едет из страны из-за безысходности (и то сказать, где же такие страны на нашем родном постсоветском пространстве, откуда не бегут из-за безысходности?). Но большинство из них все же едет на стройки в Россию для выполнения своей «жизненной сверхзадачи». Существует мнение, что работа внутри страны есть и прожить худо-бедно можно. Но платить от 500 долл. в месяц здесь никто не будет. Конечно, есть места, где можно получать такие деньги, но они не для простого народа.

Ясно, что психология «своего маленького дела» — один из центральных элементов в системе жизненных ценностей нового центральноазиатского человека, особенно и в первую очередь у узбеков и таджиков как представителей древней городской цивилизации. Он имеет очень глубокие корни в истории жизнедеятельности этих народов. Помнится, в начале 80-х, еще в доперестроечные времена, довелось мне отдыхать в одном доме отдыха на Оке. Вечерами за чаем велись у нас беседы с жившим по соседству партийным работником среднего звена из одного российского городка. Описывая нашу жизнь, посетовал на то, что у нас с детства приучают детей зарабатывать деньги, поощряют предприимчивость, как бы формируют частнособственническую психологию. И услышал совершенно неожиданный ответ: и очень правильно делают, это же хорошо. Посмотрите, что делается у нас, хотя бы здесь, вокруг дома отдыха: какие великолепные покосы, но никто не хочет заниматься животноводством, почти никто не держит коров на частном подворье, а едут за молоком и продуктами в город. И действительно, как бы в подтверждение сказанного моим соседом, каждый день радиорубка дома отдыха призывала отдыхающих добровольно помочь местному колхозу завершить сенокос «в обмен» на парное молоко — тщетно. Предприимчивость и необычайное трудолюбие потомков древних земледельцев, ремесленников и купцов-торговцев Средней Азии позволяли им выживать в самые сложные и тяжелые исторические времена (даже в голод начала 30-х, ставший трагедией для казахского населения). И именно эта вековая черта, не исчезающая и в советское время, в первую очередь стала возрождаться в национальной психологии народов в период независимости.

В то же время неизбежно сопутствующие предприимчивости качества в старые дореволюционные времена привели к формированию у соседних народов, с иной системой хозяйствования, устойчивых стереотипов касательно народов Средней Азии. Сарты, так тогда называли предприимчивых горожан-торговцев, выез-

жавшие по торговым делам в степь к казахам и в горные местности проживания киргизов, иногда казались тем очень ловкими и хитрыми людьми, якобы обманным путем достигавшими благополучия. Но существовало и противоположное мнение, которое преобладало в среде людей практического действия, причастных к созданию материальных благ. Хорошо известны слова порицания великого казахского просветителя Абая в адрес своего народа: он призывал брать пример с сартов, учиться у них трудолюбию и другим положительным качествам.

Сарты воспринимались как хозяева и хозяйчики, собственники, обретавшие в различных обстоятельствах черты начальствующих в жизни людей. Возможно, сарт воспринимался и как олицетворение наступающего жестокого капитализма. Эта «ипостась» на бытовом обывательском уровне была, по-видимому, перенесена в советское время на потомков сартов – узбеков. У киргизов и ныне бытует поговорка, которую довелось не раз слышать в шутливой форме в кругу моих киргизских друзей: «Озбек кетти оз калди» – «Узбеки ушли, а мы и остались». Поговорка эта очень много значит и требует интерпретации. Совсем не обязательно она применяется именно к узбекам, обычно – к гостям, старшим по возрасту, начальникам, авторитетам, уход которых из общего застолья-пиршества позволяет остальным расслабиться и погулять уже как следует. Почувствовать себя свободными, без надзирающего и контролирующего начальственного ока. Но это отстраненное непосредственно от узбеков применение показывает, что в основе видения хозяина лежит образ узбека как человека, организующего и наводящего порядок и / или хозяйствующего. Эта же поговорка имеет и некий дополнительный, скрытый смысл – как косвенное свидетельство отторжения в киргизской народной стихии идеи сильной, единоличной или централизованной власти.

Трагедия межэтнического противостояния на юге Киргизстана в июне 2010 г. еще раз наглядно показала, как вместе с проводимым официальной идеологией возрождением национального самосознания (не только в Киргизстане, а по всей бывшей советской Средней Азии) стали возвращаться в жизнь и одряхлевшие, забытые было старые символы и знаки, против которых в свое время вела, может быть, слишком жестокими методами борьбу советская власть. На некоторых фотографиях и в хронике можно было видеть короткую надпись на заборах и стенах домов в районах происшедших погромов: «Сарт, умри». Здесь в это слово, давно уже вышедшее из употребления и сохранившееся лишь как

предмет исторических исследований (десятки, если не сотни научных статей написаны на эту тему), вложен негативный смысл, характеризующий явление, чуждое этнонациональной стихии киргизов. Элемент отчуждения, несовпадения «культурно-хозяйственных ритмов» символизирует возрождение некоего узкого (возможно, ситуативного) сегмента исторической памяти народа, несущего исключительно негативное содержание. Вряд ли он может заслонить собой огромный пласт сопряженного и переплетенного культурного наследия двух народов.

Но должен бы заставить задуматься всерьез культурологов и психологов, историков и востоковедов, да и любителей старины и самобытного национального наследия: где та граница, перед которой нужно остановиться в нашем восхвалении славного, богатого и великого собственного прошлого и героических деяний предков, сносящих головы и переламавающих хребты своим врагам? Задуматься о судьбе нашего общего культурного, гуманистического по своему смыслу наследия в регионе Центральной Азии. Почему оно не срабатывает? Как сделать, чтобы озлобление, охватывающее сознание толпы, все же не позволяло ей забывать о главном, о том, что выражено, например, в эпической истории Манаса: легендарная Каныкей – невеста Манаса – была родом из Бухары, соединяя на уровне самого возможного близкого родства судьбы двух народов? Чингиз Айтматов не убоился поднять свой голос с осуждением своего же народа еще во время первого кровавого противостояния в 1990 г. Такие примеры очень редки в истории и показывают необычайную высоту человеческого духа. Но и до того не раз он выражал свое отношение к узбекскому народу, сформулировав собственное понимание культурно-исторического вклада этого народа и Узбекистана в целом в развитие нашего региона. «То, что сделали узбекские труженики для страны, – это заслуживает земного поклона. То, что сделала многовековая узбекская культура для народов Средней Азии, – это можно сравнить с влиянием Византии на Древнюю Русь. И в досоветское, и в советское время Узбекистан был нашим словом и обликом на Востоке», – писал Ч. Айтматов в 1988 г. Он напомнил о том, чем был этот народ для «нас, жителей туркестанских горных и степных окраин, с детских лет воспитанных в почтении и уважении к узбекскому народу с его древней историей и культурой, заслужившему это общепризнанное отношение окружающих бесспорным и в высшей степени прекрасным национальным качеством своим –

неугасимым, невероятным трудолюбием, мастерством и чудесно сохранившимися редкостными общинными традициями...».

Но нет уже великого сына киргизского народа, всегда открыто и прямо высказывавшего свои мысли и готового пойти на все ради защиты истины. Человека, провозгласившего в свое время принцип приоритетности общечеловеческих гуманистических ценностей над классовыми, государственными и, по сути, узконациональными интересами. Может быть, это было кратковременное озарение, утопия, но утопия прекрасная. Теперь, увы, мы видим, как принцип собственных этнонациональных корыстных интересов все более и более торжествует на просторах постсоветской Центральной Азии. Как-то, почти десять лет назад, публицист и поэт Сабит Мадалиев заметил (имея в виду наш регион), что здесь «идет тихая политическая война, где каждое государство борется за свою исключительность, заново переписывая историю, испытывая терпение своих народов на прочность и яростно вооружаясь за счет него». Понятно, что теперь уже не такая и тихая. И самое печальное, что все чаще и чаще в защиту этих интересов яростно вступается интеллигенция, которая, казалось бы, по своему предназначению призвана выступать хранительницей гуманистических ценностей более широкого круга и охвата. Такова обратная сторона медали начавшегося независимого национального строительства в регионе.

Этому во многом способствует и искусственно организованная изоляция культурного взаимодействия деятелей культуры и интеллигенции в регионе Центральной Азии, и самоизоляция многих из них. Давно уже нет у нас такого уникального интеллектуального форума, каким был «Иссык-Кульский форум» Чингиза Айтматова, идеями которого питалось целое поколение. Интеллигенция в регионе поделена и поставлена под контроль национальных государственных интересов, мобилизована ими на обслуживание собственных задач. Понятно, что и без этого, по-видимому, теперь никак нельзя, ведь и весь мир вступил в решающую и, как полагают некоторые западные интеллектуалы, заключительную схватку за ресурсы и выживание. Но и тем более важно, чтобы в этих условиях оставалось поле для свободного взаимодействия и поддержания диалога, а не для одних только перетеканий капиталов и их держателей. Оптимизм еще теплится, потому что в самом среднеазиатском народе, в глубинах народного сознания коренятся идеи единения, взаимодействия и, наоборот, – отверга-

ется навязываемое «политическими реалиями эпохи» разделение и обособление.

«Дружба народов», М., 2011 г., № 12, с. 178–195.

А. Чулиева,

политолог

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗАПАДНЫХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Международные отношения на современном этапе претерпевают драматические изменения, в ходе которых роль государственной власти снижается, а действие международных норм и институтов возрастает. Вследствие этого проблемы подчинения международным решениям и обеспечение их выполнения приобретают решающее значение. Они становятся строительным материалом в системе глобального управления, поэтому список сфер деятельности, нуждающийся в сотрудничестве неправительственных организаций и гражданского общества, значительно расширился. Растет потребность в эффективном управлении. Но запад в целом при управлении мировыми процессами скорее преследует корыстные цели, направленные лишь на собственную выгоду любой ценой. Он активно использует все ресурсы современного мира: СМИ, технологии, военное оснащение. Основной целью является безудержное потребление ресурсов менее развитых стран. Об этом свидетельствуют западные идеологические взгляды о «золотом миллиарде», «демократизации общества», «вестернизации». Все во имя утверждения западных ценностей.

Сегодня регион Центральная Азия является объектом пристального наблюдения мировых держав. Негласная борьба за сферы влияния в этом регионе проходит с начала провозглашения независимости в республиках ЦА. Эти республики (Таджикистан, Туркменистан, Киргизстан, Казахстан, Узбекистан) интересны тем, что в них не до конца сформировалась государственность, а именно: слабые правовая и политическая системы, нестабильность во всех сферах жизни, вспышки межэтнических и политических конфликтов. Все эти факторы делают Центральную Азию очень восприимчивой к внешнему воздействию. Периодические «тюльпановые» революции лишь усиливают положение исламских радикальных группировок, а также неправительственных организа-

ций США, Германии, Китая, направленных якобы на демократизацию общества. На самом же деле единственная цель этих организаций – дестабилизация общества, расшатывание политической ситуации внутри страны в интересах узурпатора, который стремится к экспансии в ЦА. «Цветные революции» рассматриваются как всплески народного гнева против коррумпированной и нерадивой власти, которые достигли успеха благодаря расколу правящих элит, в том числе и в рядах спецслужб, как части заговора, задуманного и направленного из США. По мнению российской стороны, эти действия в лучшем случае имели целью сократить влияние России на ее соседей и, наоборот, усилить влияние на них США. В худшем случае это была генеральная репетиция экспорта революции непосредственно в Россию. В 2004 г. В.В. Путин обвинил запад в том, что он поддерживает террористов и использует их для того, чтобы ослабить и расчленить Россию.

Военное присутствие России в ЦА сократилось. И сегодня оно ограничивается военной базой в Таджикистане, небольшой авиабазой в Киргизстане и рядом военных объектов в Казахстане. Россия пытается удержать ЦА как сферу своего влияния, но США все более активно внедряются в этот регион. Исключение составляет нейтральный Туркменистан, который выступил против любых НПО в своем регионе. В сентябре 2010 г. были закрыты даже местные организации.

О деятельности западных НПО в Киргизстане можно судить по нестабильной ситуации в стране. Наиболее известная из них – Freedom House – неправительственная организация со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Ее бюджет на 66–80% посредством грантов финансируется правительством США. В марте 2005 г. она спонсировала Бакиева в ходе очередных парламентских выборов, вследствие чего в Киргизии произошла революция, на которую американцы потратили всего 2 млн. долл., в результате чего новый президент сверг А. Акаева и пришел к власти. Но Бакиеву пришлось повторить судьбу старого: 17 марта 2010 г. собрался курултай (народный сход) с требованием отставки Бакиева, на что он отреагировал арестом оппозиции. Но все равно ему пришлось бежать в Белоруссию. С приходом к власти Розы Отунбаевой американцы начали давить на временное правительство, благодаря их деятельности обострилась ситуация и в Бишкеке. В июне в Бишкеке на улицы вышла молодежь, а кроме нее были и специально подготовленные женщины, и пожилые люди, прекрасно понимающие, где и что надо говорить. Часто патриотические чувства переходили

ли в эмоции, и толпа стала неуправляемой путем инспирирования массовых протестов.

Freedom House проводит исследования и опросы среди жителей Киргизии, чтобы понять, на каких идеях и настроениях надо играть, дабы вывести их на улицы, довести до высочайшей степени возбуждения, когда они начинают разрушать себя и страну. Ф. Кроули сказал, что Соединенные Штаты имеют обязательства в отношении Киргизстана и хотят оказать поддержку этой стране, особенно в формировании нового правительства. Опасность событий в Киргизии в том, что они могут привести к изменению ситуации во всей Центральной Азии и к смене элит во всех центральноазиатских республиках СНГ, в Афганистане.

Болезненны эти события и для Китая. От них зависит – ударят американцы по Ирану или нет. Но наиболее опасны они для России. Выход один: попытаться контролировать деятельность международных организаций, провести одновременно честные выборы всех уровней власти. Сформировать легитимную власть, которая будет пользоваться доверием населения.

В Узбекистане суд запретил деятельность правозащитной организации Freedom House. Власти этой страны обвиняют данную организацию в нарушении законодательства. В частности, указывалось, что правозащитники не предоставляют подробную информацию о проделанной работе, списки своих партнеров и документы по расходованию средств. Все это является нарушением закона о негосударственных некоммерческих организациях. В этом политика Узбекистана схожа с политикой Туркменистана в отношении НПО. В обеих республиках не приветствуется их существование. Об этом говорит один из чиновников высшего ранга в Узбекистане: «НПО превратились в серьезную силу. Этим государство обеспокоено еще с 2003 г. Уже тогда начали разрабатываться планы по нейтрализации деятельности НПО, но это надо было сделать так, чтобы в глазах мировой общественности Узбекистан не выглядел страной, в которой государство преследует НПО. С этой целью появился ряд правительственных постановлений, которые ставили препятствия для их деятельности.

Сейчас эта политика в Узбекистане дает свои плоды. НПО оказались в такой ситуации, когда они вынуждены нарушать существующее законодательство. Теперь их стоит только слегка припугнуть, и они сами напишут заявление о закрытии. Никакого суда, никаких жалоб и никаких притязаний международного сообщества. Нарушил закон – изволь закрыться». Пожалуй, единст-

венная европейская неправительственная организация, беспрепятственно существующая в Узбекистане на протяжении 30 лет, – это представительство фонда Конрада Аденауэра. Залогом гарантированного успеха стало активное привлечение ко всем формам обучения чиновников государственных, парламентских, правоприменительных и судебных ведомств. Причем само обучение чаще всего проходит с выездом в демократические европейские государства, что узбекских чиновников вполне устраивает.

В Таджикистане и Казахстане Freedom House продолжает существовать, критикуя местные власти и ведя республики к новым революциям. Несмотря на это власти Таджикистана очень благосклонны к различным НПО. На территории Таджикистана сегодня действуют более 3,5 тыс. неправительственных организаций. Об этом свидетельствуют слова старшего советника президента: «Разве это плохо, когда такое количество людей во всех регионах страны трудоустроены, заняты решением проблем. Изыскивают средства с помощью международных организаций, которые имеют свои представительства в нашей стране. Государство, правительство очень заинтересовано в активизации деятельности НПО в стране». По действиям властей понятно, что их не интересует будущее страны, а лишь преследуются корыстные цели. Плата за услуги западным фондам и НПО является серьезным довеском к зарплате не только представителей неправительственного сектора, но и чиновников всех уровней, а также переводчиков, уборщиц, сторожей, водителей, поваров.

Но организации, которые все-таки пришлось не по душе таджикскому правительству, существуют. В основном это немецкие НПО. Так, по решению суда района Сино Душанб была приостановлена деятельность германской общественной организации «Миссия “Альянс”», более десяти лет проработавшей в Таджикистане. В 2008 г. Минюст инициировал судебный процесс по полному прекращению деятельности международной благотворительной организации «ORA International», которая в результате была вынуждена свернуть свою деятельность, мотивируя это результатами плановой проверки деятельности этих международных НПО и обнаруженными нарушениями ими законодательства Таджикистана. Также закрылись два представительства международных организаций: Международного фонда избирательных систем (IFES) и Национального института демократии (NDI), работающих в сфере развития демократии. По иску Минюста, проходит судебное разбирательство в отношении представительства американ-

ской общественной организации «Адра Интернешнл», которая также незаконно занималась пропагандой христианской веры на территории Таджикистана. Одновременно на стадии рассмотрения находится судебное дело в отношении германской организации «Каритас», деятельность которой также выходит за рамки ее устава и законодательства Республики Таджикистан.

Далее рассмотрим Казахстан. В настоящее время в стране действует около 5000 НПО, осуществляющих работу во всех социально значимых сферах. Экспансии Китая особенно опасается гражданский сектор Казахстана. Вопрос о китайском засилье не раз поднимал редактор газеты «Общественная позиция» Ермурат Бапи. Ему известно о случаях незаконного ввоза китайских мигрантов в республику. Неконтролируемое, на взгляд Бапи, усиление влияния соседа угрожает национальной безопасности Казахстана. По словам редактора, местное население понимает, что иностранцы чувствуют себя хозяевами на земле Казахстана.

За примерами экономической экспансии Китая далеко ходить не надо: 80% госдолга соседнего Таджикистана – деньги, занятые у Пекина. Может, это и совпадение, но таджикский парламент в 2011 г. ратифицировал протокол о демаркации границы с Китаем – Поднебесной отошло около 1 тыс. км² территории современного Таджикистана. Местные эксперты опасаются, что китайские аппетиты будут только расти. В этих условиях Казахстан оказывается между различными центрами силы, маневрировать между которыми будет все труднее. Усиление Китая диктует необходимость раз и навсегда сделать выбор за или против нарождающейся сверхдержавы. Если Казахстан (и вместе с ним вся Средняя Азия) делают прокитайский выбор, то они неизбежно должны войти в поле притяжения гигантской сверхдержавы, что грозит потерей суверенитета – сначала экономического, потом политического. Если Казахстан и Средняя Азия делают антикитайский выбор, то им необходимо избрать гаранта сохранения своего суверенитета. Выбор невелик. Это – либо Россия, либо Запад в лице:

- а) Соединенных Штатов,
- б) Европейского союза,
- в) США и ЕС вместе.

Интеграция Средней Азии на данном этапе не может происходить в интересах государств региона. Она может быть только прокитайской или проамериканской. Но первый вариант не способствует сохранению суверенитета, а второй – сохранению ста-

бильности, ибо противники американского присутствия будут неизбежно «раскачивать лодку». Остаются варианты интеграции с Россией, на что в последнее время делает намеки и российская сторона. Однако реально интегрироваться с Россией может не весь регион, а только Казахстан. Вопрос только в том, хватит ли мощи у России?

«Современные проблемы международных отношений и мировой политики: Материалы VII межвузовской научной конференции», М., 2011 г., с. 204–228.

Елена Пономарева,

доктор политических наук

Георгий Рудов,

доктор политических наук (МГИМО(У))

АФГАНСКИЙ ФАКТОР В ПОЛИТИКЕ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

С момента начала операции «Несокрушимая свобода» (7 октября 2001 г.) в Исламской Республике Афганистан (ИРА) афганский фактор остается одним из важнейших факторов мировой политики. Актуализация проблемы в настоящее время связана с осознанием американским истеблишментом бесперспективности прежней политики в регионе, необходимостью переформатирования «Большой игры» в Азии. Решение о выводе военного контингента из страны, озвученное Президентом США, было мотивировано тем, что цель войны достигнута и «Аль-Каида» не может использовать афганскую территорию для создания угроз национальной безопасности США. Действительно, для национальной безопасности США угроз как не было, так и не будет; а вот к завершению афганского кризиса начавшийся вывод войск явно не приведет. Более того, беремся утверждать, что это лишь начало нового витка дестабилизации региона и переформатирования мировой политики.

Для стран Центральной Азии (ЦА) афганский кризис и его многочисленные проявления – социально-политическая нестабильность, терроризм, наркотрафик, транснациональная преступность – всегда были основным источником дестабилизации региональной ситуации. Остановимся подробнее лишь на самых важных, с нашей точки зрения, проявлениях афганского фактора в регионе. Вооруженное противостояние в ИРА является серьезным

препятствием для развития регионального экономического сотрудничества, реализации богатого транзитного и ресурсного потенциала ЦА. Наличие конфликта в ИРА и исходящих из этой страны угроз вынуждают государства региона принимать дополнительные меры по укреплению безопасности, что отвлекает средства, необходимые для решения социально-экономических проблем и осуществления планов развития и модернизации данных государств. Преодоление или изменение существующих тенденций руководство стран ЦА видит как в экономических, так и в политических решениях. В частности, определенная надежда связывается со взаимодействием стран региона в рамках Контактной группы (КГ) ШОС – Афганистан и ОДКБ при осуществлении совместного мониторинга государств – членов ШОС и ОДКБ с участием афганских представителей.

Определенное значение для стран региона имеет также инициатива президента Узбекистана И. Каримова о создании формата урегулирования афганского кризиса, известного как «6+3». Он предусматривает создание под эгидой ООН Контактной группы в составе представителей соседних с ИРА государств (Китай, Иран, Пакистан, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан), а также России, США и НАТО. Тем самым к прежнему формату «6+2» добавилась НАТО, но так и не оказался включенным сам Афганистан. Основной идеей контактной группы «6+3», представляющей по существу своеобразную модель национального примирения, является обеспечение всем оппозиционным партиям в ИРА программы завершения нынешнего противостояния; поиск компромиссного решения ключевых проблем и разногласий, разделяющих страну, обеспечение безопасности и требуемых гарантий с учетом интересов каждой из сторон. Белый дом и правительство Х. Карзая уже ведут переговоры с так называемым «умеренным» крылом Талибана. Более того, Обама даже заявил о том, что движение Талибан «является частью афганского народа».

Показательно, что в Узбекистане Талибан не относят к числу основных противоборствующих сил, а воспринимают лишь как часть, пусть и многочисленную, военизированной оппозиции. Политические переговоры, по мнению руководства Узбекистана, должны стать дополнительной составной частью широкомасштабной кампании в ИРА, так как достижение мира исключительно вооруженными методами практически невозможно. Иными словами, Ташкент готов сотрудничать с умеренными представителями талибов. В частности, в качестве первого шага к реализации иници-

циативы «6+3» Узбекистан предложил провести встречу на уровне заместителей министров иностранных дел, представителей НАТО и всех основных противостоящих сторон, включая умеренную часть талибов. Параллельно должно быть продолжено тесное сотрудничество с правительством ИРА. Что же касается включения администрации Карзая в состав контактной группы, то представители внешнеполитических структур Узбекистана считают, что это неизбежно отразится на снижении уровня доверия вовлеченных в переговоры альтернативных сил.

Надо отметить, что из всех стран ЦА именно Узбекистан проводит самую активную политику в ИРА. Ташкент четко придерживается той позиции, что альтернативы региональной интеграции с соседними государствами, включая ИРА, нет в силу общности транспортно-коммуникационной системы, энергетических ресурсов, географического положения и т.д. Возможно, что инициатива «6+3» окажется единственной успешной попыткой вырвать Афганистан из нищеты и состояния войны. В то же время Узбекистан активно работает над развитием двухсторонних отношений с ИРА. Казахстан, не имеющий общей границы с ИРА, ведет себя не менее активно в регулировании афганских проблем. В рамках своего председательства в ОБСЕ Казахстан стремился выстроить прагматичный курс на стабилизацию ситуации в ИРА, в чем-то заимствуя тактику Узбекистана. Так же как и Узбекистан, Казахстан нацелил свой курс на выстраивание широкого переговорного процесса. Афганская проблематика была одной из главных на состоявшемся в декабре 2010 г. саммите ОБСЕ в Астане. По мнению казахстанского руководства, политические переговоры должны быть тесно увязаны с социально-экономической реабилитацией ИРА. В частности, Астана выступила с предложением в рамках ОБСЕ разработать «Невоенную программу помощи Афганистану» с широким привлечением международного бизнеса к реализации конкретных проектов экономики за счет финансовых средств доноров и обеспечения их безопасности силами НАТО, коалиции, Афганской национальной армии (АНА) и Афганской национальной полиции (АНП).

Помимо много- и двухсторонних проектов политического урегулирования афганского кризиса существенное влияние на развитие ситуации в регионе и политику стран ЦА может оказать формат, в котором ключевую роль играют США и НАТО. Дело в том, что вывод войск коалиции из ИРА, скорее всего, приведет к реализации принципа «Уйти, чтобы остаться». Иными словами,

присутствие будет заменено внешним управлением. Однако достижение этого невозможно без принципиального сближения стран ЦА с НАТО, так как внешнее управление удобнее всего осуществлять именно с их территории. Поэтому США и НАТО в последние годы проводят активную, в отличие от России, политику в странах региона – «Большая игра» принимает другой формат и масштабы. Причем способствует закреплению США и НАТО в регионе именно афганский фактор. Не надо быть провидцем, чтобы утверждать, что при выводе американских войск из ИРА обострится политическая и силовая борьба как в самой ИРА, которая в той или иной мере коснется всех центральноазиатских государств. Учитывая распространение с территории ИРА таких угроз, как расширение зоны действия военного конфликта, экстремизм, наркотрафик и нелегальная торговля оружием (например, по числу вооружений – 14 орудий на человека – ИРА уже занимает лидирующее место в мире), страны ЦА чрезвычайно озабочены обеспечением собственной безопасности. В настоящее время многие эксперты опасаются того, что радикальные силы, использующие в своих интересах кундузский плацдарм на севере ИРА, со временем переберутся в соседние страны, тем самым обрушив сложившуюся в 2002–2010 гг. региональную систему безопасности. Такие опасения стали восприниматься вполне серьезно после серии нападений исламистов на представителей правоохранительных органов в Таджикистане.

В сложившейся ситуации определяющую роль в регионе стали играть США и страны НАТО. Вашингтон рассматривает ЦА, во-первых, сквозь призму войны в ИРА, во-вторых, как геостратегический плацдарм для влияния на Россию и Китай. В условиях вывода войск коалиции повышается значение «Северного транзитного маршрута» как «фундаментально важной системы доставки» грузов. В то же время не стоит рассматривать этот маршрут как экономически выгодный для США. Стоимость перевозок по «Северному маршруту» вдвое превышает расходы на их транспортировку через Пакистан, даже принимая в расчет все издержки, связанные с нападениями талибов. Поэтому Северная сеть – это и политическая конструкция. Генерал-майор Кеннет С. Дауд, отвечающий в Центральном командовании за материально-техническое обеспечение, прямо говорит, что «истинная ценность Северной сети состоит не в количестве контейнеров, которые можно по ней доставить, а в том, как эта сеть помогает подклю-

чить государства ЦА к решению стратегических задач, стоящих перед США и Европой в Афганистане».

Подключение к «Северному маршруту» приносит неплохой доход государствам ЦА. Например, только в 2009 г. доходы узбекского аэропорта «Навои», задействованного в транспортировке грузов невоенного назначения для американских войск в ИРА, выросли в 10 раз. В настоящее время Казахстан и Узбекистан, рассчитывая на увеличение потока грузов в связи с выводом войск коалиции, намерены довести объем транспортировки грузов по своим железнодорожным магистралям до 1400 контейнеров в месяц, что принесет еще больше дивидендов их правительствам. Однако в среднесрочной перспективе использование стран ЦА как логистического придатка может привести к непреднамеренному экспорту кризиса управления и безопасности в регионе. Не исключено, что «Северный маршрут» станет мишенью для групп боевиков, связанных с талибами. Таким образом, афганский конфликт может распространиться на территорию Туркмении, Узбекистана, Таджикистана. Кроме того, возрастает не только возможность присутствия НАТО в странах ЦА, но и присутствие последних в ИРА. В частности, стало известно о намерении Казахстана направить своих военных в ИРА, на что некоторые российские аналитики отреагировали довольно резко, сравнив Казахстан с «поднощиком боеприпасов для НАТО». Следует констатировать, что «действительно многие годы Астана позиционирует себя в качестве некоего форпоста и союзника Запада в ЦА, а отношения с НАТО развиваются по нарастающей». При этом геополитически Казахстан был и остается сильно «завязан» на Россию, а экономически – становится все больше «завязан» на Китай.

Анализ действий Астаны позволяет сделать вывод о продолжении казахстанским руководством политики балансирования между основными центрами силы, и в первую очередь между Западом, Россией и Китаем. Но как справедливо заметил политолог В. Парамонов, «это не вина Казахстана, а общая именно с Россией беда. До тех пор пока главный исторический союзник ЦА и системообразующий элемент всего постсоветского пространства – Россия сама проводит ярко выраженную многовекторную политику, будут создаваться предпосылки для проведения ровно такой же линии и остальными странами бывшего СССР. Другими словами, пока Москва сама долгосрочно не определится с жизненной и стратегической важностью для себя и своего развития именно постсоветского пространства, то до тех пор и многие остальные

государства бывшего СССР будут следовать в русле навязываемых извне схем и концепций, а в итоге – будут проводить многовекторный курс».

Что же касается геостратегического интереса США к странам ЦА, то для думающих людей уже давно стало очевидно, что «целью американской кампании в ИРА была вовсе не борьба с терроризмом, а стремление закрепиться на стратегическом плацдарме с выходом на Иран, Китай и Россию, который, помимо всего прочего, позволил бы США контролировать пути транспортировки энергоносителей на Среднем Востоке». Понятно, что для этого необходимо было создать в ИРА квазидемократический прозападный режим, что и было поручено Х. Карзаю, человеку, который был тесно связан с американцами еще со времен войны моджахедов с СССР. Но так как контролировать всю афганскую территорию американцы не могут, проще всего оставить талибам южные и восточные провинции страны, сохранив влияние на севере и создав в этом регионе несколько военных баз.

Косвенным подтверждением того, что в Вашингтоне прорабатывают такой сценарий, стала утечка информации о так называемом «плане Блэквилла». Высокопоставленный американский дипломат Р. Блэквилл, в эпоху Буша-младшего занимавший пост посла в Индии, выдвинул программу раздела ИРА с выделением пуштунских провинций в отдельное государство, что, по его словам, позволит предотвратить войну за власть в стране после ухода американцев. Такой план станет катастрофой не только для ИРА, но и для соседнего Пакистана, в котором проживает 20 млн. пуштунов. Но есть и другие сценарии. Например, реформатирование присутствия США в регионе ЦА. Во время многократных встреч, конференций и переговоров Вашингтон уже заручился поддержкой НАТО в ИРА со стороны Астаны, Бишкека, Душанбе. Взамен Казахстану было обещано содействие Вашингтона в проведении военной реформы, Киргизии – помощь в укреплении потенциала пограничных войск и оснащении складов хранения артиллерийского и ракетного вооружения МО Киргизии. Нежелание Душанбе видеть у себя на границе российских пограничников также следует связывать с медленным креном Таджикистана в сторону НАТО и США. Переоснащение таджикско-афганской границы, укрепление погранзастав, обучение таджикских военных практике разминирования опасных территорий – это лишь краткий список совместных проектов Североатлантического альянса и Таджикистана. Эта республика важна для Вашингтона не только как транзитная террито-

рия по переброске грузов для нужд войск западной коалиции в ИРА, но и геостратегически – Таджикистан имеет общую границу не только с ИРА, но и с Китаем.

Наиболее опасным для России окажется переход Астаны под «американский зонтик». Казахстан – это огромный континентальный массив, примыкающий к России от восточной окраины дельты Волги на западе до Алтайских гор на востоке. Казахстан, наряду с Белоруссией, наиболее последовательный сторонник укрепления системы евразийской безопасности в противовес влиянию США в регионе. Однако без встречных шагов со стороны России Астана может оказаться наедине в диалоге с Вашингтоном, что, без сомнения, приведет к усилению американского влияния в республике. В частности, уже обсуждается возможность размещения западного воинского контингента альянса на территории Казахстана. Хотя пока каких-либо конкретных шагов Астана в этом направлении не предпринимала, но, как говорится, лиха беда начало. Таким образом, вывод американских военных из ИРА не следует воспринимать как уход из региона. Часть контингента может быть размещена в республиках ЦА (Киргизия, Таджикистан и Узбекистан). Первые шаги в этом направлении уже сделаны. Например, зафиксированы случаи перехода американских подразделений на таджикскую территорию при выполнении поставленных задач. В Киргизии, в Баткене, в любой момент можно открыть новую базу ВС США, а участок узбекско-афганской границы со стороны ИРА уже охраняют американские военные. Что же касается самого ИРА, то «американское присутствие будет менее зримым, но не менее ощутимым». Альянс намерен оставить юг страны, сохранив несколько ключевых баз: Шинданд – на иранском направлении, Кабул – для сохранения влияния на власти страны, Кандагар – в силу стратегической важности. Более того, Белый дом будет добиваться открытия новых военных объектов как в самом ИРА, так и в республиках ЦА. В частности, под Мазари-Шарифом, на стыке границ ИРА, Узбекистана, Таджикистана и Туркмении, строится огромная военная база. Тем самым США смогут эффективно сдерживать интересы сразу трех крупных держав: Китая, России и Ирана.

Очевидно, что решить афганскую проблему, опираясь только на силу или на политическую риторику, нельзя. Нужно, чтобы Афганистан развивался экономически. Для успешного антикризисного урегулирования в ИРА ключевое значение имеет решение первоочередных социально-экономических проблем, оказание це-

ленаправленной экономической помощи афганскому народу. Необходимы не только финансовые инвестиции, новые рабочие места, но и системная перестройка экономической сферы страны, ее включение в легальную мировую экономику. В этом наиболее перспективное стратегическое значение имеют проекты развития транспортных коммуникаций, проходящих из региона ЦА через ИРА в южном направлении. Благодаря географическому положению Афганистан имеет огромный потенциал превращения в торговый, энергетический и транспортный узел региона, соединяющий Ближний Восток и Юго-Восточную Азию (ЮВА) по сети проходящих через него транспортных коридоров. Создание транс-афганского транспортного коридора, строительство новых железных дорог между афганскими городами и городами Узбекистана, Ирана, Пакистана позволит перевозить грузы, поступающие из ЮВА в Европу, более коротким путем, что в целом расширит транспортно-коммуникационные и транзитные возможности региона. Между тем приходится признать, что строящиеся транспортные коммуникации пока не нужны самому афганскому населению, эта инфраструктура не востребована неразвитой экономической системой страны.

Страны ЦА по мере своих возможностей развивают это направление. Наиболее активно участвует в экономической реконструкции ИРА Узбекистан: строит железные дороги, мосты и социальные объекты в северных районах страны, осуществляет поставки электроэнергии. Афганская транспортная система все более активно интегрируется с узбекскими транспортными коммуникациями. В результате Узбекистан является единственной страной в регионе, через которую может осуществляться сообщение практически всеми видами транспорта в ИРА. Железнодорожная линия Хайратон–Мазари-Шариф, полностью построенная предприятиями и специалистами из Узбекистана в январе–ноябре 2010 г., должна обеспечить железнодорожными перевозками наиболее развитые и густонаселенные районы северных провинций ИРА. Узбекистан является основным поставщиком электроэнергии на территорию ИРА. Активизировалось взаимодействие между странами в сфере оптико-волоконной связи. Узбекистан построил 11 мостов на участке Мазари-Шариф–Кабул. В 2010 г. была построена железнодорожная ветка протяженностью 95 км и соединяющая приграничный с Узбекистаном афганский город Хайратон с городом Мазари-Шариф – центром северной провинции Балх, а в будущем эта ветка будет соединять северную провинцию Балх с

западной провинцией Герат. Это серьезно повысит пропускную способность афганского направления, что даст основания руководству НАТО использовать железные дороги для вывода войск коалиции. Из Узбекистана в ИРА поставляются топливо, строительные материалы, металлопрокат, удобрения, продукты питания.

По мнению руководства Казахстана, стабилизация в ИРА может быть достигнута, прежде всего, через электрификацию и строительство железных дорог по всей стране. Кроме того, в 2010 г. Астана предложила более 20 проектов, реализация которых может быть осуществлена странами – членами ОБСЕ. Среди них: восстановление Джелалабадского ирригационного канала, плотин ГЭС в провинции Баглан, каскада электростанций на реке Кабул; строительство заводов по переработке и консервированию сельхозпродукции; создание плантаций по выращиванию шафрана, сои, подсолнечника и строительство заводов по производству подсолнечного масла; строительство и модернизация станций специализированной сельскохозяйственной техники и оборудования, авторемонтных мастерских, мебельных фабрик; строительство завода по переплавке металлолома и производству арматуры (в ИРА около 1 млн. т металлолома); создание промышленных парков в Баграме, Кандагаре, Мазари-Шарифе, Камачи, Нангархаре и другие проекты. Для самого ИРА сотрудничество с Казахстаном – самым крупным и потенциально значимым государством ЦА – является одним из приоритетных. Двустороннее сотрудничество стран осуществляется в сферах сельского хозяйства, энергетики, минеральных ресурсов, транспорта, здравоохранения, образования. В ноябре 2006 г. правительством Казахстана была утверждена специальная программа по содействию ИРА, в которой предусмотрено обучение студентов, участие в строительстве школ и больниц. Была оказана безвозмездная финансовая помощь ИРА на сумму более 2 млн. долл., которая была направлена на восстановление дороги Кундуз–Талукан, строительство школы в провинции Саманган и строительство больницы в провинции Бамиан. Особую заинтересованность Казахстан проявляет в инвестировании проектов по добыче полезных ископаемых в ИРА, где, по некоторым оценкам, общий объем нефтегазовых запасов оценивается в 40 млн. т нефти и 137 млрд. м³ природного газа.

Для Таджикистана в силу географических и этноконфессиональных причин афганский фактор, пожалуй, наиболее значим. Таджикистан, наряду с другими странами ЦА, является поставщиком электроэнергии в ИРА. На реке Пяндж Таджикистан намерен

построить гидроэлектростанцию мощностью в 1000 МВт. В 2007 г. на афгано-таджикской границе был построен мост, связавший афганский порт Шерхан Бандар и таджикский Нижний Пяндж. Эксплуатация моста привела к снижению зависимости ИРА от Пакистана, откуда до недавнего времени поставлялась большая часть товаров первой необходимости. Таджикистан также активно участвует в совместных проектах стран, заинтересованных в восстановлении и развитии инфраструктуры ИРА. В частности, планируется построить железную дорогу из Таджикистана в Иран через ИРА по маршруту Душанбе–Нижний Пяндж–Герат–Мешхед.

Киргизия заинтересована в стабилизации ситуации в ИРА, но принятие конкретных решений осложняется внутривнутриполитической нестабильностью и неспособностью власти на нынешнем этапе брать ответственность за реализацию крупных проектов в ИРА. Тем не менее Бишкек также участвует в экспорте электроэнергии, стройматериалов, рабочей силы. Однако основная помощь, оказываемая властями Киргизии военной кампании в ИРА, – это предоставление американским войскам авиабазы в аэропорту Манас. Туркмению связывает с ИРА ряд совместных проектов, также нацеленных на социально-экономическое развитие ИРА. В 2009 г. туркменская сторона выразила готовность обеспечить соединение национальной сети железных дорог ИРА с трассами Туркмении. Так, Ашхабад намерен за счет собственных средств проложить железнодорожную ветку от туркменского г. Атамурат до границы с ИРА. В дальнейшем стороны намерены строить железную дорогу внутри самого Афганистана, что обеспечит ему выход на другие страны региона. Туркмения готова также принять участие в разведке и освоении нефтегазовых месторождений ИРА в приграничных районах. Туркменской стороной реконструировано свыше 300 км линий электропередачи (ЛЭП), проходящих в северных и юго-западных провинциях ИРА. Кроме того, в настоящее время подготовлены предложения по строительству на территории Туркмении подстанций и линий электропередачи мощностью 500 кВт и протяженностью 410 км до границы с ИРА.

Крупным энергетическим проектом, над которым в настоящее время ведется активная работа, является строительство транснационального газопровода Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия (ТАЛИ), протяженностью 1680 км, 735 км которого пройдет по территории ИРА. В сентябре 2010 г. в Ашхабаде министры энергетики этих стран подписали рамочное соглашение о строительстве ТАЛИ, которое должно быть утверждено каждой из

стран-участниц. Планируется, что поставщиками энергоресурсов для заполнения трансафганского газопровода станут Узбекистан и Казахстан. К сожалению, приходится признать, что все эти проекты по развитию социальной инфраструктуры, строительству транспортных коммуникаций между ИРА и странами ЦА на фоне экономического коллапса, переживаемого как ИРА, так и другими государствами региона, не имеют определяющего для Кабула эффекта. При этом восстановление энергетической сферы ИРА сталкивается с неспособностью республик ЦА решить водно-энергетические проблемы у себя. «Недавний разрыв государствами региона единой центральноазиатской энергосистемы вряд ли будет способствовать обещанному увеличению экспорта электроэнергии из Таджикистана и Киргизии».

Кроме того, на фоне позитивного эффекта, который дают вышеназванные проекты стран ЦА в ИРА, не стоит забывать о непредвиденных результатах предоставления иностранной экономической помощи. Например, благая цель строительства дорог служит не только интересам развития страны, но и повстанцев, так как им становится легче передвигаться. Более того, те кланы и группировки, которые не получили контракты на сооружение дорог, начинают стрелять в тех, кому эти контракты достались. Именно с этим некоторые эксперты связывают распространение насилия на севере ИРА в последние месяцы. И, наконец, когда дороги уже построены, различные группировки, пользуясь слабостью центрального правительства, устанавливают там свои контрольно-пропускные пункты и начинают собирать плату за проезд, де-факто приватизируя транспортные пути. Выход из подобной ситуации видится в строго скоординированных действиях политического, экономического, социального и силового порядка. Иными словами, нельзя развивать экономику страны, не решив принципиальных политических и военных вопросов.

Особую обеспокоенность ситуацией в ИРА вызывает та роль, которую играет территория ИРА в нелегальном наркотическом бизнесе, имеющем международный характер. Исходящая из ИРА наркоугроза стала ключевым фактором, определяющим политическую и социально-экономическую ситуацию в странах ЦА и России. Согласно докладу Международного комитета по контролю над наркотиками, «в 2010 г. количество афганских провинций, свободных от опийного мака, осталось прежним. Однако с учетом стремительного роста цен на опий существует риск того, что афганские крестьяне увеличат площадь посевов опийного мака

в 2011 г. Почти весь героин, предлагаемый на незаконном рынке наркотиков в европейских странах, поступает из ИРА». Эксперты утверждают, что во второй половине 1990-х годов «северный маршрут» транзита наркотиков был скорректирован: началось объединение криминальных группировок разных стран для создания транснациональных структур и раздела территорий. Второе за десятилетие серьезное изменение основных путей транзита наркотиков произошло после вторжения НАТО в ИРА, в котором до 2001 г. промышленного производства опиатов не было вообще. Показательно, что подавляющее большинство официально изымаемых на афганской границе наркотиков приходится на Таджикистан и Киргизию. Как показывают раскрытые сети, в нелегальную торговлю и транспортировку наркотиков включены представители органов государственной власти и силовики.

Известно, что даже в советское время, когда граница СССР в прямом смысле была на замке, район стыка границ Ирана, ИРА и Туркмении считался уязвимым. В настоящий момент маршрутов наркотрифика существует несколько. Территория Таджикистана в силу своего геополитического положения является одним из главных направлений транзита наркотиков в страны СНГ и Европы. Общая протяженность границы с ИРА составляет 1433 км. Из ИРА в Таджикистан проложено пять-шесть основных маршрутов перемещения наркотиков, тогда как через территорию Узбекистана непосредственно из Афганистана пролегает только один маршрут: Афганистан–Сурхандарьинская область–Ташкент–Казахстан–Россия.

Главный вывод из сложившейся ситуации следующий. Такие огромные потоки наркотиков возможны только через зоны слабого государства, зоны вооруженных конфликтов разной степени интенсивности, поэтому в интересах международных криминальных структур поддерживать нестабильность политических режимов стран региона. В ближайшие годы должна быть выработана и реализована скоординированная региональная (так как один на один страны ЦА с этим не справятся) программа комплексного развития ИРА и модернизации других государств региона. Она должна включать культурно-образовательные, информационные, социально-экономические, политические и силовые меры. Только в этом случае можно будет стабилизировать ситуацию в регионе в целом. Ситуация в странах ЦА непосредственным образом зависит от афганского фактора. Более того, ИРА будет оставаться одним из источников угроз национальной безопасности стран региона.

Влияние афганского фактора усугубляется сложностью внутривнутриполитических процессов в самом регионе, что ведет к неспособности взять на себя роль медиаторов и представить единый региональный подход к проблеме, а также сильнейшим влиянием США и НАТО. Последствия вывода коалиционных сил из ИРА во многом зависят от того, какое место бывшие советские республики готовы занять в афганском урегулировании, какие проекты сотрудничества страны ЦА готовы предложить. Но главное, готовы ли они отстаивать свой суверенитет или далее будут прятаться под «американским зонтиком».

*«Обозреватель-Observer»,
М., 2011 г., № 11, с. 109–119.*

**«ПАКИСТАН – СЛОЖНАЯ СТРАНА»
(Из интервью А. Асланян с британским
журналистом Анатолом Ливеном)**

В апреле 2011 г. вышла в свет книга известного британского журналиста Анатоля Ливена «Пакистан – сложная страна» («Pakistan: A Hard Country»). Ливен, проводивший несколько лет в Пакистане в качестве корреспондента газеты «The Times», является одним из крупнейших специалистов по Южной Азии; он – советник фонда «Новая Америка» по вопросам глобальной стратегии США и борьбы с терроризмом, профессор Лондонского университета, возглавляет кафедру международных отношений и исследований в области терроризма в Кингс-колледже. В конце 1990-х Ливен работал в Москве и с тех пор регулярно комментирует российские события в центральной британской прессе. С А. Ливеном беседовала Анна Асланян.

Анна Асланян: «Пакистан – сложная страна» – труд, основанный на вашем непосредственном опыте, включающий множество материалов, собранных вами за время, проведенное в Южной Азии. Книга воспринимается как попытка развеять ряд мифов о Пакистане, сложившихся благодаря западной прессе где его нередко называют «несостоявшимся государством». Пакистан принято сравнивать с Индией в пользу последней: проще говоря, в регионе свои «хорошие парни» и «плохие». Задача книги – восстановить справедливость в отношении Пакистана?

Анатолий Ливен: Подобная классификация стран – «хорошие»–«плохие» – слишком примитивна и потому доверия не вы-

зывает. Цель моей книги – попытаться разъяснить феномен Пакистана. Параллелей между двумя странами-соседями в книге немало. Пакистан в определенных вопросах похож на Индию: например, в том, как функционирует полиция, как устроена система традиций.

А.А.: В книге идет речь о том, что западная пресса часто подходит к Пакистану – и к другим «сложным странам» – с привычными мерками; примеры – такие понятия, как «закон», «полиция», которые, по мнению многих, должны «подчиняться установленным правилам, а не обсуждаться различными сторонами». Вы отмечаете, что одна из ошибок комментаторов состоит в преувеличении роли исламистов в Пакистане. Судя по результатам выборов, исламисты не обладают поддержкой большинства населения. Население объединяет антиамериканские настроения, основанные на причинах политических, а не религиозных. Один из ваших собеседников говорит: «Я не боюсь Талибана – я боюсь только США. Мы не за Талибан, но против Америки». Почему западные медиа придают столь большое значение исламизму?

А.Л.: Я вовсе не хочу сказать, что негативное отношение Пакистана к Америке оправданно полностью, но в какой-то степени – да, оправданно. Даже обычные пакистанцы, люди глубоко секулярные, критикуют определенные аспекты американской политики. Сильные антиамериканские настроения в Пакистане вызывает сама политика США. Разумеется, исламистам это чрезвычайно на руку – они всячески обыгрывают ситуацию, используя ее в своих интересах. Результаты выборов в Пакистане, отсутствие массовых общественных движений свидетельствуют о том, что исламизм в стране не пользуется поддержкой большинства. В связи с исламизмом следует отметить несколько вопросов, наиболее заметным из которых сегодня является проблема повстанческих движений и терроризма. Первые ограничены рядом пуштунских районов на границе с Афганистаном, тогда как второй, разумеется, распространен очень широко. Это, конечно, важная проблема; впрочем, не думаю, что она представляет серьезную угрозу государственного переворота. Другой аспект – существование в Пакистане множества различных религиозных группировок; в этом одна из причин того, что исламистские движения в стране не переросли в подобие «Аль-Каиды». Терроризм пакистанских исламистов во многих случаях направлен не против Запада или Индии, но против собственных сограждан-мусульман. Тут скорее прослеживается североирландский вариант: ислам против ислама. В-третьих, есть

группировки, созданные пакистанскими военными, целью атак которых является Индия; в последние годы, после теракта в Мумбаи, их деятельность поутихла. Наконец, имеется большое количество официальных исламистских политических партий. Словом, пакистанский исламизм – комбинация множества факторов; ничего похожего на объединенное движение вроде иранского тут нет...

А.А.: В вашей книге много говорится о роли военных в государстве. Создается впечатление, что вы слишком снисходительны к пакистанской армии – «единственной организации в стране, которая работает как следует».

А.Л.: Отмечу прежде всего следующее: пакистанская армия – учреждение относительно эффективно работающее, относительно справедливое, но все это лишь по сравнению с политическими партиями. Это мало о чем говорит, если принять во внимание общий уровень коррупции и некомпетентности. Причина того, что армия функционирует лучше, чем остальные организации, состоит в том, что она в немалой степени основана на системе продвижения согласно соответствующим достоинствам; в отличие от большинства экономических и политических организаций, она не основана целиком на связях и благосостоянии. Армия, где действительно присутствует меритократия, – организация вполне современная. Конечно, стать таковой она смогла в результате того, что за прошедшие годы ей удалось извлечь из государства огромные деньги – непропорционально большую долю госбюджета. Именно так армия превратилась в силу, эффективно действующую, модернизированную. Как видите, у данного явления как минимум две стороны. Армия хорошо работает лишь тогда, когда ее усилия направлены на задачи сугубо военные. Но едва у военных появляется возможность управлять всем государством, они начинают работать точно так же, как любое другое правительство. Ведь вся политическая и административная система в стране построена на родственных связях и покровительстве.

А.А.: Как изменилось Ваше мнение о Пакистане после смерти Усамы бен Ладена?

А.Л.: В целом оно не слишком изменилось. Единственное, что я пересмотрел бы, – роль пакистанских органов безопасности, в частности их связи с «Аль-Каидой». Я писал о том, что ИСИ (секретная служба Пакистана) способствовала, пусть неумело и не в полную силу, борьбе с «Аль-Каидой»: их стараниями был арестован ряд лиц, связанных с этой организацией. Разумеется, после смерти бен Ладена возникает множество новых вопросов относи-

тельно реального положения дел. Наибольшую тревогу, на мой взгляд, по-прежнему вызывает возможность распространения исламистского экстремизма в пакистанских вооруженных силах. Он присутствует, но в ограниченной степени – иначе армии не удалось бы бороться с Талибаном. Предупреждение, которое я пытался сделать в книге, касается следующего: если Америка будет продолжать существующую политику, она рискует вызвать еще большее недовольство среди пакистанских военных. Это может привести к восстанию в армии, и, если такое случится, тогда Пакистану действительно конец. Единая исламистская революция там не произойдет, но страна развалится, а это, как мы наблюдали на примере других мусульманских государств, превратило бы весь регион в идеальную базу для терроризма.

А.А.: Помимо параллелей между Пакистаном и Индией, вы приводите сравнения с другими странами, включая Россию. Ваши комментарии по поводу последней тоже нередко идут вразрез с мнениями большинства западных комментаторов и воспринимаются как попытка раскрыть глаза заблуждающимся. Так, в феврале 2006 г. вы писали: «Прежде, чем критиковать направо и налево взгляды мистера Путина, следует признать, что при Б. Ельцине Россия, несомненно, двигалась лишь в одном направлении – к потенциально разрушительной псевдомократии по-филиппински, к безжалостному правлению олигархических кланов. Возможно, мистер Путин не достигнет своих целей, однако модель, к которой он стремится, никак не может быть хуже филиппинской». В декабре 2010 г. на страницах «Financial Times» вы говорили о «великом достижении Владимира Путина, президента, а впоследствии премьер-министра, которому удалось внести некую долю порядка в этот хаос».

А.Л.: Я работал в России в 1990-е годы и, должен сказать, разделял тогдашнее мнение большинства россиян, что определенный порядок необходим и добиться этого «красивыми» методами без привлечения служб безопасности не удастся. Итак, в некотором смысле эта цель была достигнута. Однако в последнее время моя точка зрения изменилась. Путинская модель, на мой взгляд, пережила собственную полезность. Она принесла с собой заметную долю коррупции, которая мешает России двигаться вперед. Проводимая в последние годы политика внесла вклад в утечку из страны и капитала, и мозгов. Я считаю, что Путину пора уходить, а систему, им созданную, нужно коренным образом реформировать.

А.А.: В сентябре 2010 г. вы писали: «Путин гораздо более подходит на роль российского лидера, чем Медведев. С другой стороны, Медведев – фигура гораздо более привлекательная для западной аудитории».

А.Л.: Разумеется, Медведев мне куда симпатичнее, чем его предшественник. Надо сказать, ему симпатизирует и значительная часть населения России – главным образом люди молодые, современные, продвинутые, профессионалы, бизнесмены. Но ведь речь идет о стране достаточно старой, с высокой долей пожилого населения... Это поколение не следует сбрасывать со счетов... им не слишком нравится Медведев – его возраст, его ориентация на западные ценности. Старшее поколение россиян враждебно относится к радикальным реформам из-за того, что ему пришлось пережить в конце 1980-х.

* * *

Кирилл Кобрин,
редактор журнала «Неприкосновенный запас»
СЛОЖНЫЙ МИР: НА ПОЛЯХ КНИГИ
АНАТОЛЯ ЛИВЕНА, ИЛИ КАК МЫ ДУМАЕМ

Начну этот текст сразу с нескольких отрицаний. Во-первых, я не являюсь ни специалистом по Пакистану, ни востоковедом, ни экспертом по так называемому «международному терроризму». (Причем, как мне кажется, две первые профессии действительно, что называется, «реальные», последняя же есть порождение довольно странного, но очень распространенного заблуждения, согласно которому существует этот самый «международный терроризм» как феномен – а не как наше сознательно неточное обозначение совокупности самых разнообразных феноменов. Попытаюсь проанализировать книгу А. Ливена как одно из любопытных проявлений современного западного мышления; мышления о том, что – опять-таки очень неточно – можно назвать «Востоком». В отличие от некогда предложенного Эд. Саидом подхода, я не намерен обвинять кого-либо в нарочитой предвзятости и уж тем более – в неокOLONиалистских поползновениях. Речь, скорее, идет о предпринятой в работе Ливена попытке понять то, что пока не получается понять, продемонстрировать сложность того, что кажется простым и вполне однозначным. Не зря же эта книга имеет подзаголовок «Сложная страна».

Во-вторых, сочинение А. Ливена не проходит ни по одному из «жанровых ведомств». Это ни в коем случае не «книга эксперта» – автор не претендует на сверхглубокие познания в предмете, выходящие за пределы богатого журналистского опыта. Но это и не «журналистская книга», лишь иногда Ливен ссылается на свой опыт общения с пакистанцами разных социальных и этнических групп. Собственно, перед нами очень длинное (500 страниц!) «эссе», в том значении этого слова, как его понимали в XIX в. Почти никаких вольностей Ливен себе не позволяет, если не считать периодические обращения к читателю в духе романов того же XIX в., да его комментариев к главе, посвященной пакистанской юридической системе: «Перечитав эту главу, я почувствовал, что она нуждается в некоторой коррекции». Ничего, кроме горячего одобрения, такие попытки авторефлексии в книге, предмет которой является одним из главных материалов для бессмысленных идеологических манипуляций, не вызывает. Вторая часть авторского заявления о намерениях, помещенного на суперобложке, – «И почему предмет книги должен быть столь важен для нас» – очевидна, особенно после того, как через месяц после выхода в свет сочинения Ливена в «сложной стране» был убит Усама бен Ладен.

В-третьих, в книге Ливена (и здесь я скажу «увы») не обошлось без (несколько избыточно представленной) «априорной идеи». Иными словами, автор еще до того, как начать излагать собранный им материал и предлагать читателю собственные соображения по этому поводу, решил, что одной из главных задач будет доказать: «Пакистан ничуть не хуже Индии».

Здесь перед нами частое проявление своего рода «стокгольмского синдрома» у исследователей даже самого неприглядного (а Пакистан вполне «пригладен», как и любая другая страна в мире) материала: стремление «защищать» объект изучения; не обязательно «приукрашивать» или даже «воспевать», а просто «защищать» – в том смысле, что, мол, да, это – ужасно, но посмотрите вокруг, там тоже дела обстоят не лучшим образом. В случае Пакистана это самое «вокруг» фокусируется в названии главного политического регионального соперника (если не сказать врага) – Индии. Как справедливо отмечает Ливен, Индии уже несколько десятилетий как досталась роль «хорошего парня», Пакистан же – несмотря на его союзы с США и поддержку («хороших» тогда) афганских моджахедов против «плохого» СССР – всегда «плохой».

С точки зрения западного общественного мнения это вполне объяснимо: тут и дикие жестокости, творимые в отношении женщин, и мутные связи местных спецслужб с исламскими экстремистами, и еще более мутная их роль в терактах на территории Индии, и двусмысленная политика в отношении талибов, и атомная бомба, и национальность террористов, взрывающих лондонские автобусы и метро, и, наконец, бен Ладен, тихо-мирно живший на приятном пакистанском курорте, в 500 м от пакистанской военной академии. Ливен довольно пылко пытается развеять эту «черную легенду». Нередко после абзаца, повествующего о негативных для «образа Пакистана» вещах, читатель найдет в скобочках замечание «и в Индии так же». Таким образом, похвальное стремление к объективности превращается в довольно назойливую генерализацию. Если в отношении Пакистана никаких «ориенталистских» (в употреблении Эд. Саида) обобщений автор почти не позволяет, то вот соседям этой страны в этом смысле не везет. Вместе с тем подобный подход понятен: стремительно экономически развивающаяся Индия и довольно скромный в этом плане Пакистан так и напрашиваются на игру в «беспристрастные оценки». Только вот стремление к беспристрастности, зашкаливая, приводит к самой настоящей пристрастности.

Теперь о том, что в книге Анатоля Ливена есть, – а этого здесь гораздо больше, чем «нет». Итак, «как работает Пакистан». Чтобы описать эту систему, автор строит свое сочинение следующим образом. «Пакистан – сложная страна» состоит из четырех объемных частей и небольшого «Заключения». Любопытно, что «Введение», имеющее важный подзаголовок «Понять Пакистан», является первой главой первой части «Земля, народ и история». Это, на мой взгляд, довольно важно: вся, если угодно, теоретическая часть, более того – почти все выводы и умозаключения даются в сжатом виде в самом начале книги.

Остальные три раздела таковы: «Структуры» (главы «Юстиция», «Религия», «Военные», «Политика»), «Провинции» («Пенджаб», «Синд», «Белуджистан», «Пуштуны» – последнее, конечно, не провинция, а народ, но, как явствует из повествования, он стоит любой провинции), «Талибан» («Пакистанский Талибан», «Победить Талибан?»). Затронуты все главные болевые точки пакистанской истории и современной жизни: наличие на территории страны сразу трех систем судопроизводства (обычного права, шариата, государственной системы юстиции); ислам (и все его политические, социальные и культурные импликации); огромная роль ар-

мии и спецслужб; особенности пакистанской политики (именно здесь, по мнению Ливена, западные журналисты и «эксперты» чаще всего попадают впросак, пытаясь отделить «хороших парней» от «плохих»); региональное деление страны, о которой нередко говорят, что она находится на грани распада; самая негативно окрашенная (в западном же общественном сознании) пакистанская этническая группа; наконец, так сказать, на сладкое – волшебное слово «Талибан». Все это вместе, по мнению Анатоля Ливена, демонстрирует, «как работает Пакистан».

Основным же принципом «работы» negotiated state, как называет автор Пакистан, является принцип «договоренностей». Если верить Ливену, в Пакистане договариваются (вынуждены договариваться) все: кланы, оказавшиеся в состоянии вражды; кланы и местные джирги (советы старейшин или знатоков обычного права), разбирающие стычки кланов; муллы и толкователи местных обычаев, полиция и все вышеперечисленные, судьи с адвокатами, политики, государственные органы и так далее.

У Пакистана нет ясной структуры – государственной, правовой, даже социальной; каждый из акторов пакистанской жизни имеет весьма ограниченное влияние на ограниченном поле, но это влияние постоянно. В этом «хаосе», по мнению автора, есть система, он не является чем-то временным, он постоянен и является гарантом ползучей устойчивости пакистанского государства. В основе всего лежит традиционный характер устройства жизни и организации значительной части общества – особенно это касается пуштунов, у которых родоплеменная структура наиболее сильна. «Государство» в таком случае воспринимается как нечто внешнее, сила, с которой следует договариваться. Особенно это проявляется в области права и судов – пакистанская юстиция славится своей медлительностью, коррупцией и неэффективностью, но, как указывает Ливен, у жителя страны довольно часто есть выбор: он может попытаться добиться справедливости в местном совете старейшин либо в шариатском суде. Обычный пакистанец не любит, боится и презирает государственное судопроизводство – джирга или мулла рассудит быстрее. В конце концов, все три системы права, существующие отдельно, создают довольно устойчивую конструкцию.

Из этого рассуждения Ливена следует несколько интересных вещей. Во-первых, многие изуверские жестокости делаются не по решению государственного суда (это вообще исключено; в стране введено законодательство, основанное еще на британском кодексе)

и даже не по приговору шариатского, а постановлением обычного права. К примеру, именно в пуштунской традиции коренится обычай компенсировать обиду одного рода, передавая ему в рабство девочек из другого. На фоне такого рода «заветов предков» шариат выглядит вполне приемлемым, как отмечает А. Ливен. Во-вторых, популярность пакистанских талибов во многом объясняется тем, что главным их требованием является введение шариата как единственного закона в стране, а это выглядит привлекательным и для жертв местного права, и для недовольных государственным.

В общем, Ливен считает глубоко неверным описывать Пакистан и пакистанское общество с помощью понятийного аппарата, созданного на материале (и для описания) западных государств и обществ. Ливен показывает, как военные диктаторы (особенно генерал Мушарраф) пытаются проводить курс, который скорее укладывается в понятие «либерализм», нежели политика «демократических» З.А. Бхутто или Н. Шарифа. «Движение судей», свергнувшее режим Мушаррафа (и расшатывающее сейчас президентское кресло под Асифом А. Зардари), оказывается вовсе не «демократическим» и уж совсем не «прозападным». И дело не в какой-то там особенной глупости и наивности западных экспертов, а в том, что в данном случае вообще не работают никакие универсальные понятия и универсалистские представления. Перед нами тот случай, когда следует решительно пересмотреть теоретические подходы. Главная мораль, которую можно вывести из книги «Пакистан — сложная страна», — универсальные ориенталистские представления «Запада» о так называемом «Востоке» совершенно не работают (в отличие от самого Пакистана, который как раз удивительным образом существует, «работает»). Причем не работает как старый универсалистский подход — «Восток есть нечто особое, вечное и живущее по установленным от века законам», так и новый, «прогрессивный», «постколониальный» — «Восток — это тот же Запад, в котором только надо немало подправить, но мы сделаем это, ведь знанием необходимых мер обладаем мы». Книга Ливена демонстрирует: к каждому отдельному случаю следует подходить особым образом, выстраивая нечто вроде «понятий по договоренности», *negotiated terms*, имеющих чуть ли не одноразовое использование. Получается, что «государство и общество договоренностей» можно описывать только «языком, каждый раз возникающим по договоренности».

Здесь неизбежно возникает проблема сравнительного анализа – и вообще аналогий, как исторических, так и публицистических. То, как функционирует Пакистан, неизбежно наводит на множество и первых, и вторых. В этом я вижу огромную опасность для нашего мышления. Скажем, будучи немного знаком с политикой английской короны в завоеванных частях Уэльса и Ирландии в XII–XVI вв., могу точно сказать, что отношения государственной судебной системы Пакистана с местными обычаями сильно напоминают то, что установил, к примеру, Эдуард I в «Валлийском Статуте» 1284 г., – да и вообще любую практику такого рода в колонизируемых окраинах острова Британия и на соседнем «зеленом острове». Более того, рассуждения А. Ливена о том, что именно традиционалистский характер многих сообществ, населяющих Пакистан, является, как ни странно, залогом устойчивости чуть ли не хронически кризисного государства, почти дословно повторяют тезис специалистов по истории независимого «Исконного Уэльса» (Native Wales, Рига Wallia) о том, что родоплеменной, традиционный характер валлийского общества был не только причиной слабости местных правителей, но и их силы. Такое общество «выталкивает» чуждые элементы, сопротивляется само, «несимметрично» отвечает на попытки завоевания.

Однако это столь напрашивающееся сравнение терпит полный крах, стоит ознакомиться с фактами поближе. Прежде всего, случай Уэльса проще в этническом отношении; Пакистан населен самыми разными народами, к тому же никто его не собирается завоевывать. В последнем случае речь идет о некоей разновидности своего рода «внутреннего колониализма», а в качестве «колонизатора» выступают собственная же бюрократия и часть элиты. Более того, не все пакистанские этнические группы живут в мире родоплеменных отношений (самый яркий пример – мохаджиры, потомки эмигрировавших из современной Индии мусульман, их вообще сложно назвать «народом» из-за мультиэтнического происхождения, но они играют большую роль в пакистанской политике и экономике). Наконец, по сравнению со средневековым Уэльсом, здесь есть еще один фактор, быть может, один из наиболее важных, – ислам. Здесь и противоречия между суннитами и шиитами, и роль фундаменталистов (в частности, талибов), и страх перед «христианским миром» и Израилем, и вражда с индуистской Индией.

Что же до публицистического сравнения, то я так и вижу отечественного «властителя дум», пламенного трибуна политиче-

ской журналистики, который указывает на сходство множества «болезней» у России и Пакистана: от коррупции до тотальной дискредитации системы судопроизводства и охраны порядка, от бесплодных попыток «модернизации» до чудовищно раздутой роли спецслужб и прочая, и прочая, и прочая. Ливен не только о Путине писал статьи, он сочинил целую книгу под названием «Чечня – надгробие российской державы» (1998); думаю, именно это знание, почерпнутое им, в частности, во время журналистской работы в России, не позволяет ему предаваться столь пошлому занятию, как сравнению всего со всем.

Но вернемся к главной теме этого сочинения. За книгой Ливена стоит не решенный уже несколькими поколениями западных политиков, журналистов и – увы – «экспертов» вопрос: что же нам делать с Пакистаном? Дружить или враждовать? Помогать или вводить санкции? Опыт 60 с лишним лет богат всеми вышеперечисленными вариантами ответов; и ни один из них не оказался правильным. На самом деле, то, что кажется промежуточным, переходным периодом от тяжелого колониального прошлого к светлому рыночно-демократическому будущему, есть на самом деле просто способ существования определенных обществ и (довольно часто случайно, как в случае Пакистана, сложившихся) государств. Так они «работают» – и никак иначе. Ведь стоит под несколько иным углом взглянуть на вполне благополучную Чехию или еще более благополучную Францию, и мы увидим, как здесь все хаотично, непредсказуемо, не соответствует формальному закону и так далее. Каждая страна, каждое общество – «вещь в себе», отдельный объект наблюдения, требующий своего подхода.

Вторая причина эпистемологической ошибки заключается в той роли, которая отведена знанию, точнее – знанию о какой-то (любой) стране. В рамках западной «экспертотократии» это знание носит не только прикладной (и, вспоминая Эд. Саида, неизбежно ориентализирующий) характер, само оно возникает из некоего внешнего заказа; этот заказ, в сущности, и определяет ответы на все вопросы, которые сам задает. Пакистан – угроза. Значит, надо выяснить, что же такое, этот Пакистан. Нанимаются эксперты, которые на разный лад говорят одно и то же: «Пакистан, несомненно, угроза!» «Понятно, – думает заказчик, – я так и знал». В этой замкнутой системе никакое подлинное знание о чужой стране и чужом обществе невозможно; именно поэтому А. Ливен жалуется на скудость работ по антропологии пакистанских народов и социологии пакистанского общества. Тут, кстати говоря, есть разни-

ца и с колониальным периодом: колонизатору нужно было конкретное знание, чтобы эффективно управлять, сегодня для Запада знание о бывших колониях нужно, чтобы как-то относиться к ним, чтобы втиснуть их в нехитрую дуальную схему «хорошие парни vs. плохие парни».

В этом смысле книгу А. Ливена можно рассматривать как полубессознательную попытку взяться за разрушение не только западных стереотипов в отношении Пакистана, но и отрефлексировать само это отношение. Конечно, автор не ставит перед собой никаких теоретических целей, он намеренно «прагматизирует» свое повествование, старается избежать обобщений, но в то же время увидеть в хаосе систему, механизм. Однако то, как изложенные им факты слабо соотносятся с устоявшимися мнениями по поводу пакистанского общества и государства, отдельность и независимость фактов от внешнего отношения к ним заставляет задуматься о самом этом отношении, его истоках, механизмах и последствиях. В коротком заключении Ливен предлагает нам целую россыпь разнообразных «экспертных» советов и прогнозов. Часть из них кажется вполне разумной (вроде идеи сотрудничества, а не соперничества США и Китая в помощи Пакистану или рассуждений о том, что распад этой страны стал бы тяжелейшей региональной катастрофой, от которой пострадает даже враждебная Исламабаду Индия), но только в рамках той системы «отношения Запада к Пакистану», которую сам же автор объективно ставит под вопрос.

И все же, завершая книгу, А. Ливен делает два весьма символических замечания. Первое касается того, что главная угроза стране – даже не талибы или слабость центральной власти, а экологическая катастрофа, связанная с наводнениями и засухами (результат изменения климата). Вряд ли кто-то, кроме специалистов, может оценить эту угрозу, но сам факт того, что разговор выходит за рамки «мы vs. они» и «что нам делать с ними», очень символичен. Наконец – если уж говорить о новых элементах и факторах – в заключение цитируются несколько секретных американских дипломатических депеш, обнародованных «Wikileaks». Организация Ассанжа играет здесь очень важную роль: она как бы не «за» и не «против» кого бы то ни было в местном раскладе сил, «Wikileaks» – своего рода Природа, которая устраивает неприятности, обнажая пороки государственных и прочих структур. И в конце концов выясняется, что наш мир гораздо сложнее и интереснее, чем это кажется в Вашингтоне или Пенджабе.

«Неприкосновенный запас», М., 2011, № 5, с. 178–195.

Т. Бадамшина,

востоковед

РОЛЬ ИСЛАМА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ. «НУРДЖИСТЫ» И ИСЛАМ, «НУРДЖИСТЫ» И ВЛАСТЬ

В последние десятилетия в мировой политике все большее значение приобретает исламский фактор. Турция является одной из немногих мусульманских стран, в которых ислам отделен от государства. Но несмотря на то, что Турецкая Республика – светское государство, ислам остается одним из главных сюжетов в картине его политической жизни. Стремление кемалистов ограничить сферу религиозного влияния частной жизнью граждан на практике удалось осуществить только в столице и крупных городах. Ситуация 50-х годов XX в. указывала на то, что реформы лишь поверхностно затронули большинство сельского населения, продолжавшего в массе своей ориентироваться на традиционные исламские предписания. Используя принуждение как главный инструмент, республиканские лидеры оттолкнули от себя значительную часть населения, придерживавшегося консервативных взглядов. Поэтому не случайно, что в этот период симпатии многих оказались на стороне политических партий, заявивших в своих программах о верности исламским идеалам.

Ограничение в отправлении в стране религиозных обрядов привело в конечном счете к оживлению нелегальной деятельности различного рода сект, орденов, обществ. В начале 70-х годов XX в. исламисты выделились из рядов правоцентристских партий и образовали свою первую самостоятельную политическую организацию – Партию национального порядка. Результат деятельности исламских партий с 90-х годов XX в. по настоящий момент показывает, что Турция находится на пути к модернизации. Запад уже не смотрит с предубеждением на Партию справедливости и развития, которая преследует цель развития взаимопонимания ислама с модернизмом. Об этом свидетельствует и программа правительства, провозглашающая целью развитие сотрудничества с Западом.

Политический ислам в Турции объединяет организации, союзы, секты и группы, цель которых состоит в достижении порядка, основанного на нравственных законах и догматах ислама. Движение политического ислама в широком смысле – это и опора для беззащитных, и инструмент социального контроля над политикой и другими сферами жизни. Зона ислама в Турции представ-

ляет собой множество автономных, но при этом все же связанных общей идеей субъектов. Так, секты накшбенди, сулейманджи, нурджу, являясь обособленными структурами, со своими характерными признаками, говорят при этом на одном языке – языке ислама.

Внутри исламского движения происходят постоянные колебания от солидарности к размежеванию и в обратном направлении. Расширение спектра участников исламского движения есть следствие демократизации, развития рыночных отношений, результат распространения альтернативных учений, а также роста образовательного уровня. Определяющей тенденцией эволюции ислама в Турции является религиозный плюрализм.

Мусульманские ордены, общества и группы являются вторым по важности влияния фронтом противостояния политического ислама светскому режиму. Действовавшие совсем еще недавно подпольно, эти ордены и общества вновь легализованы, в их распоряжении – тысячи мечетей, сотни религиозных вакуфов, приюты, интернаты, школы, земельные участки.

Наиболее активную деятельность в последние годы ведут орден накшбенди, религиозные общества нурджистов, сулейманистов, приверженцы «национального взгляда». Наиболее влиятельным является объединение «Нурджулар», возглавляемое Фетхуллахом Гюленом. Турецкая религиозная секта «Нурджулар» была основана после Первой мировой войны муллой, курдом по национальности Саидом Нурси, проповедовавшим установление в Турции шариатского правления. После развала Османской империи и прихода к власти в 1920-х годах светского правительства М.К. Ататюрка деятельность религиозных орденов была запрещена. Действия С. Нурси по пропаганде радикального ислама и созданию законспирированных по суфийскому образцу религиозных ячеек «учеников» шли вразрез с новыми законами, поэтому на протяжении всей жизни он преследовался властями – более 23 лет провел в тюрьмах и ссылках, умер в марте 1960 г. Прокуратурой Турции неоднократно инициировались судебные иски о запрете книг С. Нурси и привлечении его к уголовной ответственности.

После смерти С. Нурси его ближайшими учениками в городах Турции были организованы курсы по изучению собрания его сочинений «Рисале-и Нур», которые переписывались от руки. В 1970 г. радикальные идеи С. Нурси по установлению шариата активно стал проповедовать имам мечети в Измире Фетхулла Гюлен Хаджи эфенди. В связи с этим он неоднократно привлекался к

уголовной и административной ответственности. В соавторстве с другими последователями С. Нурси Ф. Гюлен издал устав «Рисале-и Нур», регламентирующий все сферы жизни адептов, необходимость применения ими мер конспирации. Активная миссионерская деятельность Ф. Гюлена послужила толчком для создания вокруг него мощной, вертикально структурированной организации его последователей, ориентированных на наследие С. Нурси и написанных самим Ф. Гюленом произведений. Модель развития ячеек «Рисале-и Нур» под его кураторством с начала 70-х годов имеет ряд характерных особенностей, не присущих прямым последователям С. Нурси. В настоящее время она возглавляется М. Сунгуром и дистанцируется от последователей Ф. Гюлена. Ей характерны четкая иерархичность, строгая дисциплина, наличие тайного устава, нацеленность на СМИ и банковские структуры.

В турецких газетах отмечается, что «звезда Гюлена» начала сиять при Тургуте Озале, при покровительстве и поддержке которого были осуществлены важные капиталовложения в созданные «нурджистами» просветительские учреждения. Гюлен все более выходил на первый план как звезда делового мира и мира просвещения. Полиция не долго оставляла его без внимания. В 1971 г., будучи проповедником в одной из мечетей Измира, Фетхулла Гюлен был осужден на три года за деятельность, направленную на создание в Турции государства, основывающегося на религии, – речь шла об активизации ордена «Нурджу». В приговоре отмечалось, что «одной из целей “нурджизма” было показать Ататюрка молодому поколению как врага религии», создать режим, опирающийся на религию. 13 сентября 1980 г. военные предприняли попытку вновь его арестовать, но Гюлену удалось скрыться из Измира в Эрзурум. Ф. Гюлен был упомянут в списке разыскиваемых, который был опубликован в 1985 г., уже после прихода к власти гражданского правительства Тургута Озала. Наконец, в 1986 г. Фетхулла Гюлен был задержан силами безопасности, однако по инициативе высших должностных лиц (возможно, самого Озала) был освобожден.

Присутствие структурных звеньев «Нурджулар» в странах Евразии рассматривается Турцией в качестве одного из способов усиления политического и экономического влияния республики в данных регионах. Официальные представители США придерживаются такой же позиции. Лидер секты Ф. Гюлен, продолжая с 2000 г. скрываться в США, активно сотрудничает с ЦРУ, ФБР и Госдепартаментом. Известно, что в июле 2000 г. Р.Т. Эрдоган на-

вестил Ф. Гюлена в США, после чего ПСР стала получать серьезную поддержку со стороны последователей движения нурсистов. В своем интервью с журналистом газеты «Заман» Ф. Гюлен, определив Р.Т. Эрдогана как «успешного лидера», в целом одобрил политический курс ПСР.

Секта финансируется крупными турецкими предпринимателями, среди которых преобладают последователи идей Ф. Гюлена. Она также пользуется негласной поддержкой турецкого правительства. Денежные средства поступают как за счет пожертвований, так и от финансово-экономической деятельности принадлежащих ей различного рода фирм, банков, холдингов и т.д. «Нурджулар» хорошо обеспечена, пользуется широкой поддержкой арабского мира.

Более того, секта активно получает средства от подконтрольной ей торгово-промышленной компании «Ихлас холдинг», в состав которой входит информационное агентство «Ихлас хабер ажансы» (ИНА). Руководство холдинга не скрывает своих крайне правых взглядов, связей с исламскими организациями страны. Основными ретрансляторами информации ИНА являются принадлежащие ей еженедельная газета «Тюркие» и телеканал TGRT. Наряду с «Нурджулар» эта компания также материально поддерживала деятельность исламской Партии добродетели и правой Партии националистического движения.

Турецкая пресса неоднократно писала о том, что «Нурджулар» уже давно олицетворяет «исламистский капитал» Турции, который составляет около 30% ее экономики. Этот капитал контролирует телеканал «Саман Йолу ТВ», издательский комплекс «Хакикат Китаб ЭВИ», ему принадлежат газеты «Сызынты», «Зафер». Секта владеет медиахолдингом «Заман», издающим одноименную газету. Таким образом, одной из особенностей нурджистов при распространении их идей является внимание к СМИ и сильная позиция в этой сфере.

Развитие сетевых ячеек «Нурджулар» в условиях полуподпольной работы и давления со стороны государства привело к формированию своего рода спецслужбы. Секта занимается сбором информации в политической, экономической, межконфессиональной и других сферах в регионах и государствах, где проживают тюркоязычные народы, использует методы конспирации, осуществляет внедрение и дальнейшее продвижение своих адептов в органы власти и управления как Турции, так и СНГ, в том числе России. Официальной задачей «Нурджулар» заявлено проведение так

называемой рекламы Турции за рубежом путем ведения преподавательской деятельности. В действительности указанная структура стремится создать протурецки настроенную прослойку российского общества, которая в перспективе будет формировать «турецкое лобби». В этих целях данная структура оказывает существенную финансовую поддержку выезжающим в Россию турецким бизнесменам, на которых затем возлагается обязанность отстаивать интересы «Нурджулар».

В настоящее время существует реальная и близкая перспектива возвращения в Россию сотен мусульман-проповедников, ранее направленных под эгидой «Нурджулар» и других исламских организаций (без какого-либо контроля и участия со стороны государства) для подготовки в зарубежные исламские центры и религиозные учебные заведения. Как правило, их обучение носит ярко выраженную антироссийскую направленность, преследуя цель объединения всех мусульман для противодействия «экспансии России на истинно исламской территории». Большая часть из них, по-видимому, вернется назад с четко оформившимися установками на захват лидирующих позиций в мусульманских общинах и организациях и проведение антиконституционной деятельности. Уже сейчас это вызывает серьезные опасения, в том числе у значительной части официального духовенства и верующих, поскольку может привести к разрушению единства российских мусульман, размежеванию мусульманских общин по национальному признаку.

В 1997 г. правительство М. Йылмаза приняло решение об усилении ответственности за нарушение «кодекса о ношении светской одежды и участии в происламских митингах». Ряд мусульманских орденов и происламских организаций был распущен. Прокуратура охарактеризовала действия «Нурджулар» как направленные против конституции Турции, в связи с чем в 1999 г. вынесла постановление о запрете на ее деятельность. В стране резко сократилась численность религиозных учебных заведений.

В свою очередь, в военном руководстве страны были проведены кадровые перестановки. Невзирая на ранги и звания, из состава вооруженных сил были уволены свыше 170 офицеров. Тем не менее, несмотря на ограничения, наложенные в Турции на деятельность секты как угрожающей светским устоям государства, «Нурджулар» продолжает пользоваться негласным покровительством высоких государственных и политических деятелей Турецкой Республики. При этом, поощряя и направляя «просветительскую»

деятельность секты за пределами Турции, где «Нурджулар» реализует идею тюркского превосходства и необходимости объединения исламского мира под эгидой Анкары с конечной целью создания «чистого государства» на основе «просвещенного шариата», власти Турецкой Республики одновременно преследуют цель снижения активности секты в собственной стране.

В 2000 г. федеральным прокурором страны Ф. Гюлену было предъявлено обвинение в попытках изменения конституционного строя Турции. Неоднократные апелляции (последняя в октябре 2007 г.) отклонялись из-за позиции турецкой прокуратуры. Однако деятельность секты, осуществляемая за пределами Турецкой Республики, признана правительством страны полезной с точки зрения реализации стратегических задач Турции и доктрины пантюркизма. С приходом к власти правительства Р. Эрдогана позиции «Нурджулар» на территории стран проживания мусульманских и тюркоязычных народов значительно усилились. Внесены поправки в турецкую конституцию, на основании которых в мае 2006 г. Ф. Гюлен был частично оправдан.

Особое внимание «Нурджулар» уделяет пропаганде исламских и пантюркистских идей в различных странах путем создания подконтрольных светских и религиозных учебных заведений различного уровня. Секта уже длительное время активно «осваивает» территорию целого ряда государств Центральной Азии, Закавказья, субъектов Российской Федерации, где проживают тюркоязычные народы.

Следует отметить, что ислам остается важнейшим элементом влияния на общество и политику в целом. Он сохранился и развился в форме орденов, сект и поклонения духовным лидерам — шейхам. Эти ордены и секты в той или другой степени влияют на политику страны через своих представителей в партиях и меджлисе страны, как, например, объединение «Нурджулар». Вместе с тем возрождение религии и национальных традиций, которое происходит сейчас в Турции, идет одновременно с эрозией привнесенных в свое время кемалистами западных ценностей, с дискредитацией светской государственной элиты, с обострением в стране социальных противоречий, для решения которых у большинства политических деятелей Турции отсутствуют любые концепции.

Таким образом, политизация ислама давно стала реальностью в среде турецкого населения. Можно также констатировать, что сторонники политического ислама в виде различного рода групп и обществ ведут активную деятельность и за пределами

Турции, не разрывая связей с официальным политическим исламом, представленным политическими партиями.

Как бы то ни было, но попытки привести государственную структуру в соответствие с европейскими нормами, стремительно развивающееся гражданское общество и расширяющийся рынок создали импульс для заключения нового общественного договора, предполагающего уважение этнических и религиозных различий. Ислам для многих обездоленных турок и курдов остается единственным прибежищем, возможной средой сосуществования и источником жизненных правил.

Будущее Турции и ислама в Турции, как и в других мусульманских государствах, во многом будет зависеть от хода противостояния между защитниками авторитаризма и собственных привилегий и лишенным привилегий большинством, стремящимся к социальной справедливости. Язык ислама, лежащий в основе турецкого общества, будет продолжать играть важную роль в процессе эволюции истинно национального характера.

Трудно предсказать, по какому конкретно пути пойдет в дальнейшем развитие турецкой политической системы, однако совершенно ясно, что исламские политики заняли в ней постоянное место. Уже невозможно представить, чтобы они были исключены из политической жизни или чтобы сама их деятельность рассматривалась как преступная. Сегодня Турция вступила в качественно новую фазу развития, и возврат к тому, что было характерно для ранних лет республики, уже невозможен.

*«Турция после референдума 2010 года»,
М., 2011 г., с. 26–33.*

К. Краснов,
политолог (РУДН)

ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН

Процесс принятия политических решений в Исламской Республике Иран (ИРИ) характеризуется большой сложностью, что в значительной степени обусловлено участием в нем целого ряда высших государственных институтов. Это делает процесс принятия внешнеполитических решений в Иране уникальным в своем роде явлением. Подчас именно поэтому возникают непредвиденные внешнеполитические осложнения и трудноразрешимые

проблемы, с которыми Иран неоднократно сталкивался после революции 1979 г. Тем не менее это также сделало прогнозирование внешнеполитических шагов Тегерана чрезвычайно сложным для его соперников.

Можно говорить о том, что в современном виде система управления страной существует с 1989 г., когда были приняты поправки к Конституции ИРИ. В рамках этой системы в процессе принятия решений параллельно участвуют как институты, цель которых закрепить руководящую роль духовенства, – Ассамблея по определению государственной целесообразности (Ассамблея по целесообразности (АЦ), перс. Маджма-йе ташхис-е маслахат-е не-зам), Наблюдательный совет (НС, перс. Шоура-йе негахбан), так и институты, члены которых избираются на всеобщих выборах (Парламент, перс. Меджлис), Совет экспертов (СЭ, перс. Маджлес-е хобреган-е рахбари).

В сфере внешней политики и международных отношений в процессе принятия решений участвуют как органы, организационно входящие в структуру Правительства (Совет министров, МИД, Администрация Президента), так и религиозно-иерархические (АЦ, НС, СЭ и др.). Эти органы управления, отличные друг от друга, создают многоуровневую систему сдержек и противовесов, в которой и проходит процесс обсуждения и принятия решений. Центром этой системы является институт Лидера (Рахбара) ИРИ. Кроме того, важными частями этой системы являются Министерство иностранных дел (МИД), Высший совет национальной безопасности (ВСНБ, перс. Шоура-йе али-йе амнийат-е мели), Президент ИРИ. На этот процесс в индивидуальном порядке также оказывают влияние и отдельные акторы. Их влияние является неофициальной, но важной частью процесса принятия решений.

Внешняя политика Исламской Республики является результатом комплексных, многосторонних взаимодействий между различными политическими акторами. Они включают в себя как органы государственной власти, так и отдельных влиятельных представителей политической элиты. Силы, участвующие в этом процессе, преследуют различные цели, которые часто противоречат друг другу.

Для того чтобы понять, как в среде иранской элиты формируется подход к возникающим перед страной вызовам и угрозам, представим, что за пределами Ирана возникает благоприятная возможность, которой необходимо воспользоваться, или угроза, которую нужно предотвратить. Разберем, каким образом в иран-

ском внешнеполитическом ведомстве обрабатывается информация, поступившая из-за рубежа.

Рассмотрим различные источники поступления данной информации. Первый (чрезвычайно важный источник) – поступление данных по дипломатическим каналам через иранские посольства. Результаты проведенного в посольствах анализа информации поступают в МИД, главы различных департаментов отправляют отчеты министру иностранных дел и его заместителям. Информация также поступает из различных источников в СМИ, граждан иностранных государств и от исследовательских центров и научных кругов. Что касается последнего, то представляется важным подчеркнуть, что атташе по вопросам культуры входят в структуру Организации по исламским связям и культуре, являющейся самостоятельным государственным органом.

Проанализируем, как поступившая из-за границы информация воздействует на процесс принятия решений во внешней политике Ирана. Министр иностранных дел осуществляет организацию и контроль деятельности своего ведомства, ответственного за реализацию принципов внешней политики государства на практике. Получая информацию по дипломатическим каналам, министр докладывает Президенту о внешнеполитической ситуации в мире. Президент ИРИ принимает решение, относится ли вопрос к сфере интересов Кабинета министров или ВСНБ. Если рассматриваемый вопрос имеет различные экономические, культурные, политические и социальные аспекты, президент отправляет доклад на рассмотрение Кабинета, чтобы выяснить мнение министров. Вопросы, касающиеся исключительно дипломатии, безопасности и обороны, отправляются в Секретариат ВСНБ.

Высший совет национальной безопасности (ВСНБ) был основан в 1989 г., после внесения поправок в Конституцию. Вопросы его формирования и полномочий подробно описаны в главе 13, ст. 176 Основного закона ИРИ [1-С.90]. Согласно Конституции, Совет ответственен за определение национальной политики в сфере обороны и безопасности в рамках «генеральной политической линии», определенной Лидером (формой ее выражения являются речи Лидера, важнейшие положения отражены в документе «Указания Лидера» («Рахнемудха-йе Магам-е моаззам-е рахбари»). Он координирует политическую, разведывательную, общественную, культурную и экономическую деятельность в области обороны и безопасности. Также он распоряжается материальными и немате-

риальными ресурсами страны для борьбы с внешними и внутренними угрозами.

ВСНБ является ключевым национальным органом, который дает оценку ситуации в сферах обороны и безопасности. Анализируя деятельность ВСНБ, можно сделать вывод о том, что при возникновении кризисов Совет ускоряет медленный процесс принятия решений во внешней политике Ирана. Секретарь ВСНБ представляет полученные вопросы на рассмотрение на главной сессии после подготовки исходных данных по теме. После того как Совет принимает решение о том, какие меры необходимо принять, Президент Ирана отправляет отчет Лидеру ИРИ. Если Лидер высказывает свое одобрение относительно принятия предложенных мер, то программа действий по их реализации в установленном порядке будет отправлена в военные ведомства и МИД. Таким образом, решение по каждому из важнейших внешнеполитических вопросов зависит от того, какую позицию займет Лидер и утвердит он или отклонит решение ВСНБ.

Силовые структуры, в особенности Корпус Стражей Исламской революции (КСИР), имеют значительное влияние на процесс принятия решений, в отличие от МИДа, который не является главным центром принятия решений. Более того, расстановка сил в ВСНБ и политическая ориентация его членов оказывают непосредственное влияние на то, какое решение будет принято Советом. Согласно Конституции ИРИ, кроме непосредственно Лидера ИРИ, три других государственных деятеля принимают участие в формировании внешней политики: Президент, глава Ассамблеи по целесообразности и министр иностранных дел. Рассмотрим их внешнеполитические функции и выясним, как они взаимодействуют с Лидером страны.

Председатель Ассамблеи по определению государственной целесообразности является одним из ключевых игроков на внешнеполитическом поле ИРИ. АЦ косвенно оказывает значительное, многоаспектное влияние на внешнюю политику Ирана. Взаимодействие всех этих четырех факторов превращает Ассамблею в исключительный политический институт, такой, что сам иранский истеблишмент продолжает открывать для себя его потенциальные возможности. Несмотря на особенность политического положения АЦ и ее возможности принимать решения, обязательные для исполнения, в сфере внешней политики эти решения должны соответствовать положениям ст. 152 Конституции ИРИ. Первоначально этот политический институт, начавший свое существование в

1988 г., за год до смерти аятоллы Хомейни, был основан как орган с функциями арбитра для разрешения разногласий по поводу законопроектов между меджлисом и НС. В 1989 г. Хомейни скончался, и за его смертью последовало усиление двух политических фигур: Али Хаменеи как Лидера ИРИ и Акбара Рафсанджани как Президента ИРИ и впоследствии главы АЦ. На какое-то время Рафсанджани стал более могущественным, чем Хаменеи. Также повысилось значение и самого АЦ.

Расстановка сил в АЦ напоминает ВСНБ с той точки зрения, что в нем доминируют консерваторы. Роль нескольких реформаторов – членов этого органа не имеет большого значения. АЦ включает в себя как тех, кто в настоящее время занимает официальные должности, так и тех, кто считается известными и могущественными представителями истеблишмента, не занимая официальных постов. Колебания Рафсанджани в сторону лагеря консерваторов были другим источником беспокойства для реформаторов. Как консерваторы, так и реформаторы признают влияние Рафсанджани. Общеизвестно, что он – один из наиболее влиятельных неофициальных игроков как во внутренней, так и во внешней политике Ирана. Не считая конституционных полномочий Ассамблеи по целесообразности, глава АЦ встречается со многими высокопоставленным официальными лицами, посещающими Иран.

Роль министра иностранных дел во внешней политике Ирана ограничена, поскольку сам МИД играет в этом процессе не очень значимую роль. Но тем не менее роль МИД является ключевой в повседневной дипломатической практике в некризисных ситуациях либо в двусторонних отношениях со странами, отношения с которыми не являются решающими для обеспечения безопасности страны. С точки зрения внутренней политики значительная общественная поддержка правительства, пришедшего к власти в 1997 г., на несколько лет позволила МИД оказать большое влияние на формирование внешнеполитического курса страны. Наличие среди работников МИДа сторонников интеграции Ирана в мировое сообщество позволило властям частично исправить неудачу, первоначально постигшую Иран в налаживании диалога с ЕС.

Однако противники Хатами, прежде всего, консервативно настроенное духовенство, терпело самостоятельность его команды только до тех пор, пока реформаторское движение пользовалось популярностью и поддержкой общества внутри страны. Но как только ослабела общественная поддержка, во внешней политике

вновь стали нарастать кризисные тенденции, а внутривнутриполитическая ситуация была милитаризована активизацией «ядерного вопроса». Итак, если бы реформаторы были способны сохранить общественную поддержку, оказав консерваторам большее сопротивление, внешнеполитическая команда Хатами могла бы действовать более успешно с западными странами в рамках политики «диалога культур и цивилизаций». Что касается эффективности, то воздействие президента и МИДа на внешнюю политику различается от случая к случаю. Например, внутривнутриполитическая борьба привела к ослаблению влияния Министерства Разведывательной службы (МРС). Сегодня во внешнеполитических делах, связанных, например, с соседними государствами, роль правительства снижается, так как оно становится лишь одним из многих игроков. В подобных случаях возрастает роль информации, предоставляемой КСИР о странах, имеющих значение для безопасности Ирана.

Рассмотрев влияние ключевых игроков внешнеполитического поля ИРИ на принятие решений, приступим к непосредственному рассмотрению того, какую роль играет Лидер ИРИ. Как уже было отмечено выше, Лидер утверждает или отклоняет внешнеполитические инициативы и имеет решающий голос по важным вопросам в сфере внешних сношений. Примерами внешнеполитических решений, принятых под руководством Лидера, можно назвать: 1) выбор Ираном политики нейтралитета в ходе атаки союзников на Ирак в 1991 г.; 2) невмешательство во внутренние дела Афганистана (даже после убийства в 1998 г. талибами девяти иранских дипломатов в Мазари-Шарифе); 3) решение о поддержке Ираном палестинской стороны в арабо-израильском конфликте.

В знаковый для Ирана 1989 г., после десяти лет политической борьбы, последовавшей за революцией 1979 г., в Конституцию ИРИ были внесены поправки. Эти поправки к Конституции даровали Лидеру широкие полномочия во многих областях, включая внешнюю политику. Однако серьезные публичные дебаты о конституционных полномочиях Лидера начались только после избрания Хатами президентом в 1997 г. Главным спорным моментом, на котором реформаторы акцентировали особое внимание, была проблема «порочного круга» («доур-е батель»), суть которой в том, что Меджлис де-факто не может повлиять на состав НС. Лидер назначает шестерых из 12 членов Наблюдательного Совета (НС), который может заблокировать принятие закона Меджлисом. Шесть других членов выдвигаются главой судебной системы, который сам назначается Лидером. Эти шесть кандидатов должны

быть одобрены Меджлисом. Но даже в ходе деятельности Меджлиса шестого созыва (2000–2004), в котором доминировали реформаторы, выяснилось, что прореформаторский Парламент не мог отклонить кандидатуры консерваторов на эти шесть мест в НС. Члены, придерживавшиеся консервативных взглядов, были включены в НС вопреки несогласию Меджлиса.

После прихода Хатами к власти МИД часто игнорировалось политически более могущественными институтами власти. Один из красноречивых примеров – «ядерная проблема». Все это в значительной степени объясняется различиями между «умеренным» подходом Хатами к развитию отношений с мировым сообществом и взглядами Велаяти, в большей степени склонного опираться на спецслужбы и военную силу. Причина – в тесных связях Велаяти с консерваторами. Эта дихотомия также объясняется тесной связью между Лидером с одной стороны и силовыми структурами, чье руководство назначается им и которые служат целям защиты и поддержки системы – с другой. По мнению ряда аналитиков, важнейшие дискуссии по ядерному вопросу происходят не в ВСНБ, а исключительно между официальными лицами КСИР, и они докладывают о результатах своих обсуждений напрямую Лидеру. Хотя обычно Лидер уделяет больше внимания службам безопасности и вооруженным силам, чем другие официальные лица, по «ядерному вопросу» он особенно прислушивается к мнению своих представителей в ВСНБ, а Велаяти известен как выразитель мнения Лидера.

В целом, именно аятолла Хаменеи говорит последнее слово по чувствительным вопросам внешней политики. Степень, в которой на его окончательное решение могут повлиять другие лица и государственные институты, зависит от следующих факторов:

- 1) уровня его собственных знаний по обсуждаемой проблеме;
- 2) в какой степени вопрос воспринимается как связанный с безопасностью страны и относящийся к сохранению режима;
- 3) насколько позиции различных групп интересов, государственных институтов и лобби различаются по этому вопросу;
- 4) от того, насколько прочие влиятельные лица и группы, заинтересованные в определенном решении вопросов внешней политики, занимают твердую позицию по обсуждаемому вопросу.

Итак, все политические игроки, включая парламент, Совет по целесообразности, ВСНБ, Корпус стражей Исламской революции, МИД и влиятельных политиков могут повлиять на позицию Лидера, однако степень влияния каждого из них различна. Однако

если решение приняло окончательную форму, лишь немногие осмеливаются его оспорить. Несмотря на то, что последнее слово по вопросам внешней политики принадлежит Лидеру, внутривнутриполитическая борьба, общественное мнение и опасения по поводу безопасности могут изменить баланс на высшем уровне принятия решений. Тем не менее, образно говоря, именно у Лидера ИРИ хранится «печать», с помощью которой утверждаются внешнеполитические решения.

Однако это вовсе не означает, что Лидер принимает все решения в одиночку. Высокое положение Лидера и его право делегировать полномочия другим игрокам сделали его мишенью для всех официальных и неофициальных групп интересов, лоббистов и групп давления. Несмотря на весь его престиж, конституционные полномочия и политическое влияние, он зачастую не желает отступать от установленных рамок и использовать право вето, если это будет противоречить мнению большинства других основных игроков. Но тем не менее, если он посчитает необходимым, он воспользуется своим правом отменить решение другого органа власти. Необходимо отметить, что интересы большинства среди указанных политических сил не обязательно отражают интересы большинства населения.

«Современные проблемы международных отношений и мировой политики», М., 2011 г., с. 83–91.

Альберт Куприн,

кандидат исторических наук (ИВ РАН)

АРАБЫ В АРГЕНТИНЕ: ИСЛАМ И ПРОЦЕССЫ ИНТЕГРАЦИИ

Конституция Аргентины гарантирует религиозную свободу. Однако даже в настоящее время она отдает приоритет Римско-католической церкви. Лишь в 1994 г. была отменена ст. 73 конституции, согласно которой президент должен был быть обязательно римо-католиком. В ст. 2 после всех поправок по-прежнему говорится о том, что «федеральное правительство поддерживает Римско-католическую апостольскую церковь». Субсидии этой Церкви оцениваются приблизительно в 4 млн. долл. ежегодно и квалифицируются как компенсация за экспроприацию собственности, принадлежавшей ей в колониальный период. В ст. 25 правительство

обязуется содействовать иммиграции европейцев, но ничего не говорится о поддержке иммиграции других этнических групп.

В настоящее время, по данным различных религиозных групп, неправительственных организаций и Национальной регистрации вероисповедания, католики составляют 70% населения Аргентины, протестанты – 9%, мусульмане – 1,5%, иудеи – 0,8%, другие религиозные группы – 2,5%, остальные без какой-либо религиозной принадлежности.

Большинство арабов в Аргентине исповедуют христианство (марониты, мелькиты, православные). Численность арабов в стране – 3,5 млн. человек, т.е. 10% населения страны, которое, согласно переписи 2001 г., достигает 35 млн. Численность мусульман в Аргентине, как утверждает один из источников, в настоящее время составляет 300 тыс. человек: по происхождению 200 тыс. из Сирии, 80 тыс. из Ливана и 20 тыс. человек из других стран. По итогам переписи населения 1960 г., когда в последний раз задавался вопрос о религиозной принадлежности, лишь 10% арабских иммигрантов заявили, что они считают себя мусульманами. По утверждению руководителя Исламского центра Республики Аргентина Самира Салеха, в Аргентине насчитывается 500 тыс. мусульман. Правда, бразильский исследователь Витория Перес ди Оливейра призывает с большей осторожностью относиться к данным исламских источников: ее наблюдения показали, что число действительно приходящих в мечети на 1/3 меньше цифры, которую приводят имамы этих мечетей.

В конце XX в. на фоне относительно небольшого притока мусульманских иммигрантов единственной реальной возможностью расширения исламской общины стали естественный прирост численности мусульман и обращение аргентинцев в ислам. Аргентинцы переходят в ислам по разным причинам. Одни находят преимущество ислама в единстве и сострадании друг другу исповедующих его мусульман, чего, по их мнению, не хватает христианству. Вторые с трудом воспринимают церковную иерархию и культ святых, понятия первородного греха и Пресвятой Троицы. Для некоторых переход в ислам – это возвращение к религии их предков. Мусульманская религия господствовала на Пиренейском полуострове несколько веков, и значительная часть вестготов и иберийцев перешла в ислам. После завершения Реконкисты происходил обратный процесс обращения в христианство как иберийцев-«ренегатов», так и части мусульман, пришедших из Северной Африки. Очевидно, аргентинцы-католики испанского

происхождения, переходящие ныне в ислам, считают себя потомками мусульман Пиренейского полуострова. Большинство новообращенных видят в исламе средство утверждения своей идентичности. Они также рассматривают свой переход в ислам как форму социального и политического протеста против общества, в котором они маргинализированы и подвергаются унижению. Распространению ислама способствуют открытие в 2001 г. крупнейшего в Латинской Америке исламского комплекса в Буэнос-Айресе, финансовая помощь Катара, Кувейта и Саудовской Аравии, активизация арабской дипломатии в Латинской Америке, усиление активности исламизма во всем мире, а также исламские сайты Интернета и исламские каналы спутникового телевидения.

Основная исламская организация в стране – Исламский центр Аргентинской Республики, претендующий на представительство всех аргентинских мусульман. Наиболее активно пропагандирует и распространяет ислам в Латинской Америке Исламская организация Латинской Америки со штаб-квартирой в Аргентине. В марте 2000 г. она впервые направила 13 молодых мусульман из нескольких стран Латинской Америки в хадж в Саудовскую Аравию. Самую большую миссионерскую деятельность в Латинской Америке осуществляет движение «Аль-Мурабитун», которое в 1970 г. основал шейх Абделькадер ас-Суфи, бывший шотландский писатель Иан Даллас, принявший ислам более 50 лет назад.

Распространение ислама облегчается тем, что сократился ареал исповедующих католицизм. Если 20–30 лет назад это направление в христианстве исповедовало почти 90% населения Латинской Америки, то ныне лишь 55–65%. Вместе с тем следует отметить, что в Аргентине не существует федерации, которая объединяла бы мусульманские институты в этой стране. По данным на начало 2010 г., Аргентина занимала первое место среди испаноязычных стран Латинской Америки по числу мечетей – 30. Второе и третье места занимали соответственно Мексика (18) и Венесуэла (14).

Исламские ассоциации в Аргентине делятся на суннитские, шиитские, алавитские, друзские и суфийские.

К суннитским относятся следующие организации: Исламский центр Аргентинской Республики (создан в 1931 г. в Буэнос-Айресе); Арабское исламское общество (Мендоса, 1926); Арабское исламское общество (Кордова, 1928), Исламская ассоциация (Росарио, 1932), Панисламская культурная и религиозная ассоциация

(Тукуман, возникла в 1920-е годы); Арабо-мусульманское общество взаимопомощи и социальной поддержки (Кордова, 1928); Исламский культурный центр (Буэнос-Айрес, 2001).

Шиитскими являются: Аргентинская исламская ассоциация (Каньюэлас); Аргентинская исламская организация; Союз аргентинских мусульманок (1995).

К алавитским организациям причисляют: Исламский алавитский союз (Тукуман, 1929), Исламское алавитское общество (Анхелита); Алавитская ассоциация (Буэнос-Айрес, 1936). Существует также Друзская благотворительная ассоциация (Буэнос-Айрес).

К суфийским относятся: Ассоциация Накшбанди Хаккани, имеющая в стране десять центров; Суфийский орден аль-Йеррахи аль-Хальвети (al Yerrahi al Halveti) (Буэнос-Айрес).

В ряде латиноамериканских стран активно действуют мусульманские экстремисты, связанные с «Хизбаллой», «Исламским джихадом» и «Аль-Каидой», особенно в приграничной зоне с Бразилией и Парагваем. Боевики «Хизбаллы» осуществили террористические акты против израильского посольства в Аргентине в 1992 г. и Аргентинско-израильской ассоциации взаимопомощи в 1994 г. Израильский исследователь Эли Кармон отмечает, что тщательный анализ веб-сайта «Хизбалла Аргентина» показывает, что в аргентинскую группу «Хизбаллы» входят как правые, так и левые элементы. Она тесно связана с местной шиитской общиной и иранским правящим режимом. Согласно данным английской и израильской разведок, видный деятель «Аль-Каиды» Айман аз-Завахири несколько раз посещал страны Латинской Америки.

Аргентинский социолог и политолог Норберто Рафаэль Сересоле (умер в 2003 г.), активный участник одной из аргентинских левых террористических групп, ставший позже антисемитом, поддерживал контакты с Ираном после террористического акта в Аргентине в 1994 г. В письме к своим «иранским друзьям» Норберто Сересоле теоретически обосновывал возможность сближения одного из течений католицизма с исламистами. В нем он писал о существовании параллели между шиизмом и тем, что он называет «находящимся в меньшинстве дособорным католицизмом» (до Второго Ватиканского собора 1962–1965 гг.), который в богословском отношении непримирим к иудаизму. Норберто Сересоле считал Иран после исламской революции «центром сопротивления еврейской агрессии», он полагал, что «борьба против еврейского государства не может ограничиваться только Ближним Востоком».

Несмотря на деятельность радикальных исламистов и не которые антиисламские предубеждения в стране, представители исламской общины говорят о хороших отношениях между религиозными конфессиями и общинами в нынешней Аргентине. Анна Вайнстин, библиотекарь Аргентинско-Израильской ассоциации взаимопомощи, так объясняет довольно тесную связь между арабами и евреями-сефардами: когда сефарды прибывали в Буэнос-Айрес, они направлялись в арабские районы, где находили те же магазины, булочные, бары и кафе, как на бывшей родине. Так как сефарды говорили на том же языке и имели те же обычаи, что и арабы, они чувствовали себя более близкими к арабам, чем к евреям-ашкенази.

Аргентинский историк Игнасио Клитч приводит факты, свидетельствующие о социальных, культурных и экономических связях между арабской и еврейской общинами. До создания израильского государства в 1948 г. евреи участвовали в различных арабских объединениях в области культуры и бизнеса. Другой аргентинский историк, Лилиана Касорла, обнаружила, что после 1948 г. некоторые еврейские семьи вышли из этих организаций. Однако за пределами Буэнос-Айреса евреи-сефарды все еще принадлежали к арабским культурным организациям. Сионизм не был популярен среди сефардов, так как они полагали, что сионизм — это преимущественно светское движение евреев-ашкенази. Поэтому создание Израиля и конфликты между Израилем и Ливаном и Сирией не ухудшили деловых и культурных отношений между аргентинскими арабами и евреями-сефардами.

Сьюзн Зарайски, автор статьи в газете «Буэнос-Айрес геральд», рассказывает о еврейской семье Хелуэни, владеющей магазином. Моисес, один из сыновей владельцев магазина, гордится тем, что у его семьи имеются как еврейские, так и арабские клиенты. Он говорит: «Даже израильский посол приходит сюда, чтобы купить продукты из арабских стран». Другой пример — ливанский бизнесмен Джамиль Ауада, который является хозяином компании, занимающейся импортом ливанских продовольственных продуктов. Около 40% его клиентов — арабы и 25% — евреи-сефарды. Впрочем, в Аргентине не ощущалось напряженности и между евреями-ашкенази и арабами. В Латинской Америке выдвигаются совместные инициативы арабских и еврейских общин по поиску и развитию культурного диалога. В Буэнос-Айресе в 2005 г. был основан Институт диалога, где преподают ислам и иудаизм.

Мусульмане, значительную часть которых составляют арабы, в целом удовлетворены своим положением в Аргентине. В силу своей относительной малочисленности они не оказывают существенного влияния на общественно-политическую жизнь страны. Однако внешняя политика Аргентины оказывает позитивное влияние как на отношение арабских мусульман к своей новой родине, так и на отношения Аргентины с арабскими странами начиная с конца 1940-х годов. Еще при голосовании на ГА ООН в 1947 г. по вопросу о разделе Палестины Аргентина воздержалась в отличие от ряда стран (в том числе США и СССР), поддержавших раздел Палестины. Арабские страны проголосовали против. Лишь под давлением США Буэнос-Айрес признал Израиль после его образования в 1948 г. После «шестидневной войны» (5–10 июня 1967 г.) на созванной чрезвычайной сессии ГА ООН министр иностранных дел Аргентины Никанор Коста Мендоса в своем выступлении 27 июня внес предложение вывести израильские войска с одновременным прекращением огня. 18 латиноамериканских стран поддержали так называемую «формулу Коста Мендеса». Аргентинская позиция была более сбалансированной, по мнению аргентинской печати, по сравнению с произраильской позицией США и проарабской позицией СССР.

И позже Аргентина призывала к приданию ООН основной роли в послеконфликтном урегулировании в Ираке. Она прямо объясняла обострение ситуации в Ираке после свержения Саддама Хусейна односторонними действиями США. Президент Нестор Киршнер (2003–2007) занимал и президент Кристина Фернандес де Киршнер (с 2007 г.) продолжает занимать сбалансированную позицию по ближневосточному урегулированию, выступая за учет интересов обеих сторон и против насильственных действий любой из сторон в ближневосточном конфликте.

Интеграция арабов в аргентинское общество была сопряжена с преодолением ряда трудностей. Им нужно было осилить языковой барьер, что, впрочем, были вынуждены делать славяне, скандинавы, немцы и даже французы, но, конечно, не испанцы в испаноязычной Америке. Гораздо легче справлялись с этим препятствием итальянцы в странах Латинской Америки и испанцы в Бразилии, поскольку испанцам, итальянцам и португальцам относительно легко понимать друг друга. Языковой фактор дополнялся религиозным, причем в особенно сложном положении находились мусульмане. Впрочем, с трудностями приходилось сталкиваться также ливанским и сирийским христианам (маронитам и мельки-

там), которые принадлежали к восточнокатолическим церквям византийского обряда. Чтобы быстрее завоевать доверие местного населения и легче найти работу, арабы часто меняли свои имена на испанские.

Вначале арабы концентрировались в определенных местах, что содействовало сохранению ими своей культурной идентичности. Однако, как отмечают исследователи, из-за сокращения числа иммигрантов, растущего стремления к социальной интеграции и улучшения экономического положения арабов постепенно происходило рассредоточение иммигрантов. «Самое большое рассредоточение именно среди сирийских иммигрантов можно объяснить, с одной стороны, тем, что относительно большее число сирийцев жили на родине в городах, и это облегчало их адаптацию к городской жизни, с другой стороны, сокращение иммиграции ускорило процесс культурной интеграции новых поколений». К тому же ливанцы и сирийцы не группировались в замкнутые, изолированные общности, как это делали иммигранты из стран Восточной Азии.

Ливанских и сирийских иммигрантов по их отношению к аргентинскому обществу можно разделить на две группы. Одни избегали ассимиляции, распространяли и поддерживали свою культуру, издавали свои газеты, старались говорить между собой на арабском языке. Вместе с тем они добивались расположения влиятельных аргентинцев, отмечали аргентинские национальные праздники, полагая, что это будет полезно как для их личного престижа в арабской общине, так и для улучшения имиджа в аргентинском обществе.

Представители другой группы старались по возможности избегать контактов с бывшими земляками. Разбогатеv, они перебирались из арабских кварталов в более престижные. Они стремились ассимилироваться, усвоить образ жизни и менталитет высших слоев аргентинского общества. Амалия, дочь одного из иммигрантов, рассказывала: «По воскресеньям моя мама и тетя испытывали большое удовольствие, когда они со своими мужьями прогуливались в экипаже по парку Палермо, подражая семьям высшей аристократии Буэнос-Айреса. Было интересно видеть все эти экипажи с откинутым верхом, с водителем в униформе... и сеньор со своими мужьями, совершающих прогулку с единственной целью – продемонстрировать шляпы и драгоценности». Аргентинская же аристократия не была склонна дружить с разбогатеvшими арабами. Амалия вспоминает, как заканчивались попытки ее матери войти в высшее аргентинское общество. Она

так описывает обстановку, когда ее родители снимали летнее помещение в Карлос Пас, месте, где часто бывает высший свет: «Респектабельные креолы относились к ним с ледяным безразличием или враждебностью. Сыновья креолов всегда находили предлог для нападения на какого-либо ливанского продавца овощами. Они сбрасывали его товар на землю и переворачивали его повозку. Мой отец старался их успокоить. Эти инциденты глубоко расстраивали мою мать».

Интеграция арабов в аргентинское общество зависела не только от материального положения и уровня образования, которые создают благоприятные обстоятельства для социальной интеграции, но и от региона страны, где проживали арабы, и от их конфессии. Как отмечают аргентинские исследователи, северо-запад Аргентины привлекал к себе большое число арабских иммигрантов в силу сходства этого региона с Ливаном и Сирией по природным условиям и климату. Иммигранты дали импульс развитию этого региона. Если в Буэнос-Айресе к арабским иммигрантам относились с некоторым презрением, то в провинциях признавали их определенные достоинства, а социально-экономическая деятельность арабских иммигрантов в провинциях приносила доходы, которые влияли на степень социальной интеграции.

Из арабских иммигрантов наибольшие шансы интегрироваться в аргентинское общество имели марониты. Почти все они прибыли из Ливана и признаются там наиболее открытыми для европейской культуры. В маронитах, по их собственному признанию, течет финикийская, греческая, римская, французская кровь и кровь других народов, принимавших участие в Крестовых походах. Это помогает объяснить, почему марониты наиболее склонны интегрироваться в аргентинское общество. В 1918–1930 гг. удельный вес маронитов, сочетавшихся браком за пределами арабской общины, был наиболее высоким среди других арабских религиозных групп: 22,18%, причем 23,07 – с креолами, 76,93% – другого происхождения. Заключение браков внутри арабской общины распределяется следующим образом: 75% с маронитами, 19,1 с православными, 5,9% с представителями других конфессий. Данные о браках с мусульманами до 1930 г. отсутствуют. Уровень грамотности маронитов – 61,58%. В целом марониты стремятся избегать смешанных браков, в этот период практически не было отмечено случаев браков между членами маронитской и мусульманской общин, марониты полностью игнорировали коренных жителей (индейскую общину). Для сравнения: в 1918–1930 гг. лишь 12,5% му-

сульман заключали браки вне арабской общины, из них 20% с креолками, 80% – с женщинами другого происхождения. Среди 87,5% браков между арабами 77,1% было заключено с мусульманками, 14,3 – с православными христианками, 8,6% – с женщинами других конфессий, но не маронитками.

На фоне маргинального положения первого поколения арабских иммигрантов в социальной, экономической и политической жизни представители второго поколения гораздо более успешно интегрировались в аргентинское общество. С 1920-х годов все больше арабов второго поколения учились в аргентинских университетах и Военной школе.

О степени интеграции арабов в аргентинское общество свидетельствует их успешное продвижение по военной службе в период 1930–1962 гг. Так, автор статьи одного из американских журналов идентифицировал 40 офицеров ливанского или сирийского, в основном христианского, происхождения, окончивших Военную школу в Аргентине в 1928–1962 гг. Альберто Наста, сын сирийского иммигранта, стал первым арабом в Аргентине, получившим звание бригадного генерала (в 70-х годах). После него еще два араба получили такое же звание. Хулио Насим служил в разведке и достиг чина полковника. Рамон Абрахим получил высшую должность в ВВС – звание коммодора авиации и был командующим ВВС в 1955–1956 гг. Мухаммад Али Сейнельдин – друзского происхождения, перешел в католичество, получил звание полковника (он участвовал в заговоре против президента Карлоса Менема в 90-х годах). В 1919–1930 гг. десять арабов занимали видные государственные должности: четверо были членами муниципалитетов, трое – судьями, троих избрали депутатами провинциальных законодательных органов. Естественно, дипломированные специалисты могли легче интегрироваться в аргентинское общество по сравнению с менее образованными ровесниками. Студенческая жизнь и позже работа в качестве квалифицированных специалистов отдаляла их от арабской общины. Они относились к остальным арабам так же, как креолы. Они полагали, что их необразованные отцы, прибывшие в Аргентину, были ограниченными людьми, закоснелыми религиозными фанатиками. Дочь одного из иммигрантов подтверждает это: «В сущности, соотечественники из торгового квартала, где арабам принадлежат торговые предприятия, похожи на моего отца: честные, умелые коммерсанты, но ограниченные, некультурные, говорящие только о деньгах, неприветливые, неразговорчивые и немногословные».

Иммигранты второго поколения, не получившие образования, занимались деятельностью, которая не позволяла им отдаляться от арабской общины. Большинство были торговцами или предпринимателями. Торговцы, которые работали со своими отцами, больше всех переживали от того, что, с одной стороны, они чувствовали себя аргентинцами по гражданству, языку и культуре, с другой – они осознавали свою арабскую кровь и силу, связывавшую их с религиозными традициями и убеждениями. Нередко они использовали два имени: одно, под которым они были известны в арабской общине, и другое, под которым их знали в аргентинском обществе.

Большинство представителей второго поколения, имевших аргентинское гражданство, в отличие от родителей стали объектами частичной ассимиляции. Принадлежность к одной из трех религиозных групп сказывалась на степени владения языком и выборе супруги. 87,6% маронитов не говорили по-арабски, 7,44 – говорили плохо, 4,96% – свободно; 83,95% православных христиан не говорили по-арабски, 9,26 – говорили плохо, 6,79% – свободно; 61,79% мусульман не говорили по-арабски, 25,21 – говорили плохо, 13% – свободно. Эти данные показывают, что мусульмане лучше знали арабский язык, в чем большую роль сыграла семья и ее религиозная принадлежность. Многие из христианских иммигрантов учились в религиозных коллежах, что побуждало их принимать католичество, чему не препятствовали родители, которые усматривали в этом средство лучшей интеграции в общество. Напротив, дети мусульман редко учились в религиозных колледжах, а в государственных они не посещали уроки религии.

Внутри арабской общины 54,55% маронитов заключали браки в пределах своей религиозной группы, соответственно 58,57 православных и 66,18% мусульман. Лишь 10,91% мусульман сочетались браком с креолками, в то время как этот показатель составлял среди православных 21,74 и среди маронитов 28,41%. Несколько представителей второго поколения сочетались браком с членами аргентинских высших слоев, при этом речь шла почти всегда о маронитах и православных, перешедших в католичество, окончивших университеты и игравших некоторую роль в политике и экономике.

Уровень ассимиляции третьего поколения арабов по таким показателям, как степень знания арабского языка и число смешанных браков, еще более усилился: 4% мусульман, 1,35 православных, 0,66% маронитов свободно говорили по-арабски; 8,8% му-

сульман, 4,05 православных, 1,32% маронитов обладали некоторыми познаниями; не говорили 87,2% мусульман, 96,60 православных, 98,02% маронитов. Удельный вес браков вне арабской общины в третьем поколении заметно увеличился: 82,75% браков заключались с лицами неарабского происхождения, из них 21,34% – креольского.

Наибольшее сопротивление процессу ассимиляции оказывают практикующие мусульмане. Религия все еще является приоритетным фактором при выборе партнера. Однако в третьем поколении отмечаются случаи, когда мусульманские женщины вступают в гражданский брак с представителями других религий, что свидетельствует о некотором изменении их менталитета. Вместе с тем именно с третьего поколения заметно возрастает интерес к исламу. Согласно мнению генерального секретаря Исламского центра Аргентинской Республики Омара Ахмада Аббуда, «первое поколение пришло делать деньги, второе поколение занималось их тратой, а третье поколение, ставшее глубоко аргентинским, решило вернуться к исламу». По мнению профессора того же центра Рикардо Шамсудина Элии, возвращение третьего поколения к исламу наметилось под влиянием исламской революции в Иране в 1978–1979 гг.

С течением времени отношение к арабским иммигрантам и их потомкам в Аргентине изменялось, возрастала их гражданская активность в обществе. Это видно по одной из работ аргентинского исследователя Омара Бестене конца 90-х годов. Он показал метаморфозу образа арабского иммигранта на протяжении нескольких десятков лет. Автор изучил речи и действия двух директоров Департамента иммиграции – Хуана А. Альсина в период 1890–1910 гг., когда началась и происходила крупномасштабная иммиграция ливанцев и сирийцев, и Сантьяго М. Перальты в период 1945–1947 гг., когда число иммигрантов по сравнению с предыдущим периодом было незначительным, но к этому времени арабы уже играли видную роль в культурной, экономической и политической жизни страны. Оба директора отдавали предпочтение иммиграции представителей белой расы, особенно из стран Северо-Западной Европы. Однако если Хуан А. Альсин не воспринимал арабов как составную часть общества, то Сантьяго М. Перальта перед лицом «угрозы» еврейской иммиграции ориентировался на привлечение ливанских и сирийских иммигрантов, более адаптирующихся и более открытых, с его точки зрения, для традиционной аргентинской культуры.

В современной Аргентине этнические арабы также играют видную роль в области культуры, политики и экономики. Один из них около десяти лет занимал высшую государственную должность в стране. Речь идет о Карлосе Менеме (родился в 1930 г.), сирийского и мусульманского происхождения, президенте Аргентины с 1989 по 1999 гг. Его отец и мать прибыли в Аргентину в начале XX в. и обосновались в бедной провинции Ла-Риоха. Сам Карлос Менем публично представлял себя как христианина сирийского происхождения. До изменения конституции в 1994 г. вице-президент и президент страны должны были быть католиками. Бывшая жена К. Менема Сулема Йома утверждает, что он перешел из ислама в католичество в 1966 г. ради возможности занять в будущем президентский пост. Она говорит, что епископ Ла-Риохи предложил ей также принять католичество, чтобы ее муж смог легче достигнуть своих политических целей, но она отказалась. Сам Карлос Менем неохотно говорил о своем происхождении, но утверждал, что на его тумбочке всегда находились Коран, Тора и Библия, и однажды якобы упомянул о своем происхождении от Пророка Мухаммада. В 90-е годы при президенте Карлосе Менеме в стране проживали представители уже пятого поколения диаспоры – потомки первых арабских иммигрантов. Помимо К. Менема знаменит Хорхе Антонио, который был экономическим советником президента Хуана Доминго Перона. В аргентинской литературе широко известны произведения поэта и прозаика Хорхе Исаиса (род. в 1946 г.) и поэта Мигеля Оскара Менассы (род. в 1940 г.), эмигрировавшего из Аргентины в Испанию в 1976 г., кандидата на Нобелевскую премию по литературе за 2010 г.

Процесс интеграции иммигрантов с начала XX в. основался на государственной политике ассимиляции в Аргентине, в которой большая роль отводилась службе в армии и, конечно, школьному образованию. В первом поколении иммигранты жили компактно, селившись в одних и тех же городских кварталах или деревнях, что способствовало сохранению идентичности, препятствовало ассимиляции и интеграции иммигрантов в принимающее общество. Однако стремление к социальному и экономическому продвижению, структурное расслоение диаспоры приводили к рассредоточению иммигрантов, и это наряду с резким сокращением впоследствии численности новых иммигрантов способствовало ассимиляции во втором и третьем поколениях значительного числа арабов.

В третьем поколении арабов лишь незначительное меньшинство (несколько процентов) могли говорить по-арабски, существенно возросло число смешанных браков (между представителями различных этнических групп и конфессий). Одними из признаков изменения менталитета были заключение мусульманками гражданских (нерелигиозных) браков с христианами, восприятие большинством второго и третьего поколений аргентинских арабов представителей первого поколения арабских иммигрантов как ограниченных, необразованных, фанатичных в религиозном отношении людей. Наиболее трудно проходил процесс ассимиляции мусульман, если только они не переходили в католичество.

Основным скрепляющим элементом сформировавшейся арабской (ливанско-сирийской) диаспоры в Аргентине была не только общность бывшего землячества, но также конфессиональная принадлежность. Несмотря на далеко зашедшие процессы ассимиляции и интеграции, с 1980-х годов отмечается некоторый процесс исламизации, который влечет за собой пробуждение интереса к арабской культуре.

Пример интеграции арабских иммигрантов в Латинской Америке показывает, что ни бедность, ни незнание местного языка и культуры, ни даже религиозный фактор в конечном счете не могут воспрепятствовать процессу интеграции, правда, они могут замедлить его. По мнению генерального директора ЮНЕСКО (1987–1999) Федерико Майора Сарагосы, латиноамериканская модель интеграции может служить образцом интеграции иммигрантской общины. Обеспечение иммигрантов работой позволяет им улучшить свое материальное положение, что может служить основой для социального и политического продвижения в обществе-реципиенте. Директор Международной организации по иммиграции Брансон Мак-Кинли заявил в 2007 г., что нет лучшего способа интегрировать иммигрантов, чем предоставление им работы.

Важным фактором успешного вживания арабов в латиноамериканские общества являлось отношение самого общества к переселенцам. Правительства и большинство латиноамериканских обществ рассматривают арабских иммигрантов как фактор развития общества, как носителей восточной культуры, обогащающих местную культуру.

Латиноамериканцы не настаивают на ассимиляции иммигрантов или на ее форсировании. Вместе с тем как после начала иммиграции, так и до сегодняшних дней некоторая часть представителей латиноамериканских обществ в отличие от их значитель-

ного большинства продолжает с предубеждением относиться к арабам. Другие находятся под влиянием событий 11 сентября 2001 г. Однако большинство аргентинцев рассматривают иммигрантов-арабов уже как своих и не отталкивают их от себя. Председатель Всеобщего союза арабских студентов в Европе Сайд Бахаджин заявил по поводу интеграции арабов в Латинской Америке: «Я полагаю, что арабские иммигранты показали, что они с их восточной культурой и политической и социальной структурой, полностью отличающейся от западной, смогли интегрироваться и жить в гармонии с жителями Нового Света».

*«Ближний Восток и современность»,
М., 2011 г., с. 146–160.*

Дина Малышева,
доктор политических наук
**МУСУЛЬМАНСКИЕ СТРАНЫ
В МИРОВОМ СООБЩЕСТВЕ**

Сердцевина ислама – мусульманский Восток – имеет огромную геополитическую значимость, прежде всего, благодаря неисчерпаемым запасам нефти и газа. Здесь сходятся также основные воздушные и сухопутные коммуникации, связывающие Европу с Азией, и происходит интенсивное движение мировых капиталов. Словом, этот регион представляет собой одну из важных несущих конструкций современной системы международных отношений.

Хотя умма (араб.: народ, нация) и трактуется в мусульманской традиции как общность мусульман, народов и даже стран, мало кто ныне в мусульманском мире требует от приверженцев ислама, чтобы они жили в едином мусульманском государстве, или халифате. Но параллельно со строительством в странах мусульманского Востока национальных государств и включением их в международную систему нарастала тенденция закрепить за «мусульманским блоком» определенную политическую нишу на международной арене, утвердить религиозный компонент в сфере внешней политики мусульманских стран. Созданные там в разное время религиозно-политические объединения, базирующиеся на концепции мусульманской солидарности, попытались начать координировать различные аспекты жизни мусульман как в рамках отдельных стран и общин, так и в мировом масштабе. Речь идет о таких организациях, как Организация Исламская конференция

(ОИК), Лига исламского мира, Всемирный исламский конгресс и др. Эти объединения постарались каким-то образом компенсировать непредставленность мусульман в «мировом правительстве»: ни одна мусульманская страна не входит в «Группу 8», а мусульманин никогда не становился генеральным секретарем ООН.

Нельзя сказать, чтобы эти мусульманские организации каким-то особым образом преуспели на поприще формирования особой, мусульманской, внешней политики. Идея «единства и братства всех мусульман» не смогла сблизить позиции участников в отношении большинства региональных и глобальных проблем. Солидарность мусульманских стран в рамках их организаций остается в основном чисто символической, не влияющей на практическую политику. Исламская составляющая внешней политики части государств БСВ (особенно это касается аравийских монархий) теоретически заставляет их отдавать приоритет распространению ислама. Но на практике они занимают, как правило, достаточно прагматичную позицию в своих контактах со странами Запада, Россией и с другими неисламскими государствами.

О том, что не происходит объединения «мусульманского мира» в той или иной форме на антизападной платформе, свидетельствуют, например, итоги военной операции против Ирака. Как и во время кризиса в Персидском заливе начала 1990-х годов, Саддаму Хусейну не удалось добиться действенной поддержки со стороны мусульманских государств. Их правительства ограничились лишь вербальными призывами решить проблему Ирака невоенными средствами, но никаких решительных действий по противодействию войне они не предприняли. Более того, арабские монархии Персидского залива – ближайшие соседи Ирака – не слишком возражали против того, чтобы их избавили от багдадского диктатора во имя покоя и стабильности в своем нефтеносном регионе. Выразили они готовность и активно участвовать в послевоенном обустройстве Ирака. Реакция арабской «улицы» была, правда, эмоциональнее, однако протесты и демонстрации быстро сошли на нет по мере того как достоянием арабской общественности стала радость, с какой иракцы встретили весть о падении режима Саддама Хусейна.

На первом месте для каждого государства остаются его жизненные интересы, а не интересы мусульманского сообщества. Влияние «мусульманского мира» все больше связывается не с деятельностью каких-то надгосударственных религиозных организаций, а с активностью светских экономических или политических

объединений, таких, как ОПЕК, Лига арабских государств, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива и другие. Именно они превратились в важный канал влияния на мировую политику, обладают в ней определенным удельным весом. Тем более что такая активная политика нужна им: в целом, в 1990-е годы основанное на зависимости Запада от арабской нефти и ОПЕК глобальное политическое влияние арабо-мусульманского мира существенно снизилось.

Что касается «мусульманского Севера» – постсоветских республик Центральной Азии и Кавказа, то народы этих регионов мало сблизилась со своими единоверцами в дальнем зарубежье, да и сам ислам не сумел здесь стать основой для устойчивых политических союзов. Между «мусульманским Севером» и мусульманским Востоком существуют серьезные различия, которые не позволяют рассматривать их в качестве единой мусульманской подсистемы: это два огромных и отличных друг от друга мира. Уровень религиозности у постсоветских мусульман в разных регионах и у разных народов резко колеблется; неодинаково воздействует религия и на их этническую или национальную самоидентификацию, а тем более – на их внешнюю политику. Исламские традиции здесь либо были подорваны, либо они подверглись такой серьезной трансформации, что говорить об исламе как о факторе некоей наднациональной идентичности не приходится. Значительно бóльшую роль, чем религия, на постсоветском Востоке играют пережившие советскую власть субэтнические, клановые, патрон-клиентские отношения.

Если говорить о России, то она в силу исторической и культурной традиции взаимосвязи с исламом, многонационального и многоконфессионального состава российского государства, наконец, вследствие географического фактора не может позволить себе абстрагироваться от протекающих в исламском мире процессов. Россия заинтересована в поддержании в мусульманских регионах политической стабильности, что невозможно без ровных отношений с мусульманским сообществом, в том числе и теми странами, где силен радикальный настрой. Между тем у России наряду с общими точками соприкосновения с «миром ислама» имеются и противоречия с ним.

Так, учитывая сложную религиозно-политическую структуру России, для нее неприемлема внешняя политика тех государств Востока, которые отдают приоритет мусульманскому фактору. Не устраивает Россию и поддержка со стороны ряда неправительст-

венных мусульманских организаций БСВ сепаратистских настроений и религиозно-политических движений экстремистской направленности («ваххабизма») среди российских мусульман. По-разному представляют в Москве и Стамбуле, какой должна быть система безопасности на Кавказе и как решать здесь застарелые конфликты. У России существуют разногласия с Ираном по вопросу статуса Каспия, а с ОПЕК она вообще конкурирует на мировых рынках. Следовательно, хотя Россия и учитывает в своей политике исламский фактор, есть основания сомневаться в том, чтобы она резко изменила вектор своей внешнеполитической активности и повернула его в сторону «мира ислама». Географическая расположенность и в Европе и в Азии не меняет для России того объективного факта, что она остается неотъемлемой частью Европы и христианского мира – как бы это кому-то не нравилось и какие бы новые издания «евразийства» ни пытались переломить эту данность истории и культуры.

Глобализация породила специфическую форму религиозного экстремизма, который вышел за страновые и региональные рамки, а потому представляет реальную угрозу международной безопасности. Все неправительственные религиозно-политические организации (НРПО), несмотря на кажущийся архаизм их установок – больше продукт современной глобализации, нежели исламского прошлого. Они используют в основном два международных языка – английский и арабский; идентифицируют себя как «мусульмане», а не граждане конкретных государств; легко меняют места проживания, не будучи укоренены на какой-то конкретной родине или обременены родственными, племенными, этническими, национальными корнями и связями. Например, палестинцы в беженских лагерях, откуда в основном и рекрутируются «живые бомбы» – смертники, не являются выходцами из сектора Газа или Западного берега; это – потомки беженцев войны 1948 г., превратившиеся в мигрантов и перемещающиеся по разным странам в поисках работы и средств к существованию.

Интернационализация экстремизма, его своеобразная глобализация ощутима и во внешних признаках: лозунги, символика, риторика и даже одежда и рекламные ролики, записываемые непосредственно перед террористическим актом, давно превратились в одинаковый для всех экстремистских групп ритуал, независимо от того, в какой части света они действуют – в Палестине ли, Афганистане, Чечне или Москве. Выкристаллизовались и объекты глобального экстремизма. Это – Израиль, США а теперь и Россия.

Усложнилась в современных исторических условиях международная система действий сторонников религиозного экстремизма, где доля мусульманского элемента весьма заметна. Они научились умело комбинировать разные виды мотивов – от мистических до вполне земных, материальных.

Утратив постоянных «спонсоров», экстремистские организации более активно подключились к нелегальной торговле оружием и наркотиками, что привело к их тесному сращиванию с международным преступным бизнесом. Две эти силы – скрывающиеся под религиозной личиной политические радикалы и международный криминал, заинтересованы в продолжении конфронтационных процессов, вооруженных конфликтов, поскольку в условиях нестабильности им легче получать прибыль. Следовательно, пока, к примеру, ближневосточный конфликт будет продолжаться, экстремизм будет получать мощную подпитку, а его «политическая элита», рядящаяся в одежды «защитников ислама» и поставившая на поток такое хорошо управляемое, серийно производимое комбинационное оружие, как смертники, будет с выгодой для себя распределять неконтролируемые финансовые потоки.

Пока не чувствуется, чтобы «мир ислама» стал осознавать свою долю ответственности за мир и международную безопасность. Террористические акты против американцев и европейцев часто трактуются как «ответ богатому Северу со стороны бедного Юга». Отмежевания от терроризма в религиозном обличье единичны и непопулярны, а если они и имеют место, то практически в основном только на официальном уровне, и то сопровождаясь аргументами о вынужденном характере такого рода акций. Это не означает, что мусульманский мир сплошь состоит из антиглобалистов. Напротив, мусульманские страны крайне заинтересованы в глобализации. Она решает многие их проблемы, позволяя, в том числе, обрести свою нишу на информационном поле (телекомпания «Аль-Джазира»), решать экологические вопросы, создавать предпосылки для безопасного развития путем подключения к международным организациям, которые ведут борьбу с незаконным оборотом наркотиков, людей, товаров и оружия.

Следовательно, несмотря на все побочные эффекты модернизации общества, его прогресс и реформирование представляют собой необратимый и необходимый процесс, являясь двигателем технологического развития и основой благосостояния общества.

Это именно то, чего, главным образом, не хватает странам исламского мира.

*«Исламская цивилизация в глобализирующемся мире»,
М., 2011 г., с. 135–138.*

А. Кива,

политолог

РОСТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА КАК СЛЕДСТВИЕ ПРОТИВОБОРСТВА ДВУХ СВЕРХДЕРЖАВ

Наш коллега, крупный специалист по проблемам стран Востока Р.Г. Ланда, рождение политического ислама связывает с появлением в Египте в 1928 г. движения «Братьев-мусульман». Тех, кто хочет знать подробнее о политическом исламе, включая радикальный ислам, я отсылаю к следующим источникам. Однако политический ислам, или исламизм (оба эти понятия большинством авторов воспринимаются как идентичные), не сразу заявил о себе как влиятельная общественная сила и тем более сила международного уровня. Вне сомнения, катализатором роста политического ислама стал затянувшийся на годы и десятилетия арабо-израильский конфликт, уже несколько раз перераставший в войны. Но он не был главным. Даже в ходе арабо-израильских войн доминировала идея арабского национализма, а не религии. Во всех арабских странах, так или иначе принимавших в них участие, были светские режимы, а радикальный ислам подавлялся. Да и борьба арабских и африканских народов против колониализма и неоколониализма велась под флагом панарабизма, panaфриканизма, национального социализма, но не религии. И только в отдельных случаях фигурировал «исламский социализм». Наверное, главным фактором резкого роста политического ислама, включая радикальный ислам, было что-то другое, о чем мы и поговорим ниже.

Кто дал путевку в жизнь шиитской революции в Иране?

Шиитская революция в Иране поистине стала мировым событием XX в. Как писал Г. Мирский, «иранская революция имела принципиальное значение: она совпала с политическим пробуждением шиитов, в течение столетий веривших, что законная власть устанавливается только после возвращения «скрытого имама». Напомню, что особенность шиизма состоит в том, что власть светского правителя не является для верующих полностью легитимной. По представлениям шиитских богословов, подлинным правителем

является скрытый имам – Махди или Вали-е-Аср (Повелитель времени).

Как бы то ни было, шиитская революция оказала прямое либо косвенное влияние на весь мусульманский мир, в котором ныне проживает уже около 1,5 млрд. человек, т.е. четвертая часть населения земного шара. Притом что шииты составляют не более 10% всех мусульман. И, что не менее важно, Иран стал примером для мусульман в деле если и не установления теократического режима, то прихода к власти. Например, Партия справедливости и развития, которая считается партией «умеренных исламистов», является правящей партией в Турции. И это, между прочим, не смущает Европейский союз, который не отказался от решения принять эту страну в свой состав в качестве полноправного члена.

В свое время в Институте востоковедения (при активном участии ныне покойного крупного ираниста Салеха Алиева) велись бурные дискуссии по вопросу характера революции в Иране, некоторые авторы даже зачисляли новый Иран в ряд стран социалистической ориентации по логике: коль скоро есть «национальный социализм», то почему не быть «религиозному социализму»? Тем более что аятолла Хомейни провозглашал, что все слои населения будут жить как братья, единой мусульманской общиной, в которой не будет угнетателей и угнетенных. В итоге появится «исламское бесклассовое общество». И разве это не близко тому, о чем говорили основатели научного социализма, за вычетом, разумеется, религии? В целом отношение к шиитской революции было положительным как в научной среде, так и в официальных кругах. С одной стороны, Америка лишилась важного для нее союзника в не менее важном для СССР регионе. А с другой стороны, в своей книге «Принципы управления в Исламской республике» Хомейни провозглашал отказ от рыночной экономики, необходимость развития государственного сектора, планирования и т.д.

Но как, все-таки, произошло, что очень быстрое развитие Ирана при шахе Мухаммеде Реза Пехлеви обернулось его срывом, бегством шаха из страны и установлением в ней теократического режима? Мировые цены на нефть после арабо-израильской войны 1973 г. выросли к декабрю того же года в четыре раза. Это позволило Ирану из года в год наращивать темпы производства для осуществления провозглашенной шахом «белой революции» (т.е. бескровной). Так, прирост промышленной продукции составлял 8,8% в 1962–1968 гг., 11,5 – в 1969–1972 гг. и 26% – в 1973–1978 гг. ВВП на душу населения увеличился за 1963–1978 гг. со

100 долл. в год до 1521 долл. При активном содействии стран Запада, а также СССР в Иране создавалась современная по тем временам экономика, включая ядерную отрасль. Проводилась прогрессивная, с исторической точки зрения, аграрная реформа, модернизировалась общественная жизнь. Шах обещал превратить Иран в пятую в мире промышленную державу и даже ядерную державу. И если бы претворение «белой революции» (против которой с самого начала выступал Рухолла Мусави Хомейни, чувствуя в ней угрозу традиционным институтам и, в частности, позициям духовенства в обществе) насильственно не прервалась, то Иран мог бы стать одним из первых в списке «новых индустриальных стран».

Ответ может быть как общего, так и конкретного характера. Начнем с общего. Многие режимы терпят неудачу оттого, что не понимают характера общества. Прежде всего, того, что общество – сложнейшая система, в которой есть находящиеся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости подсистемы. Это – политическое устройство, государство, экономический строй, культура, социальная и духовная сфера жизни народа и т.д. И если по тем или иным причинам нарушается равновесие подсистем, особенно важнейших из них, то может пойти вразнос вся система. Скажем, если экономика едва ли не одномоментно обваливается, как это произошло в России в начале 1990-х годов по вине наших либерал-реформаторов, то это неизбежно разрушит социальную систему и в конечном итоге вызовет цепную реакцию во всех составляющих общества. А если еще и в результате воровской приватизации происходит поправление народного представления о социальной справедливости, то тут практически неизбежны коррупция и организованная преступность, разложение правоохранительной системы и небывалое падение духовно-нравственной сферы.

В Иране произошло другое: шах не просто пренебрег духовно-нравственной сферой жизни народа, он попытался ее модернизировать, опираясь на опыт Запада и, в первую очередь, США. Именно США объективно способствовали шиитской революции в Иране. Стоит напомнить, что, создавая вокруг СССР военные блоки – что было в логике противоборства двух общественных систем и двух военных блоков – США добились включения Ирана в военный блок «Багдадский пакт» (1959), а потом, после выхода из него Ирака и смены названия – в «Организацию центрального договора» (СЕНТО) наряду с Великобританией, Турцией и Пакистаном. Со временем США стали смотреть на шахский Иран как

на своего самого сильного и надежного военного союзника на Ближнем и Среднем Востоке после Израиля. И действительно, при активном содействии США Иран стал превращаться в мощную военную державу. За считанные годы численность личного состава иранских вооруженных сил возросла в 2,5 раза – с 161 тыс. человек в 1970 г. до 415 тыс. в 1978 г. Резко выросла мощь авиации и флота. Форсированными темпами создавалась военная промышленность. Разумеется, на это уходили огромные средства.

Но беда была в другом.

Во-первых, быть союзником Америки, в то время как она поддерживает Израиль, иранскому духовенству казалось недопустимым из-за исламской природы государства. К тому же американцы, в качестве военных советников и гражданских специалистов, буквально наводнили Иран. Перед падением шахского режима их насчитывалось около 40 тыс. человек.

Во-вторых, поддерживать с Израилем добрые отношения, особенно в период арабо-израильской войны, как это делал шах, духовенству казалось недопустимым.

В-третьих, шах проводил модернизацию в сфере общественных (включая тендерные и т.п.) отношений во многом по образцу стран Запада. Кстати сказать, Реза Пехлеви учился в Европе и любил Европу. Ряд его законов, очевидно, был скопирован с европейских: в частности, шах провел закон, разрешивший женщинам не носить хиджаб, поощрял ношение одежды европейского покроя, запретил многие религиозные церемонии, в ряде небольших городов стали появляться винные магазины, в кинотеатрах шли западные, в основном американские, фильмы, шокировавшие правоверных мусульман. Все это свидетельствовало о намерении шаха внедрить европейскую культуру в стране. А это в глазах иранского духовенства, и лично Хомейни, уже было прямой изменой исламу. Он называл «белую революцию» «мошеннической революцией» и открыто критиковал шаха в своих проповедях.

В-четвертых, как мы знаем по собственному опыту, увлечение великодержавием и гонкой вооружений – дело чрезвычайно затратное, тем более в условиях развивающейся страны, такой как Иран. Так, за период с 1971 по 1978 г. только в США Иран закупил вооружений на несколько десятков миллиардов долларов. Это происходило на фоне люмпенизации немалой части населения и обогащения новой буржуазии и верхушки бюрократии. Обездоленный люд (в лице вчерашних крестьян, разорившихся мелких торговцев, ремесленников и пр.) заполнял городские базары, вы-

плескивая свое недовольство существующим порядком. В мечетях же это недовольство направлялось конкретно против шахского режима. В-пятых, как и многие предшествовавшие ему правители, шах опирался на силу репрессивного аппарата: на армию, гвардию и особенно на тайную полицию САВАК, действовавшую примерно так же, как наш КГБ в сталинский период. А еще и на поддержку США. Впрочем, в этом он обманулся: в ближайшем окружении президента США Дж. Картера не было единства по вопросу ввода американских войск для спасения шахского режима. По собственному опыту мы знаем, что мощный репрессивный аппарат не спас ни царскую, ни советскую Россию.

Что же касается конкретных причин, приведших к краху шахского режима, то они, по существу, вторичны. Правители, находившиеся долго у власти, нередко теряют чувство реальности. Это почти универсальное правило. Мохаммед Реза Пехлеви принял трон в 1941 г. от своего отца Реза-шаха, вынужденного передать его сыну перед лицом давления стран антигитлеровской коалиции. Реза-шах происходил из простых крестьян и, став в 1925 г. шахом, учредил новую правящую династию Пехлеви. Это ему удалось в результате военного переворота, положившего конец на редкость неудачному правлению тюркской династии Каджаров (1797–1925), которую духовенство тоже считало не вполне легитимной. Естественно, что династия Пехлеви в их глазах вообще была незаконной, и Хомейни (род которого восходил к седьмому шиитскому имаму Мусе Казему), в 1925 г., будучи еще студентом медресе, публично заявил, что «Иран примирится сам с собой лишь с исчезновением династии Пехлеви». Став аятоллой, а затем и великим аятоллой, он без всякого почтения относился к шаху.

В этих условиях шах должен был бы всячески доказывать свою приверженность исламу. Он же, наоборот, делал акцент на персидский национализм, прославлял доисламскую Персию, правления Дария и Кира Великого, и даже сына своего назвал Киrom. В 1971 г. с невероятной помпой было отпраздновано 2500-летие персидской монархии, а в 1976 г., согласно указу шаха, летоисчисление стало вестись от восхождения Кира на царский престол.

Обвинение Хомейни шаха в том, что он создал тиранический режим, не было беспочвенным. И дело не только в массовых репрессиях. После революционных событий 1907 г., к которым было причастно и духовенство, в Иране была принята конституция, установившая принцип разделения властей — законодатель-

ной, исполнительной и судебной, а также принцип ответственности правительства перед меджлисом (парламентом). В конституции провозглашались неприкосновенность личности, собственности, жилища и тайна частной корреспонденции. Объявлялась свобода образования, печати, обществ и союзов (при условии, что она не противоречит основам ислама). Однако и духовенство получило широкие права. В частности, без его предварительного одобрения шах не мог утвердить ни один закон. Это, очевидно, и подвигло шаха, вынашивавшего идею грандиозных реформ, пойти на государственный переворот в 1953 г., когда он распустил меджлис и установил в стране личное правление. Но этому предшествовал еще и острый конфликт шаха с популярным в народе главой правительства, человеком левых взглядов, Мохаммедом Моссадыком, который решился на национализацию Англо-Иранской нефтяной компании (АИНК). Считается, что в тот период не столько англичане, сколько американцы работали против премьера в пользу шаха. Впоследствии стало известно, что спецоперация ЦРУ по устранению с политической сцены Моссадыка носила кодовое название «Аякс».

И, наконец, ошибкой стал расстрел студентов медресе в святом месте для шиитов Куме в 1963 г., затем, 9 января 1978 г., – расстрел массовой демонстрации в Куме, с чего, собственно, и началась шиитская революция. Причиной демонстрации явилась резкая критика Хомейни в правительственной газете. И здесь тоже напрашиваются аналогии. Первая революция в России тоже началась после «кровавого воскресенья», произошедшего 9 января 1905 г.

Очевидно, шах плохо знал свой народ. Как отмечает Г. Мирский, «шиитам всегда была присуща традиция мученичества, жертвенности, доходящая до исступления и экстаза. Как писал профессор Калифорнийского университета в Беркли Хамид Альгар, «каждый день в жизни шиита – это борьба, которая должна привести его либо к триумфу, либо к мученичеству». Да, триумф состоялся. Ставка Вашингтона на шахский режим потерпела крах, а провал спецоперации США по освобождению находившихся в здании их посольства в Тегеране американских заложников в апреле 1980 г. вызвал ликование в мусульманском мире. (В массах, но не во властных кругах!) Но долговечен ли рожденный режим? Считается, что жизнь тупиковых режимов – а теократический режим в XXI в., вне сомнения, к ним относится – это жизнь примерно трех поколений людей. Столько просуществовала у нас модель

ленинско-сталинского социализма, в европейских странах она умерла раньше, а в Северной Корее она существует (причем в наиболее извращенной и откровенно реакционной форме) уже более 60 лет.

Афганистан: Каждая сверхдержава, работая против своего потенциального противника, неосознанно работала и против себя. С высоты сегодняшнего дня даже трудно себе представить, какой могла быть разумная мотивация для ввода советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. На этот счет в свое время ходило несколько версий. По одной – это было продиктовано стратегическими интересами СССР. По другой – было сознательно спровоцировано США с целью ослабления СССР. (В западной прессе стали появляться сообщения, что якобы США планируют разместить в горах Афганистана стратегические ракеты, нацеленные на СССР.) По третьей версии – советское руководство стремилось расширить зону социализма, направив развитие Афганистана по некапиталистическому пути по примеру советских республик Средней Азии и Монголии.

Если учесть, что решение о вводе «ограниченного военного контингента» в Афганистан принималось по инициативе трех самых влиятельных членов Политбюро ЦК КПСС – шефа КГБ Ю. Андропова, министра иностранных дел А. Громыко и министра обороны Д. Устинова – с неохотного, скажем так, одобрения уже тяжело больного Генерального секретаря ЦК КПСС Л. Брежнева, то доминирующим, можно считать, был геостратегический мотив. Но в то же время хорошо известно, что ответственными работниками ЦК КПСС (при подключении ученых академических институтов) разрабатывалась модель развития Афганистана по пути социалистической ориентации. Реформы, очевидно, мыслились на манер того, как это мы делали в республиках Средней Азии при опоре на Красную армию. И наши «афганские друзья» не могли игнорировать рекомендации, идущие от руководства страны, на помощь которой они рассчитывали.

Вот те меры, которые первоочередными объявили власти:

– сокращение задолженности безземельных и малоземельных крестьян и ликвидация ростовщичества.

Аграрная реформа – экспроприация земли и недвижимого имущества у крупных землевладельцев, которых к началу революции насчитывалось 35–40 тыс., и распределение ее среди малоземельных крестьян. Был установлен лимит частной собственности на землю в 6 га;

– секуляризация – т.е. гонение на мусульманское духовенство, ущемление его в имущественных и прочих правах;

– эмансипация женщин – запрет принудительных браков, введение возрастных ограничений при их заключении и отмена обычая калыма (декрет от 75 октября 1978 г. о предоставлении женщинам равных прав с мужчинами).

Лучшего способа настроить против новых властей духовенство, вождей племен, состоятельных людей, имевших огромное влияние в отсталой крестьянской стране с сильными родоплеменными традициями, даже трудно придумать. Притом что НДПА могла опереться в основном только на тонкую прослойку интеллигенции, какую-то часть городской бедноты и офицеров, прошедших обучение в социалистических странах. Но и в среде интеллигенции уже были радикальные исламисты, которые не только могли плеснуть кислоту в лицо «не так одетой» школьнице или студентке, но и зарезать «неверного», как это сделал в 1972 г. студент Кабульского университета Гульбуддин Хекматиар, впоследствии ставший одним из самых жестоких полевых командиров в ходе гражданской войны. В довершение ко всему, как это часто и бывает в незрелых обществах и скороспелых организациях, началась вражда между фракциями «Хальк» и «Парчам» в самой НДПА. В результате нередко случались кровавые стычки, кто-то из лидеров был выслан из страны (как Бабрак Кармаль), а кто-то и погиб от рук своих же партийцев (как первый президент нового Афганистана Нур Мохаммед Тараки). Вслед за этим начался переход ключевых фигур в борьбе с моджахедами на сторону талибов. Речь идет, в частности, о генерале А.Р. Дустуме, войска которого вместе с талибами в 1992 г. взяли Кабул.

Что же касается возможной провокации со стороны Вашингтона, то косвенное доказательство у нас есть: Збигнев Бжезинский, бывший при президенте США Дж. Картере советником по национальной безопасности, в интервью французской газете «Нувель обсерватор» в 1998 г. заявил, что «его неправильно поняли в том смысле, что США якобы подталкивали СССР к введению войск в Афганистан, мы, дескать, это предвидели и, осуществляя секретную операцию, содействовали тому, чтобы СССР попал в западню. И как только это случилось, я написал президенту Картеру: “У нас появилась возможность дать Советскому Союзу свою вьетнамскую войну”». Со своей стороны, Роберт Гейтс, бывший высокопоставленный работник ЦРУ, в своих мемуарах «Из тени» («From the Shadows») писал, что за полгода до ввода советских войск в

Афганистан президент Картер дал указание ЦРУ помогать противникам просоветского режима.

Трудно сказать, как бы пошли дела в Афганистане, если бы афганской оппозиции активно не помогали США и мусульманские страны. Ведь одно только появление у моджахедов, или «душманов», американских ракет «Стингер» тут же сказалось на ходе военных операций не в пользу советских войск и войск Демократической республики Афганистан (ДРА). Очевидно, что даже при разгроме основных сил противников ДРА волна радикального политического ислама, поднятая авантюристической политикой афганских леваков и присутствием войск чужого государства в стране, вряд ли скоро спала бы. Скорее всего, война приняла бы затяжной партизанский характер. А это в конечном итоге могло бы заставить СССР вывести войска из Афганистана. При этом была бы велика вероятность и падения ре жима, опиравшегося на его помощь. И уж тем более никакого социализма в стране такого уровня развития, как Афганистан, построить бы не удалось.

Как пишет Д. Нечитайло, «пуштунские племена строго следуют суннитской ветви ислама, однако при этом не могут отказаться от традиционных обычаев. Исторически родоплеменные образования имели практически полный контроль над территориями своего обитания, а их вожди – над членами своего племенного объединения, заключая в себе верховную политическую, военную, юридическую и экономическую власть. Поэтому общеафганские правители в Кабуле никогда не обладали абсолютной властью над всеми своими подданными – как пуштунами, так и другими. Когда кабульским правителям удавалось силой подчинить их себе, это давало чаще всего временный результат. Справедливо считает В.И. Сажин, что Афганистан, будучи на протяжении столетий унитарным государством де-юре, никогда таким не являлся де-факто».

Напомним также об опыте англичан, которым в конечном итоге так и не удалось надолго закрепиться в Афганистане. И еще. В Афганистане впервые исламский радикализм проявил себя как интернациональная сила – на стороне моджахедов воевали представители более чем 20 стран. И сейчас интернациональный состав характерен для моджахедов-экстремистов, совершающих теракты в Афганистане, Ираке, ряде других стран. И тут возникает целый ряд вопросов. То, что Америка часто занимала сторону наших противников, стремилась теми или иными способами (включая секретные операции ЦРУ), ослабить экономический и научно-

технический потенциал СССР, его политическое влияние в мире, подорвать его жизнеспособность, вопроса не вызывает. Примерно так же вели себя и мы, помогая воюющим против Америки во Вьетнаме, Корее и т.д. Думали ли американские стратеги, что активная поддержка Вашингтоном моджахедов, взявших на вооружение радикальный ислам и террористические методы борьбы, может когда-то обернуться против США? Вряд ли. Иначе Усама бен Ладен не был бы какое-то время агентом ЦРУ, и не было бы тех, кто потом составил костяк «Аль-Каиды». Образно говоря, США хотели, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Они не только всемерно поддерживали Израиль, но и имели союзников среди мусульманских стран, прежде всего в лице Пакистана и Саудовской Аравии и, вообще, стремились иметь хорошие отношения со странами региона, невероятно богатого нефтью. Только в 1996 г., за пять лет до теракта 11 сентября 2001 г., Усама бен Ладен провозгласил стратегию глобального джихада. В своих многочисленных обращениях и книгах Усама бен Ладен доказывал, что конфронтация с христианским и иудейским Западом в военной, экономической, культурной, идеологической и религиозной сферах – объективна и неизбежна.

Вызывает вопрос другое: почему в последние годы существования СССР, да и в условиях уже новой России мы стали делать такие просчеты, которые были чреваты фатальными последствиями? СССР, к моменту ввода советских войск в Афганистан, уже вступил в полосу кризиса. Наметилось прогрессирующее отставание от стран Запада в научно-технической сфере. Все больше давало о себе знать недовольство советских граждан качеством жизни, особенно в национальных республиках. Участились случаи предательства потерявших веру в социализм офицеров разведки. Росло число диссидентов и «невозвращенцев» и т.д. И вместо модернизации страны, как это уже началось в Китае после принятия по инициативе Дэн Сяопина принципиального решения о реформе и открытости (декабрь 1978 г.), мы пошли в совершенно другом направлении. Нам надо было уже думать не о расширении зоны «мирового социализма», а о сохранении того, что есть, и, прежде всего, собственной страны в существующих границах. Средства, которые уходили на финансирование военных действий в Афганистане и поддержку левацкого режима (по нашим данным, 3–5 млрд. долл., а по западным – не менее 8 млрд.), должны были пойти на модернизацию страны, и не только экономики, но и заскорузлой политической системы. Что касается людских потерь,

то они, по данным западных аналитиков, также в несколько раз больше официально нами объявленных. Стоит ли говорить о потерях в глазах мирового сообщества, которое не одобрило вмешательство сверхдержавы во внутренние дела небольшой страны. Афганистан также понес потери, которые соизмеримы с теми, что понес Вьетнам в ходе американского вооруженного вмешательства.

И вот мы опять выходим на общие проблемы. Речь идет о характере политической системы. Если она не обеспечивает постоянной ротации кадров на основе меритократии, а не опоры на «своих» («днепропетровскую» и «молдавскую» группировки, как это было при Брежневе, или «питерцев», как это происходит ныне), и позволяет руководителям находиться у власти бесконечно долго, то страну неизбежно ждет кризис. Ведь Политбюро ЦК КПСС при Брежневе фактически превратилось в дом престарелых, и оно уже было не в состоянии принимать адекватных решений, а обновлять свой состав за счет молодых талантливых людей было опасно. И то, что страна продолжала нести потери при правлении отнюдь не очень сильных государственных деятелей, таких как М. Горбачёв и Б. Ельцин, есть прямое следствие сложившейся политической практики. Иногда ее называют «отрицательным отбором», что, по-моему, является преувеличением, в котором, однако, есть и немалая доля истины.

Эта проблема актуальна и сегодня, поскольку президентом Д. Медведевым поставлена задача модернизации страны. И здесь, несомненно, пригодился бы опыт новых индустриальных стран Востока, но с учетом «российской специфики». Распространена такая точка зрения, что, не меняя политическую систему, тем не менее можно модифицировать нашу властную вертикаль таким образом, чтобы она давала простор развитию, а также пересмотреть те законы и подзаконные акты, которые принимались для консервации статус-кво, а не для модернизации. Некоторые авторы даже считают, что быстрое развитие страны больше зависит от дееспособной власти и правящего класса, удачной модели реформ, чем от того, демократичен или авторитарен режим. При этом приводятся примеры Южной Кореи, Сингапура, Тайваня, Малайзии и Китая, которые достигли огромных экономических успехов в условиях авторитарных режимов. Сказанное в принципе верно. Однако, на мой взгляд, здесь опасны обобщения. Есть разная демократия и разный авторитаризм. Представительная демократия может быть слаборазвитой, среднеразвитой и высокоразвитой.

А еще может быть имитационной, фальшивой. Незрелая демократия при определенных условиях действительно может работать не на прогресс, а на регресс. Авторитаризм, в свою очередь, может быть как авторитаризмом развития, так и авторитаризмом упадка и деградации. А еще может быть и «популистский авторитаризм», когда заботой о народе прикрывается реакционная политика. Такой авторитаризм тоже работает не на прогресс, а на регресс. Все зависит от многих факторов, в том числе от уровня цивилизационного и социально-экономического развития, исторических и культурных особенностей того или иного социума, характера его менталитета, традиций и т.д.

Нашей стране, большинство граждан которой являются носителями европейской культуры, но особого менталитета и многовековых авторитарных традиций, ни в коем случае нельзя отказываться от демократии, какого бы уровня зрелости она ни была. Например, в Индии, где еще не искоренено неравноправие низших каст и остается море забитости и нищеты, ее зрелой не назовешь. Тем не менее она позволила этой недавней колонии избежать диктатуры, законным путем лишая власти партии и руководителей, если они не оправдывают надежды избирателей, и в конечном итоге добиться высоких темпов роста. И прав президент Медведев, когда говорит, что свобода лучше несвободы и что уровень демократии напрямую связан с уровнем развития общества.

При этом следует учитывать еще одну очень важную вещь. В странах конфуцианской, буддийской, исламской и некоторых других культур существует укорененная в веках этика поведения верхов, низов, членов семьи и т.д. (Хотя в периоды глубоких общественных кризисов она тоже не всегда срабатывает.) Например, конфуцианство требует от правителя умело руководить страной и заботиться о людях, а если же этого нет, то «Небо лишает правителя мандата» и народ вправе его свергнуть, что нередко и случалось в истории Китая. И в богатых нефтью странах Персидского залива монархи и другие правители в духе общинных традиций и предписаний Корана заботятся о простых людях.

В России, к сожалению, в силу нашей сложной истории, формирования менталитета под влиянием «византийства», «ордынства», «неметчины» (выражение Бердяева) и крепостного права – другая этика поведения власти. Она, власть, часто очень быстро отрывается от народа, не считается с его интересами и старается править как можно дольше, а то и пожизненно независимо от результатов правления. А еще и не создает сильной конст-

руктивной оппозиции, которая бы могла подхватить власть в случае падения существующего режима и разумно ею распорядиться. Так было в 1917 и в 1991 гг.

Наши либералы, на первое место ставящие демократию, которая, по их мнению, должна предшествовать экономическому развитию, во-первых, не считают с реальностью, с тем, что первостепенной ценностью ее считают только 5–7% россиян, у других демократия стала ассоциироваться с голодными 1990-ми годами. Во-вторых, либералы не могут отрицать, что именно быстрый рост экономики создает предпосылки для становления и устойчивого функционирования институтов демократии. Меняется социальная структура общества в пользу увеличения среднего класса, растет число образованных людей, растет городское население, растет благосостояние граждан, постепенно изживается свойственное крестьянским обществам авторитарное сознание и т.д. Нищей демократии не бывает. А если она в зачаточном состоянии и возникает в бедных странах, то при первом же кризисе ее как ветром сдувает. После Февральской революции россияне получили такие широкие права и свободы, которых не было и в странах старой демократии, но сохранить их не смогли. Для этого не было никакой базы – ни в материальной, ни в духовной сферах.

Скорее всего, либералы не станут отрицать, что реальный социализм (который поляки называли «нищим социализмом») можно было не менять на «дикий капитализм» с его олигархами, вороватой бюрократией, вездесущим криминалом и тотальным произволом, а трансформировать и сохранить как общественную модель, в чем-то близкую, а в чем-то и отличную от западной модели капитализма, точнее, посткапитализма, или «социального капитализма». Наверное, они согласятся и с тем, что реальный социализм канул в Лету не потому, что народ истосковался по демократии – он хотел жить так, как живут люди при капитализме.

А те наши граждане, которые до сих пор тоскуют по реальному социализму, со своей стороны должны признать: ленинско-сталинская модель социализма изначально была ущербной, и наша жизнь на фоне жизни людей в странах Запада смотрелась нищей по причине как раз отсутствия демократии. Ибо если бы были свобода прессы, оппозиция, свободные выборы, то слабая или действующая не в интересах народа власть уходила бы со сцены, во всяком случае, ей не было бы позволено тратить огромные средства на безумную гонку вооружений, на помощь «революционным странам» и «борющимся народам», на разного рода авантюры вро-

де афганской. Не было бы не только «брежневского застоя», но и построенной на наивно-утопическом теоретическом фундаменте перестройки и уж тем более криминально-олигархической революции 1990-х годов.

Последствия противоборства великих держав. Реальный социализм потерпел крах, советское государство исчезло, а последствия проводившейся СССР политики по-прежнему дают о себе знать. На этапе распада колониальной системы две общественные системы боролись за то, чтобы как можно больше освободившихся стран пошло по их пути развития – соответственно по пути социализма и «свободной рыночной экономики и демократии». Мы настойчиво советовали молодым странам следовать примеру Монголии и республик Средней Азии, якобы «в течение одного поколения построивших социализм, минуя капиталистическую стадию развития». При этом не менее настойчиво рекомендовали им осуществлять кооперирование крестьянства и даже индустриализацию по нашему образцу, что практически нигде себя не оправдывало. Среди них были и страны, где большинство населения исповедует ислам.

Сделаю оговорку. В те годы в преобладающем большинстве бывших колоний представители их элиты говорили о социализме, а слово «капитализм» вообще редко употреблялось в положительном смысле. В тот период капитализм еще не доказал своих преимуществ перед социализмом, это произойдет только на втором витке научно-технической революции. По-разному сложилась судьба вышеобозначенных стран. Следуя примеру организации «Свободные офицеры», которая во главе с Гамалем Абделем Насером совершила в Египте в 1952 г. военный переворот и вывела страну на независимый путь развития, объявив своей целью «национальный социализм», офицеры сразу трех стран – Судана, Сомали и Ливии – в 1969 г. сделали примерно то же самое. Бывший английский протекторат Аден, ставший независимой страной в 1967 г., и без государственного переворота взял ориентацию на социализм, причем научный социализм, и в итоге стал называться Народно-Демократической Республикой Йемен (НДРЙ). Эта страна, пожалуй, теснее других была связана с Советским Союзом.

Что касается Египта, то после смерти Насера в 1970 г. сменивший его на посту президента Анвар Садат резко повернул политику в сторону сближения с США и примирения с Израилем. За это его в радикальных арабских кругах посчитали предателем, и вскоре он погиб от пуль радикальных исламистов. Но несмотря на

сильное влияние в стране ислама и вылазки исламских экстремистов, власть там остается светской.

У лидера «суданской революции» Джафара Мухаммеда Нимейри с самого начала не сложились отношения с коммунистами, которые, как и их единомышленники практически во всех развивающихся странах, страдали «зудом левачества». Зная степень влияния ислама среди населения и учитывая печальный опыт шаха Ирана, он решил даже перехватить инициативу у исламистов. В 1983 г. он объявил Судан исламской республикой и стал на свой лад осуществлять «исламскую революцию». Это не понравилось многим из тех, на кого он опирался и, пользуясь его отсутствием в стране, они в 1985 г. совершили государственный переворот и восстановили парламентскую республику, которая просуществовала до 1989 г. Тогда случился очередной военный переворот, который возглавил Умар (Омар) Хасан аль-Башир, опиравшийся на исламские организации. Потом он стал премьером, а затем и президентом, оставаясь им и сегодня. При этом Национальный исламский фронт неизменно выигрывает парламентские выборы. Аль-Башир среди арабской части населения пользуется популярностью, но его ненавидят на Западе, в первую очередь американцы, за то, что он жестоко подавлял повстанческие силы на юге Судана и в Дарфуре. В 2011 г. на юге Судана было провозглашено новое государство.

Неожиданно трагически закончилась история НДРЙ. С началом в СССР перестройки была резко сокращена помощь этой стране, были отброшены планы использовать исключительно выгодное стратегическое положение Адена с целью создания там крупной советской военно-морской базы. Возникли трудности, а с ними и расхождения в руководстве во взглядах на дальнейший путь развития государства. Но то, что случилось позднее, даже в дурном сне не могло бы присниться. В 2006 г. на заседании политбюро правящей партии одна из фракций неожиданно открыла автоматный огонь на поражение против другой фракции с целью ее уничтожения. Затем между сторонниками этих группировок началась настоящая война с применением танков и самолетов. В результате практически был выбит почти весь руководящий состав партии и правительства – погибло 10 тыс. человек. Для такой маленькой страны это стало катастрофой. Через четыре года НДРЙ прекратила свое существование, став частью более крупной Йеменской Арабской Республики, в которой очень сильны позиции радикальных исламистов. Журналист В. Мясников писал: «Президент Йемена Али Абдалла Салех оказался в сложной обстановке.

Он не может обойтись без помощи Вашингтона, но антиамериканские настроения сильны в армии и спецслужбах. Воевать с экстремистами невозможно, потому что у них родственные связи с представителями своих племен на высоких государственных должностях. Ему самому приходится расставлять своих родственников на ключевые должности в силовых структурах, а это вызывает недовольство других кланов... Новое поколение исламистов в Йемене четко позиционирует себя как борцов за Всемирный халифат. И это поколение становится все более влиятельным в исламском мире. Никаких переговоров с властями они не признают».

Не лучше сложилась и судьба «прогрессивного режима» в Сомалийской Демократической Республике (СДР), который, как и режим в НДРЙ, своей официальной идеологией провозгласил научный социализм. Эта страна тоже имела важное значение для СССР с точки зрения геостратегических интересов. (Дело в том, что соседняя Эфиопия при императоре Хайле Селассие ориентировалась на США, ими вооружалась и считалась их негласным союзником.) СССР и Сомали в 1974 г. заключили договор о дружбе и сотрудничестве, после чего в страну стали прибывать советские и кубинские военные советники и специалисты. В СДР стали поступать советское оружие и военная техника, а взамен СССР получил на ее территории ряд стратегических объектов, включая пункт базирования боевых кораблей ВМФ в порту Бербера и некоторые военные аэродромы. В итоге с помощью СССР и Кубы в СДР была создана вполне современная и боеспособная армия. Государство Сомали, как тогда казалось, вполне успешно проводило преобразования в разных сферах бытия.

Но вскоре императорский режим в Эфиопии был свергнут. Новые руководители во главе с Менгисту Хайле Мариам тоже провозгласили курс на социалистическую ориентацию и развитие дружеских отношений с СССР. Москва, естественно, стала проводить в отношении новой Эфиопии примерно такую же политику, как и в отношении СДР. Надо отметить, что Эфиопия имела глубокие исторические связи с Россией. Эта крупная страна (до отделения от нее Эритреи) занимала более выгодное стратегическое положение в регионе, чем Сомали. И вскоре эфиопский (теперь эритрейский) порт Массау стал играть такую же роль, как и порт Бербера. Но, как говорил Станиславский, если на сцене висит ружье, то оно должно выстрелить. Иначе говоря, руководство Сомали создавало сильную армию не ради забавы, а для того, чтобы при случае воссоздать «великое Сомали», в которое должны были

войти населенные сомалийцами части Эфиопии (в частности, Огаден) и Кении, а также Джибути. По мнению Сиада Барре, этот случай представился, когда после антимонархической революции эфиопская армия резко ослабла. Уверовав, что СССР будет на его стороне, С. Барре принял решение отторгнуть от Эфиопии Огаден. В июле 1977 г. сомалийские войска вторглись в Огаден и очень быстро захватили 60% его территории. Потом их продвижение затормозилось. Советское руководство дало четко понять, что сомалийский лидер заблуждается, и потребовало прекратить боевые действия и вывести войска с захваченных эфиопских территорий. Не получив согласия, Москва создала «воздушный мост» для переброски в Эфиопию военной техники, кубинских военнослужащих и советских военных специалистов. В ноябре 1997 г. правительство Сомали объявило о денонсации советско-сомалийского договора о дружбе и сотрудничестве и потребовало от СССР немедленно убрать своих военных советников и специалистов. В конечном итоге эфиопско-кубинские войска (при участии советских советников) нанесли сокрушительное поражение сомалийской армии.

Это сильно ударило по престижу Сиада Барре, внесло раскол в ряды его сторонников и усилило сепаратистские движения. Попытка С. Барре переориентировать внешнюю политику на США и арабские страны имела ограниченный успех и не могла компенсировать той помощи, которую оказывал режиму СССР. Все это озлобило его, превратив в жестокого диктатора. Он все чаще стал прибегать к массовым репрессиям, особенно в отношении народности исса, и в конечном итоге настроил против себя едва ли не все племена. От него отвернулись и его новые союзники. Перед лицом захвата столицы вооруженной и разноликой оппозицией в мае 1992 г. он бежал, из страны, которая после этого в прямом смысле слова развалилась. Исчезли все государственные структуры: правительство, армия, полиция, суды и т.д. Таким образом, исчезло и ранее существовавшее государство. На развалинах Сомалийской Демократической Республики возникли такие квазигосударственные образования, как Сомалиленд и Пунтленд. В обстановке полного хаоса и безвластия в разных местах страны стали возникать исламские суды, которые в итоге создали Союз исламских судов (СИС). Позже, с помощью мирового сообщества, которое направило миротворческие силы в Сомали, на базе столицы Могадишо появилась так называемая территория международного признанного правительства. Правительство несколько лет держа-

лось на штыках эфиопских войск, направленных туда по линии ООН при активном содействии США. Именно на них стали ориентироваться новые эфиопские власти после краха режима Менгисту в 1991 г.

Попытка построить социализм в обществе с преобладающими родоплеменными отношениями закончилась тем, что президентом международно признанного государства с центром в Могадишо стал лидер СИС Шариф Шейх Ахмед. Вначале СИС в США называли отделением «Аль-Каиды», но при президенте Обаме отношение к СИС изменилось. Изменилось оно и со стороны ЕС. Очевидно, верх взял здравый смысл: порядки, установленные по шариату, лучше хаоса, безвластия, массового голода и тотального насилия. Возможно, возлагается надежда и на то, что сомалийские «корсары» прекратят или хотя бы снизят планку нападений на суда в Аденском заливе. Но это сделать не так просто, ибо, как сообщали СМИ, и боевики исламских судов, чтобы как-то прокормиться, участвовали в пиратских рейдах. Как считает О. Валецкий, «сомалийцы в силу своей недавней истории представляют исключительно благоприятную почву для пропаганды идей исламского фундаментализма, так как идеи социализма и демократии у них ассоциируются с иноземными агрессорами...»

Что касается Алжира, то в отличие от рассматриваемых выше стран, выбор в пользу социализма, пусть даже арабского и немарксистского, был предопределен длительной борьбой алжирцев в составе Фронта национального освобождения (ФНО) против колониальной державы. Изначально к власти пришли военные, и это дало возможность созданному ими режиму выстоять в тяжелой многолетней борьбе с исламистами, взявшими на вооружение массовый и жесточайший террор, который вызвал и сходный ответ со стороны властей. Вспомним, кстати, мысль классиков марксизма о том, что под религиозными знаменами народные массы средневековой Европы вели борьбу за социальные интересы. В самом деле, что явилось причиной появления движения радикальных исламистов в Алжире? Ведь руководители ФНО с уважением относились к исламу и его институтам. Причиной стали острые социальные проблемы, которые накапливались год за годом, руководство Алжира замахнулось на крупномасштабную индустриализацию, в том числе создание тяжелой промышленности, на что уходили огромные средства с минимальной отдачей. Требовали немалых средств аграрная реформа, закупка вооружений в других странах, содержание бюрократического аппарата, неимоверно раз-

росшегося за 30 лет бессменного правления партии ФНО. На глазах народа жирела правящая верхушка. При монополизации одной партией политической жизни чаще всего неизбежны злоупотребления властью, плохое управление, бюрократизм, коррупция, казнокрадство. И это на фоне массовой безработицы, особенно среди молодежи, и люмпенизации немалой части крестьян, мигрировавших в города, но не нашедших там себе места. Усугублял ситуацию на рынке труда и быстрый естественный прирост населения. При высоких ценах на нефть социальные контрасты как-то сглаживались, но при их падении они обострились. Согласно принятой в 1989 г. новой конституции, алжирцы получили плюрализм и многопартийность. Но в тот год на мировых рынках как раз были низкие цены на нефть. Встает вопрос: кто мог канализировать нараставший в алжирском обществе социальный протест? В Алжире не оказалось другой силы, кроме Фронта исламского спасения (ФИС). Он и получил в первом туре первых в стране выборов в парламент 188 мест (из 430), в то время как ФИО – только 16 мест. Стало ясно, что к власти придет ФИС. И когда военные отменили выборы и приостановили действие конституции, то лидеры ФИС посчитали, что у них украли победу. Из ФИС вышли непримиримые исламисты, создавшие Исламскую армию сопротивления (ИАС), и началась многолетняя кровопролитная гражданская война.

Однако в 1999 г. президентом Алжира был избран Абдельазиз Бутефлика (в студенческие годы бывший лидером молодежной исламской организации). Это хорошо известный в стране и мире государственный деятель, участник борьбы за независимость, многие годы (1963–1979) бывший министром иностранных дел. Он обнародовал программу своих действий, и ИАС заявила о прекращении боевых действий в одностороннем порядке. В ответ президент амнистировал многих активных боевиков ИАС, и террор в стране резко пошел на убыль. В Бутефлике алжирское общество увидело человека, который может вывести страну из кризиса и поставить ее на рельсы успешного развития, о чем свидетельствует число поданных за него голосов на президентских выборах. В 1999 г. – 74%, в 2004 г. – 85, в 2009 г. – 90%. Как и во многих других странах «молодой» или, скорее, «начальной» демократии, алжирские граждане придают большее значение исполнительной, нежели законодательной власти, причем характер личности может быть даже важнее выдвигаемой ею программы. В Национальном народном собрании (парламенте) большинство голосов имеют

антиисламистские силы. Исламисты не сошли со сцены. Поскольку новая конституция запретила создавать партии на религиозной, расовой и региональной основе, то они приняли другие названия (обычно нейтральные) и имеют свое представительство в парламенте.

Какие выводы напрашиваются после рассмотрения ситуации в указанных выше странах?

Во-первых, ислам переживает ренессанс, а многие народы, бывшие в колониальной или полуколониальной зависимости, накопили мощную пассионарную энергию. Но все-таки в большинстве случаев первичны социальные проблемы. (По некоторым данным, в исламском мире проживают более 500 млн. крайне бедных и нищих людей.) Известно, что есть три источника идеологий и три мобилизующие силы: это социальное, национальное и религиозное начала. Национализм в большинстве стран исламской культуры, похоже, себя исчерпал. Господствовавшая во многих молодых странах идея построения социализма – научного, «арабского», «африканского» и пр., как и идея мирных «революций сверху», дискредитирована. Западные же идеи демократии, прав личности, открытой экономики плохо приживаются в бедных странах. И в условиях глубокого общественного кризиса ислам, дающий ответы на все вопросы жизни человека, для обделенной благами части общества кажется привлекательным.

Во-вторых, в мире не оказалось разработанной программы перехода тоталитарно-авторитарных режимов к демократии. То, что предлагает Запад, совершенно не годится для таких стран. Нельзя вводить многопартийность одноразовым актом без соответствующей подготовки к этому общества и тем более в условиях экономического и общественного кризиса. В 1978 г. Дж. Картер, президент США, посетил Иран и настоятельно советовал шаху ввести многопартийность. Это было сделано и позволило шиитскому духовенству активизировать действия по объединению и сплочению своих сторонников, в то время как проживавший в демократической Франции Хомейни звал иранцев готовиться к шиитской революции. Его зажигательные речи записывались на диски, переправлялись в Иран, становясь достоянием миллионов иранцев.

Возможно, что и введение многопартийности в Алжире в 1999 г. (и тоже не без давления западной либеральной публики) в условиях нарастающего социально-экономического и общественного кризиса было не ко времени. Тут, очевидно, была нужна

«ступенчатая политика»: идти к демократии и правовому государству постепенно, ускоряя или замедляя этот процесс в зависимости от роста экономики и благосостояния граждан, которые к тому же должны учиться отделять демократию, не только дающую им права, но и налагающую на них определенные обязанности, от свободы по принципу «что хочу, то и ворочу». Положительный пример дают такие страны, как Южная Корея, которые сумели перейти к демократии, пусть пока еще и не очень зрелой, без революционных катаклизмов. Сильной стороной правления авторитарных военных и гражданских режимов в странах, ставших известными как новые индустриальные страны, было то, что они умели создать условия для быстрого экономического, социального и культурного развития, которое само по себе готовит хорошую почву для процветания демократии.

Выигравшая «холодную войну» Америка начала вести «горячие войны». Победившая в ходе «холодной войны» с СССР Америка, ставшая единственной в мире сверхдержавой, решила, что ей все позволено. О том, к чему это привело, стоит напомнить.

Первое. Политика США в отношении Афганистана, на мой взгляд, была ошибочной. И тем более его оккупация. Это был щедрый подарок радикальным исламистам. Как отметила Д. Малышева, доктор политических наук, «в самом мусульманском мире военная операция в Афганистане лишь усилила и без того широко распространенные антиамериканские, антиизраильские настроения. В массе своей рядовые мусульмане восприняли действия международной антиталибской коалиции как войну «неверных» с исламом». При этом усилились позиции радикального ислама в соседнем Пакистане, где к тому же проживает много этнических пуштунов. Сейчас уже и высокопоставленные афганские чиновники из ближайшего круга президента Карзая сетуют на то, что пакистанские спецслужбы создали в приграничных районах лагеря для подготовки террористов и засылки их в Афганистан, что, дескать, может вызвать ответную реакцию. И нет никакой гарантии, что после вывода военных контингентов США и их союзников Талибан, называющий сейчас себя «Исламским эмиратом Афганистана», не вернется к власти. Как писала газета «Вашингтон пост», похищения людей, убийства, связанные с наркоторговлей, вооруженные ограбления и нападения на дорогах стали в Афганистане повсеместным явлением. Нынешнее правительство, крайне слабое, удивительно терпимо относится к криминалу, злоупотреблениям властью и коррупции. В стране царят вседозволенность и безнака-

занность, что способствует росту авторитета движения Талибан. Талибы на деле боролись с производителями и распространителями наркотиков и с бандитами, грабителями. С приходом американцев едва ли не вся территория Афганистана превратилась в плантацию по выращиванию опиумного мака. А львиная доля произведенного и самого страшного наркотика – героина поступает в Россию. В связи с этим возникает вопрос: что для России было лучше – проводить ту политику, которую мы проводили, ничего не получив взамен от США (кроме, конечно, мощного потока в страны СНГ наркотиков), или оставить войска «Северного альянса» на их позициях и поставить американцев перед необходимостью начинать оккупацию Афганистана своими силами и силами союзников через Пакистан? Если они помогали нашим противникам в Афганистане, почему мы должны были помогать им? Этот вопрос становится еще более острым, если попытаться выяснить, откуда взялось мощное движение Талибан, столь хорошо вооруженное и обученное, что оно стало фактически основной силой оппозиции. В 2008 г. были рассекречены документы, свидетельствующие о том, что пакистанские спецслужбы стояли у истоков зарождения движения Талибан. Однако об участии американских спецслужб в поддержке этой организации не упоминается, хотя свидетельств этому немало. И это не случайно. Согласно Женевским соглашениям, подписанным 14 апреля 1988 г. министрами иностранных дел Афганистана и Пакистана при посредничестве ООН (гарантами выполнения которых выступили СССР и США), с выводом советских войск с афганской территории реализуется программа национального примирения и прекращения вмешательства со стороны соседних стран во внутренние дела Афганистана, в том числе прекращение поддержки оппозиции.

Второе. Не менее серьезной ошибкой США было решение начать войну против Ирака под фальшивым предлогом уничтожения оружия массового поражения, которого у режима Саддама Хусейна заведомо не было. В результате Ирак, в котором правил светский режим, превратился в рассадник исламского терроризма. Если цель Буша состояла не в том, чтобы взять под контроль Америки богатую нефтью страну, а в том, чтобы силой оружия привести ее к демократии по американскому образцу, то эта цель имеет такую же вероятность исполнения, как и строительство социализма в родоплеменном обществе. Поскольку ставка делается на шиитскую общину, в то время как всегда страной правили

считающиеся более продвинутыми сунниты, то политической стабильности достичь в этой стране будет очень трудно.

Третье. Президент США Джордж Буш, пригрозив расправиться со всеми странами «оси зла», в которые он включил Иран, КНДР и Сирию, по сути, заставил первые две страны форсировать разработку ядерного оружия.

Историю не только нельзя переписывать, но и подгонять под чью-то логику – у нее собственная логика. Как говорил Гегель, «что разумно, то действительно; и что действительно, то разумно». Иначе говоря, по большому счету, появление такого феномена как страны социалистической ориентации не было случайным. Их закат стал неизбежным после краха реального социализма. Ведь и по марксистской теории только с помощью стран «победившего пролетариата» они могли бы миновать капиталистическую стадию развития. И уж тем более не было случайным появление стран реального социализма. Как показывает опыт Китая, эту модель можно не ломать «до основанья», а реформировать. Но, вообще-то, социалистически ориентированному развитию самой историей суждено было появиться. Ведь человечество, по крайней мере со времен Древней Греции, если не раньше (ибо во всех мировых религиях есть мотивы равенства, солидарности и справедливости), мечтало о строе типа коммунизма. И отрицательный опыт – это тоже опыт, который должен быть усвоен человечеством. А борьба двух общественных систем, возможно, была своего рода тестом на то, какая из них в наибольшей мере отвечает интересам большинства людей на нынешнем, подчеркиваю, на нынешнем витке исторического развития.

«Зарубежный Восток и современность: Тридцать лет спустя», М., 2011 г., с. 228–246.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2012 –5 (239)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Корректор М.П. Крыжановская

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 18/IV-2012 г. Формат 60х84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 12,25 Уч.-изд. л. 11,4
Тираж 500 экз. Заказ № 66

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Напечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
42(02)

